

ПАВЕЛ МАРКОВ

И будет
ТЬМА

Павел Марков
И будет Тьма

«Автор»

2026

Марков П. С.

И будет Тьма / П. С. Марков — «Автор», 2026

Непобедимая армия персов вторглась в Египет. Войско фараона разбито, и в отчаянии жрецы обратились к богам, чтобы спасти народ. Но на молитвы откликнулся совсем не тот, кого ждали. Тот, кто несет лишь смерть и разрушения. Тот, кто не различает друга и врага. У него лишь одна цель — уничтожить. Всё. Тем временем к трону Персии приближается таинственная фигура. И она — не человек. Смогут ли дочь царя и его верный воин спасти мир? Или их всех поглотит Тьма?

© Марков П. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	79
Глава 14	84
Глава 15	90
Глава 16	96
Глава 17	102
Глава 18	107
Глава 19	112
Глава 20	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Павел Марков

И будет Тьма

Пролог

Громкое дыхание и шлепающие шаги эхом отдавались от желтоватых стен. Лучи оранжевого солнца струились меж колонн, заставляя худощавую фигуру отбрасывать длинную тень. Человек спешил. Пару раз он споткнулся, попав в зазор кирпичной кладки, и едва не растянулся во весь рост, но в последний миг удалось удержать равновесие. В меркнувшем свете дня бритая голова, покрытая испариной, блестела, словно начищенный металл.

Не мешкая, мужчина пробежал через портик и очутился в широком зале с бассейном чистой воды. Сквозь прямоугольное отверстие в крыше пробивалось сияние заката, играя на поверхности тусклыми бликами. Испуганный взгляд человека лихорадочно рыскал вокруг, пока не остановился на тучном силуэте прямо напротив.

— Рахотеп!

Фигура вздрогнула и обернулась, вышла из тени. Человек увидел, как резко нахмурилось лицо того, кто стоял по ту сторону источника. Руки, сцепленные на оголенном животе, дернулись. Сверкнул золотой браслет.

— Сасехт, боги покарают тебя за непочтение, — холодно ответил Верховный жрец.

Лишь теперь вбежавший осознал, что забыл обратиться, как полагает. Но тревога затуманила разум.

Сасехт начал спешно оббегать бассейн, направляясь к Рахотепу. Дыхание окончательно сбилось и теперь прерывистым хрипом срывалось с пересохших губ. К горлу подступил комок.

Преодолев половину пути, Сасехт громко сглотнул и сумел выдать:

— Прости, светлейший... беда! Беда пришла к нам!.. Беда пришла в Та-Кемет!

Рахотеп вздрогнул. Карие глаза расширились. Страх начал передаваться ему, подобно заразному мору.

Беда? Что за беда способна угрожать Та-Кемет, Черной земле, великой долине Нила? Ни одна беда не страшна, пока их всех защищают боги и сам фараон!

— Какая напасть могла постучаться в дом к нам? — неуверенно спросил Верховный жрец.

Сасехт добрался-таки до него и оперся о стену, стараясь перевести дух. Рахотеп не стал подгонять с ответом, хотя сам уже сходил с ума от тревоги и нетерпения. Руки на животе слегка дрожали.

Наконец, спустя томительную минуту, помощник совладал с дыханием и выпалил:

— Они здесь! Они идут сюда! Скоро... уже скоро, Рахотеп! Будут здесь...

На этот раз Верховный жрец не обратил внимания на непочтение со стороны Сасехта. Кожа слугителя богов побелела, как слоновая кость.

— Во имя Амона, да о ком ты говоришь?! — высоким тоном чуть не взвизгнул он.

— Враг! — Сасехт шумно вдохнул и выдохнул. — Враг с востока! Персы!

Рахотеп отшатнулся и уперся спиной в стену:

— Не может быть! Невозможно! Амон хранит нас и нашу землю! Он простер над нами длань!

— Прости... прости, господин, — капельки пота стекали по искаженному страхом лицу, — но это так. А еще..., а еще... — дыхание Сасехта вновь перехватило, — Мемфис в осаде... И Божественный владыка сейчас там... в окружении жестокого чужака!

Ладони Рахотепа разжались. Они повисли вдоль тела безвольными плетьюми. Чтобы через секунду заскрести по шершавому кирпичу.

— Нет... — прошептал жрец, — нет... не верю... я не верю... тебе просто дурно стало под ликом солнца. Не следовало отправлять тебя следить за сбором оливковых плодов.

— Это рассказал гонец, светлейший! — Сасехт выпрямился и вытер испарину дрожащими пальцами. — Он прибыл из Мемфиса. Только что.

— Не может быть... — повторил Рахотеп, взгляд его приобрел отрешенный вид, — не может быть...

— Это правда, господин! — в отчаянии воскликнул Сасехт, но Верховный жрец, кажется, его уже не слышал.

Пребывая среди мыслей, известных лишь ему, Рахотеп отошел от стены и на негнувшихся ногах направился к массивной двери в дальнем правом углу. Сасехт слышал, как светлейший шепчет себе под нос, проговаривая одно и то же. Одно и то же.

— Не может быть... Амон хранит нас... не может быть... Амон хранит нас...

— Что будем делать, господин?

Рахотеп не ответил, вызвав у Сасехта новый приступ паники. Голова закружилась, живот скрутило. Помощник жреца вновь оперся о стену и невольно прислушался к окружению.

Вода тихо журчала в бассейне. Тусклые «зайчики» блуждали по стенам, а снаружи оазис готовился ко сну. Стихали голоса людей и пение птиц. Покой и безмятежность.

Трудно было поверить, что прямо сейчас на востоке льется кровь, а земли повергаются во тьму. Тьму, которая скоро будет здесь.

Сасехт вздрогнул и поднял голову, когда двери за Рахотепом с шумом захлопнулись. Помощник остался один. И теперь он слышал, как быстро и громко бьется его сердце.

— Не может быть... Амон хранит нас... не может быть...

Тихий шепот, что срывался с губ, был едва различим, несмотря на полное безмолвие внутри святилища. Помещение тонуло в сумраке, ведь никто не отдал приказа зажечь огонь. Рахотеп прошел через залу и опустился на колени перед ликом бога. Высокая каменная статуя взирала поверх головы жреца взором, уходящим в пустоту. Служитель погрузил дрожащую руку в складки схенти, белой набедренной повязки в виде передника. Нашупал среди них золотой крест с петлей вместо верхней планки и сжал. Вытащив кулак на свет, жрец раскрыл ладонь. Вгляделся, как металл тускло переливается в последних лучах дня.

— Анх... Ключ жизни... Ключ к спасению...

Затем снова крепко сжал пальцы в кулак и пал ниц перед скульптурой.

— Амон, храни нас... Амон, храни нас...

Рахотеп не знал, сколько времени прошло. Сколько раз он обратился с мольбами к Хранителю Египта... когда до слуха донесся нарастающий гул.

Шатаясь, словно пьяный, Сасехт пробирался к выходу, то и дело опираясь о массивные колонны. Ему немедленно требовалось покинуть храм и очутиться на улице. Вдохнуть пусть теплый, но приятный воздух, полный аромата фиников с примесью свежести соленого озера. Голова кружилась и плохо соображала. Когда он добрался до конца портика, солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, посылая миру последние лучи уходящего дня. Оазис медленно обволакивал сумрак. Деревья стояли неподвижно. Смолкли голоса, затихли птицы. Все готовилось ко сну. Даже рябь на воде полностью исчезла.

Небесное светило отдавало каким-то красноватым свечением, вынуждая небо вокруг переливаться таким же оттенком. Оазис и пески тоже налились рыжеватым цветом, словно пропитались кровью. Но Сасехт этого не замечал, полностью погрузившись в думы. Он с шумом вдохнул и выдохнул. Отрешенный взор скользнул по ступенькам святилища и наткнулся у его подножия на гонца, что доставил страшные вести.

Воин нервно вышагивал взад-вперед подле храма, то и дело теребил рукоять хопеша, серповидного клинка, висевшего на поясе. Чуть поодаль примостилась колесница посланника. Лошади с наслаждением уминали дармовое сено из кормушки. Бег через пустыню вынудил потратить немало сил.

Вид вооруженного бойца слегка приободрил и заставил вынырнуть из мрачных дум, но в груди все равно неприятно покалывало. Выдохнув еще раз, Сасехт начал спускаться. Завидев его, воин перестал метаться и с надеждой воззрился на жреца.

— Что сказал светлейший? — нетерпеливо спросил он, когда Сасехт вступил на предпоследнюю ступеньку. — Амон-Ра спасет нас?

К горлу вновь подступил комок, когда жрец вспомнил, сколь сильно исказился лик его господина, и как тот заперся в одиночестве в главном зале святилища.

— Он... он сейчас молится о нашем спасении, — насколько мог, уверенно ответил Сасехт, — теперь все в его руках и воле богов.

— Надо было сразу просить об этом! — боец в отчаянии взмахнул руками. — Быть может, тогда они не допустили ничего?! За что?! За что они нас карают?!

Он повернулся к жрецу спиной и схватился за голову. Сасехт заметил свежие шрамы меж лопаток гонца. Красные и бордовые, подобно полосам на его головном платке. Судя по всему, их нанесли мечом, и воин чудом избежал смерти.

— Не знаю, — прошептал жрец, ощущая, как снова подступает паника, — не знаю.

— О-о-о!

Одна из лошадей приподняла голову, фыркнула и вернулся к еде. То был единственный шум, если не считать шагов бойца да редкого перестука копыт, что разносился по округе. Давно Сасехт не испытывал такого давящего чувства тишины. Силуэты пальм, окутанные сумраком и стоявшие неподвижно, лишь усиливали тревогу. Она накатывала, словно волны на берег Великого моря.

Жрец сцепил пальцы, дабы унять дрожь, но это не помогло. Руки ходили ходуном. Чтобы хоть немного отвлечься, он спросил:

— Расскажи, что случилось в Мемфисе? Почему войско оказалось разбито и... — Сасехт запнулся на мгновение, — как так вышло, что Божественный владыка попал в окружение гнусных чужеземцев?!

Воин замер и тяжело вздохнул. Жрец увидел, как напряглись мышцы его тела. Бойцу явно было неприятно возвращаться памятью в прошлое.

Ладони воина скользнули на шею. Не отнимая их, он медленно развернулся и пустым тоном изрек:

— Нас предали.

Сасехт вздрогнул и отступил, его глаза расширились:

— Предательство? Да быть такого не может! Никто бы не посмел свершить такое с воинством Та-Кемет и Божественным владыкой!

— Я там был, жрец, — устало и обреченно ответил воин, его руки опустились, — и видел все своими глазами. Трусливый предводитель греков бросил нас и пропустил врага вглубь долины Нила.

Сасехт пожелтел, как камень храма Амона, ладонь его обхватила горло.

— А еще, — добавил боец, — враг использовал мерзкую хитрость.

— Какую еще хитрость? — просипел жрец.

— Они прикрывались кошками. Священными миу. Знали, что наши лучники не смогут в них стрелять.

— Кошунство! Немыслимое кошунство!

— Это правда! Я видел сам! Вот этими вот глазами! — он указал двумя пальцами на веки. — Враг нес перед собой миу, словно щит! Выкрал их из храма Бастет!

Сасехт пошатнулся. Ему пришлось закрыть очи и глубоко вдохнуть, ибо казалось, что сердце не выдержит и разорвется прямо в груди.

«Богохульники... осквернители... прикрываться... прикрываться священными животными! Настоящие богохульники!».

— И... — он прочистил горло, шумно втянул воздух, поднял веки, — что... и что было дальше?

Воин открыл рот, но ответить не успел. Их прервал гул. Оба замолчали и прислушались. Поначалу отдаленный, шум нарастал с каждой секундой и стремительно приближался. Через минуту он был уже отчетливо слышен. Словно сюда неслась огромная волна. Вот только... оазис стоял среди пустыни.

— Что это? — нервно спросил боец.

Лошади подняли головы и тревожно заржали.

Сасехт сглотнул:

— Похоже на... подожди, почтенный гонец, никуда не уходи, я сейчас!

Жрец спешно стал взбираться по ступенькам ко входу в храм, ибо оттуда был лучше обзор. Подъем дался далеко не сразу. Сасехт сильно нервничал и запыхался, пришлось пару раз остановиться и перевести дыхание. Тело покрыла испарина. Добравшись до нужного места, он вовсе взмок, будто искупался в озере, но, не теряя времени, выпрямился и оглядел окрестности.

Солнце не было видно. Тьма стремительно окутывала землю. Слишком стремительно. Сасехт не сразу сообразил, в чем дело. И только спустя пару мгновений заметил огромную песчаную волну, приближавшуюся к оазису с запада со скоростью полета стрелы.

Секунды хватило, чтобы понять.

— Буйство Сета! — закричал во все горло жрец. — Сюда, почтенный, сюда!

Воин не заставил себя упрашивать дважды. Сет, бог и владыка демонов пустыни, в гневе страшен и не знает жалости. На своем пути он несет лишь смерть и разрушения.

Гонец рванул к лестнице, с тревогой подмечая, как быстро стало темнеть. Вскоре он уже с трудом различал ступеньки, а гул заполнил все пространство вокруг. Боец теперь не слышал ничего, кроме этого жуткого воя, в котором потонуло ржание перепуганных лошадей.

«Нет времени... у меня нет времени увести колесницу... Амон, сохрани их... сохрани нас».

Сасехт медленно отступал в храм, смотря на коричневую волну расширенными от ужаса глазами. Он никогда не видел столь огромную и стремительную бурю. Деревья накренились, ветер срывал листья. Озеро вмиг скрылось за пыльной завесой. Секунда — и лавина песка обрушилась на святилище.

Жрец вскрикнул, прикрыл лицо руками. Мелкие песчинки, подхваченные порывами, больно ударялись о кожу, залезали в ноздри, липли к губам. Сасехт больше не видел воина. Он был на полпути ко входу, когда буря накрыла его. И жрец не осмеливался позвать, боясь схватить полный рот песка.

«Доберется, тут немного ступеней осталось... доберется ведь?».

Он шагнул еще немного вглубь. Песок стремительно покрывал пол. Сасехт уже хотел скрыться во внутренних помещениях храма, как вдруг нечто заставило его замереть на месте. К оглушительному вою бури примешался еще один звук. Жрец даже удивился, что смог слышать его.

И через миг пожалел об этом.

Дыхание.

Громкое. Ровное. С присвистом. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Сасехта пробил озноб.

«Что это такое?».

С трудом, он медленно развернулся и заставил себя посмотреть на оазис. Того не было видно. Все скрылось за мглой и безумной пляской песка и ветра. Но среди буйства стихии Сасехт заметил громадную тень. Жрец вздрогнул, когда та промелькнула совсем близко. Чье-то дыхание усилилось. И вот оно уже перекрывает шум бури. Опершись рукой о колонну, жрец сощурился, устался во мрак.

Вспыхнул огонь. Прямо среди завесы хаоса. Две красновато-желтые точки. Яркие, словно факелы во мгле. Они приближались к святилищу, на пороге которого замер Сасехт, оцепеневший от страха. Жрец почувствовал, как по колонне прошла дрожь. Камень заскрипел и затрепал. Огни становились все ближе... и выше.

А затем вспыхнули письмена. Непонятные символы. Прямо в воздухе! Рот Сасехта непроизвольно открылся, на язык налип песок, но жрец этого даже не заметил. Он заворожено смотрел на пылающие символы.

«Боги... боги, что это... это знак?».

Жрец не сразу сообразил, что символы двигаются. Перемещаются в пространстве. Но не произвольно, а словно по начертанному пути. То сближаясь, то вновь расходясь. Лишь когда они приблизились к храму почти вплотную и зависли над входом, Сасехт осознал — их движение связано с тем жутким дыханием, которое доносилось из тьмы. Расходятся на вдохе... сходятся на выдохе... И те горящие точки... они тоже были здесь.

Сасехт уже не слышал воя бури. Лишь это жуткое дыхание. А потом сквозь хаос проступил огромный силуэт. Подобно хоботу, он устремлялся ввысь, расширяясь возле символов, словно капюшон кобры. Жреца замутило. Он попробовал сдвинуться с места, но ноги будто вросли в пол.

Дыхание внезапно стихло. Замерло на миг.

В разум вновь ворвался звук песчаной бури.

А затем раздался крик. Нет. Визг. Оглушительный, высокий, в нем не было ничего человеческого. В голове Сасехта словно что-то лопнуло. Он ощутил, как из ушей течет кровь. С воплем, он зажал их ладонями, краем глаза замечая, как рушатся колонны храма. Одна развалилась на блоки прямо перед ним.

Паника захлестнула волной. Страх придал сил, и жрец намеревался бежать куда угодно, лишь бы уйти подальше от этого места. Однако с первым же шагом ноги заплелись, и Сасехт рухнул на пол, занесенный песком. Жрец поднял голову, устремил взор, полный отчаяния, вверх, будто желал увидеть среди стихии лик Амона-Ра. Бога, который прямо сейчас должен вступать в смертельную схватку со своим злейшим врагом — змеем Апофисом. Чудовищем, жаждущим каждую ночь поглотить солнце...

Однако вместо спасительного лика увидел только пылающие огни... и понял. Это глаза. Красно-желтые, прожигающие глаза. Сразу над капюшоном кобры.

Холод пронзил все тело. Грудь сдавило так, что Сасехт не смог дышать. Осознание. Озарение. Ужас. Все смешалось в разуме.

С уст, уже полностью скрывшихся за толщей налипших песчинок, сорвался беззвучный шепот:

— Апофис?..

Очередной, нечеловеческий и душераздирающий вой. Святилище стало разваливаться на куски. Камень и кирпич с грохотом полетели во все стороны.

«Амон-Ра... Амон-Ра, спаси нас!».

Взор жреца подернулся красной пеленой. Треск раздался справа. Сасехт обернулся и успел заметить, как остатки колонны падают ему прямо на голову. После чего наступила тьма.

Глава 1

Нежная ладонь бережно сжимала плод спелой груши. Зеленая, с подрумяненными боками, она выглядела сочной и аппетитной. Но женщина, примостившаяся на скамье в тени садовых деревьев и пальм, не спешила отведать мякоть на вкус. В черных глазах застыли задумчивость и грусть. Тонкие пальцы плавно поворачивали грушу. Морщины на уже немолодом лице пролегли глубже. Однако они не могли скрыть естественной красоты, уничтожить которую оказалось не подвластно даже времени. Слабый ветерок качнул пурпурную накидку, чуть приоткрыл черные локоны, тронутые сединой. Женщина медленно опустила руку с плодом на колени и тяжело вздохнула.

Шаги и знакомый голос заставили вздрогнуть и обернуться.

— Ахура-Мазда не для того подарил нам свет, чтобы я видел твою печаль, любимая.

Он стоял на фоне пруда, сверкающего в лучах солнца. Красный кафтан со свободными рукавами лишь немного скрадывал крепкую фигуру, а высокая тиара с голубой лентой подчеркивала статус.

— Кир, — тихо поприветствовала женщина, поднялась и слегка поклонилась.

Царь улыбнулся. Морщинки возле уголков губ разгладились. Аккуратная седая борода чуть дернулась. Повелитель шагнул вперед.

— Я не хочу наблюдать грусть на твоем лице, Кассандана. Красота дарована тебе богами, чтобы радовать меня.

Она подняла взор и, нисколько не смущаясь, решительно ответила:

— Поэтому ты избегаешь встреч со мной?

Улыбка померкла. Кир выдохнул и прошелся вдоль скамьи.

— Дела державы требуют много времени, кому как не тебе знать об этом. Северным рубежам снова грозит опасность от кочевых племен. Я должен с этим разобраться.

— Неужели с тебя не хватит походов?

— С царя их никогда не хватит, — чуть тверже молвил Кир, но затем, остановившись, нежно добавил, — но вот сейчас я здесь, тебе нет причин печалиться. Но что я вижу? Ты даже не хочешь отведать столь прекрасный плод? — он указал ладонью на грушу, кою супруга все еще сжимала в руке.

Кассандана медленно перевела взгляд вниз, потом вновь посмотрела на Кира.

— Прекрасный плод... то, чем перестала быть для тебя я.

— Глупости! — отмахнулся царь. — Если дела государства вынуждают меня на большие разлуки, это еще не значит, что я охладел к тебе.

Женщина поджала губы. Пальцы крепко сжали грушу, готовые в любой миг раздавить. В глазах запылал огонь. Не ярости, нет. Безнадежной тоски.

— Поэтому ты носишь ее на руках?

Царь вздрогнул и нахмурился:

— Что?

— Нитетис.

Услышав имя египетской царевны, Кир нахмурился сильнее и будто бы постарел на несколько лет. Он отвернулся и сделал пару шагов в сторону от скамьи. Солнце играло мягкими тенями. В кронах пели птицы. Но напряжение нарастало.

— Кто тебе об этом рассказал? — глухо спросил он.

Кассандана печально улыбнулась:

— И у дворца есть глаза да уши.

— И ты веришь всяким сплетням?

Женщина покачала головой, пусть Кир этого и не видел.

— Их слишком много. И дыма без огня не бывает.

Царь резко развернулся. Мелкие камешки захрустели под подошвами красных сапог. С серьезным и открытым лицом, Кир взглянул супруге прямо в глаза. Подошел, обнял за плечи и молвил твердо, но тихо.

— Я никогда ничего не скрывал от тебя, любимая. Не стану делать этого сейчас. Да. Я носил Нитетис на руках. Это правда. Но лишь только для того, чтобы не дать ей замочить ноги в пруду, — он отстранился, отошел на шаг назад, — конечно, со стороны все виделось иначе, и злые языки успели напридумать глупостей. Я слишком милосерден, чтобы резать их по подобным пустякам. Однако надеялся на твое благоразумие. Думал, ты узрешь истину.

Кассандана молчала. Она знала — Кир ей никогда не лгал. Вряд ли его нынешние слова неправда. Но почему-то обида, поселившаяся под сердцем с того дня, как супруг взял в жены египтянку, не ослабевала. И причина в виде *«так надо для дружбы между Персией и землей фараонов»* не слишком утешала. И тем не менее, в глазах женщины мелькнуло сомнение, которое не скрылось от пристального взора царя.

— Ты подарила мне прекраснейших детей, — добавил он, — и никто, слышишь, никто не посмеет оспорить твое место. Не только во дворце, но и в моей душе. Свет Ахура-Мазды мне в свидетели, — Кир поднял взгляд на безоблачное небо, — сегодня он особенно ярок.

— Да, — тихо молвила Кассандана, снова невольно восхитившись умением супруга плавно менять темы.

Он вновь посмотрел на нее. Теперь очи царя излучали нежность и теплоту. Будто и не было размолвки мгновение назад.

— Не знаю, как долго я еще пробуду в Вавилоне. Положение на границе может потребовать моего присутствия. Но обещаю — я найду время для встречи с тобой. И на этот раз — она будет куда приятнее, чем эта.

Кир подошел вплотную и крепко ее поцеловал. Кассандана ответила. Неуверенно и осторожно, словно невинная девица. Когда она открыла глаза, царь уже удалялся по дорожке, его сопровождал хруст камешков под сапогами.

— И не бери на веру глупые слухи, любимая, — бросил он, не обернувшись.

Вскоре женщина осталась одна. Только сейчас Кассандана заметила, что по-прежнему сжимает грушу в руке. Она отрешенно уставилась на плод, когда до слуха вместе с вялым шелестом листьев и щебетанием птиц долетел подозрительный шум.

Кассандана обернулась и пристально всмотрелась в зеленый кустарник, росший меж пальм за скамьей. Тот слабо колыхался на ветерке. Недостаточно слабо.

— Я знаю, что ты там. Выходи, — голос ее прозвучал жестко и твердо. — Выходи же!

Несколько секунд ничего не происходило. Затем ветви кустарника, будто нехотя, раздвинулись, и на свет вышел молодой муж с длинной и завитой на вавилонский манер бородой. Да, за годы жизни в столице мира он многое перенял от местных жителей. Как и любовь к синим одеждам. Вот и сейчас его стройное, подтянутое тело облегла такого же цвета рубаха, опоясанная красным ремнем, на котором в ножнах висел обоюдоострый меч с золотой рукоятью. По земле прошуршали прочные сандалии из кожи, мужчина предстал перед Кассанданой, глядя ей прямо в глаза. Глубокие морщины прорезали его лоб, а в зрачках пылал яростный огонь.

«Как все это знакомо» — подумала про себя она.

— Откуда ты узнала, что я там?

Женщина вяло улыбнулась:

— Своего сына я узнаю где угодно, — улыбка померкла, Кассандана стала серьезной, — а вот ты уроки не усвоил.

— Какие еще уроки?! — он с вызовом выпятил грудь и скрестил на ней руки.

— Следить за отцом и матерью из тени — низкий поступок. А уж подслушивать тем более.

Тот нисколько не смутился. Лишь сильнее нахмурился, а пламя в глазах разыгралось ярче.

— Он оскорбил тебя! — процедил он сквозь зубы. — И даже не раскаялся!

Кассандана сокрушенно покачала головой и опустила на скамью:

— Значит, ты здесь уже давно.

— Я слышал все! — дерзко ответил сын.

— Камбиз, — она подняла на него взгляд, — если это так, то должен был слышать и его ответ.

— И ты поверишь этому?! — царевич развел руками. — Это же наглая, неприкрытая ложь!

— Я верю твоему отцу, — сухо молвила Кассандана, — а тебе стоит поучиться не потакать слухам... и мне тоже стоит.

Она отвернулась, проследила за тем, как утка скользит по искрящейся на солнце поверхности пруда.

— А Нитетис? — донесся голос Камбиза. — Ей тоже не стоит потакать?

Мать вздрогнула, но не ответила. Глаза чуть увлажнились, однако ни одной слезы не было пролито в сей миг. Кассандана услышала шаги. Почувствовала, как сын присел подле ее ног. Ощутила прикосновение его сухих ладоней на своих руках. И как он осторожно, но решительно забирает у нее спелый плод. Только тогда женщина обернулась и удивленно воззрилась на сына. Тот смотрел ей прямо в глаза.

— Она оскорбляет тебя одним своим присутствием здесь, — гневно прошептал Камбиз, — она — олицетворение зла! И я никогда не прощу ей этого. Ни ей, ни Египту! Придет день, мама, и я обещаю — Черная земля поплатится за каждую слезу, что заставила проронить тебя.

Сильная рука крепко сжала грушу, и та с чавкающим звуком превратилась в кашу. Сладкий сок брызнул во все стороны. Часть капель угодила на одежду Кассанданы. Она вздрогнула и с опаской взглянула на сына. Тот поднялся и, небрежно утерев пальцы о лист кустарника, посмотрел на мать сверху вниз.

— Обещаю, — зловеще бросил он, резко развернулся и направился к выходу из сада.

Царица обреченно покачала головой. Противоречивые чувства терзали ее изнутри. О том, что было... что есть... и что будет. Вспыльчивость... излишняя жестокость родного сына заставляли задуматься уже сейчас. Задуматься о будущем молодой, но столь крепкой Персидской державы.

«И вопросы царства куда важнее моих. В этом Кир прав. Но Камбиз... как бы он не натворил бед».

Кассандану утешала надежда, что супруг совладеет с необузданным нравом сына. Последний не смел перечить отцу даже тогда, когда тот отстранил его от управления Вавилоном. Но образ раздавленной груши невольно всплывал перед глазами. Как и образ Кира, несущего на руках Нитетис. И все это повергало в смятение.

Одна слеза все-таки сорвалась с ресниц и покатилась по щеке. Но свидетелем тому была лишь утка, вспорхнувшая с поверхности пруда.

Камбиз оказался так погружен в свои думы, что не заметил, как на выходе из сада налетел на здоровенного детину. Отпрянув в сторону, царевич метнулся к обоюдоострому клинку у пояса, но, разглядев здоровяка, несколько подостыл.

— А-а-а! — пробасил верзила и широко улыбнулся. — Да это мой хмурый братец Камбиз! Что ты снова невесел? Разбудили рано, али ночьку в одиночестве провел? — и заготовил на всю округу.

— Не твое дело, Бардия, — огрызнулся тот.

— Да ладно, не серчай, — детина, облаченный в голубой кафтан свободного покроя, ткнул брата кулаком в плечо, заставив того слегка пошатнуться, — сияй, как Ахура-Мазда, а не будь, словно грозовая туча. Ведь жизнь так прекрасна!

— Всегда поражался твоей глупости, — раздраженно бросил Камбиз, не уточнив, что именно считает таковой, а Бардия, кажется, и не собирался узнавать, — чего тебе надо?

— Матушку шел проводить, — как ни в чем не бывало, ответил брат, — а то, может статься, нескоро ее увижу. Отец хочет сделать меня сатрапом Парфии.

Огонь зависти промелькнул в глазах Камбиза. Столь мимолетный, что брат ничего не заметил.

— И все вдруг решили проводить ее в один день, — с издевкой молвил Камбиз, — какое поразительное совпадение.

Бардия, привыкший к непростому нраву брата, пропустил колкость мимо ушей:

— А кто еще приходил?

— Отец был недавно, — проскрежетал Камбиз, — хватило наглости явиться, после случая с египетской шлюхой!

— О-о-о, — неуместно весело протянул здоровяк и вновь попытался пихнуть брата, но на сей раз тот уклонился, — это так задевает тебя?

— Это оскорбляет мать!

— Отцу виднее, что ее оскорбляет, а что нет, — пожал плечами Бардия, — ты бы почаще прислушивался к нему. Быть может, снова стал бы сатрапом.

— Я и так наследный царевич! — с вызовом бросил Камбиз.

— Ну да, ну да, как знаешь, — широко и открыто улыбнулся детина, — но отца я бы лучше слушался и нос не задираю.

— Обойдусь без твоих советов, как без того, что из этого носа порой течет! Близнецу своему можешь нравоучения читать, а мне не смей!

Вспыльчивый выпад вызвал лишь новую волну хохота. Порой казалось, что ничто в этом мире не способно вывести добродушного здоровяка из себя.

— Ты про Гаумату что ли? Так он в Согдиане остался. Рудник какой-то откапывает. Говорят, там лазурита несметное количество! Самому Крезу, небось, и не снилось! Хотя он вдоволь монет себе начеканил, пока мы их все не отобрали, ха-ха! А лазурит — камешек красивый, дорогой. Атосса точно будет в восторге, если у Гауматы все получится. Ты же знаешь, как она обожает лазурит! Сильнее только желание прокатиться на слоне, но отец пока что запрещает. Бойтся, что не справится. Наша сестрица хоть и умная, в отличие от меня, но телом не так сильна... в отличие от меня! — Бардия рассмеялся собственной шутке.

Камбиз же поморщился. Все это волновало его в последнюю очередь, и лишь в очередной раз убеждало в глупости и недальновидности брата. Как он может думать о подобных мелочах в такой момент?! Хорошо, что наследный царевич он, Камбиз, а не Бардия.

«И за что его все любят, не пойму?!».

— Ну вот отправляйся и навести его, сатрап Парфии! — с желчью бросил он.

— Да я бы с удовольствием, но без отцовского веления не могу, — невинно пожал плечами Бардия, — а вот к матушке заглянуть никто не запретит.

— Найдешь ее в саду, — утомленный беседой, молвил Камбиз и, обойдя Бардию, раздраженный, направился вглубь двorca.

— Не будь смурным, подобно туче, братец! — понеслось ему вслед. — Тебя это совсем не красит!

— Я не девица на выданье, чтобы об этом думать, — злобно процедил наследник.

Бардия еще несколько мгновений смотрел ему вслед, потом вновь пожал плечами и направился на поиски матери. К гневным вспышкам брата он давно привык и не придавал им

особого значения. Все же цепкого ума и хитрости Камбизу было не занимать. Из него выйдет достойный правитель. А сам Бардия на трон не претендовал.

«Слишком сложно это, править большой державой. Мне бы что попроще. Сатрап Парфш... вот это звучит красиво».

Когда сумерки опустились на дворец, и последние лучи уходящего дня отразились в золотых львах, что венчали обитель владыки половины мира, тайный выход из сада, прикрытый зеленью фруктовых деревьев, приотворился, и юная дева, кутаясь в красную накидку, юркнула за пределы высоких стен.

Там ее уже ждал воин в чешуйчатом доспехе и обоюдоострым клинком на поясе. Суровый с виду, глаза его начали источать любовь и нежность, как только он завидел девушку с черной, подобно вороному крылу, косой. Припал губами к ее мягкой ладони, заставляя выступить румянец на чуть округлых щеках. Красавица засмушалась и потупила взор, однако, с легким трепетом в голосе, тихо произнесла.

— Я очень счастлива тебя видеть, Рустам, но сегодня у нас мало времени. Как только свет померкнет, я должна явиться к учителю по музыке. Так настоял отец.

— У меня тоже сегодня времени мало, Роксана, — ответил он, аккуратно сжимая девичью ладонь в своей, — на границах неспокойно. Кажется мне предстоит новый поход.

Девушка вздрогнула и тут же прильнула всем телом к нему.

— Так скоро? Почему так скоро?! Ведь совсем недавно ты вернулся с победой!

Он крепко обнял ее и провел пальцами по волосам:

— Враги не дремлют. Только и ждут нашей слабости. Будь моя воля, проводил рядом с тобой каждый миг. Но... есть хорошая весть.

— Что может быть хорошего в скорой разлуке? — с нотками обиды поинтересовалась Роксана и немного отстранилась.

Рустам улыбнулся:

— Сам Кир желает возглавить поход. А это — отличная возможность попросить у него твоей руки.

У девушки екнуло сердце:

— А согласится ли он? И опасна ли новая война для вас?.. Ох, я так боюсь!

Рустам вновь крепко прижал ее к себе. Она не сопротивлялась. В его объятиях страх улетучивался сам собой. Скоро она услышала его шепот. Спокойный и уверенный.

— А почему он должен отказать? Я смел, храбр, благороден. Способен защитить столь дивный цветок. Я перс. Не мидянин. А насчет войны... Ахура-Мазда хранил меня раньше. Сохранит и сейчас.

Роксана почувствовала уверенность. Как она стремительно передается ей от воина. Несмотря на опасения, дух захватило от предстоящего.

— Значит... Уже скоро? — она посмотрела на него и засветилась от счастья. — Тогда сегодня я буду заниматься музыкой еще усерднее! Чтобы когда-нибудь покорить тебя игрой на арфе!

Рустам беззвучно рассмеялся:

— Ты уже покорила меня. Своей красотой.

Солнце полностью село за горизонт, сумрак окутал дворец повелителя. Заметив это, воин нехотя разомкнул объятия и молвил.

— Тебя ждет учитель. Не стоит опаздывать, а то снова пойдут упреки, что знания нужны лишь Атоссе.

— Сегодня я готова слышать любые упреки! — она дотронулась до двери. — Но прошу тебя, когда счастье так близко, будь осторожен!

— Вдвойне, Роксана, — заверил Рустам.

Девушка обняла его на прощание и осторожно поцеловала.

— Тогда я жду с нетерпением нашей новой встречи! И пусть та станет судьбоносной!

Когда за ней закрылся проход, и тихие шаги стихли вдали, воин счастливо выдохнул и неторопливо побрел по ночным улицам Вавилона. На губах играла вялая улыбка, а разум наполнил приятные думы. Они освещали ему путь лучше любого факела. И мрак ночи не мог заглушить это искреннее сияние.

Глава 2

Солнце едва показалось над верхушкой хвойного леса, а работа возле пещеры уже кипела. Холодный ветер налетал с гор, заставляя могучего воина с густой бородой кутаться в шерстяную накидку. Однако взор его черных глаз пылал предвкушением скорой добычи. Обычно в таких гротах лежит немало лазурита. И если это так, то казна Персидской державы нехило пополнится, а любимая дочь царя, Атосса, получит столько драгоценного камня, сколько душа пожелает. И все это сулит ему, Гаумате, мидийскому магу, еще большие выгоды и крепкое положение при дворе. Кто знает, быть может, удастся дослужиться до титула правителя богатой сатрапии? Гаумате грезы о богатстве и власти были далеко не чужды. Однако на пути к ним, несмотря на благосклонность Кира, имелись свои препятствия. Мидян персы не любят. Ведь еще совсем недавно вторые были рабами первых. Глупость Астиага и блистательные таланты Кира все перевернули так резко, что сам Гаумата искренне тому удивился. Но еще большее изумление у него вызывало то, что все разговоры о мудрости, милосердии и благородстве персидского завоевателя оказались не пустым звуком. И взял Кир его к себе на службу не просто потому, что он высокопоставленный маг или так похож внешне на младшего сына правителя, Бардию. Нет, царь в первую очередь разглядел в нем пытливость и чутье, которое еще никогда не подводило Гаумату, где следует искать выгоду. Вот и сейчас оно подсказывало — в этой пещере что-то есть, надо лишь копнуть глубже. Не стали бы местные горцы так рьяно защищать грот от чужаков, будь он совершенно пуст.

Маг окинул взглядом поляну около входа. Вдоль опушки выстроились воины его отряда. Да, Кир не поскупился и оставил ему хороших бойцов. С копьями, клинками на поясах и длинными щитами, они были облачены в чешуйчатые доспехи, пластинки которых ярко блестели в утренних лучах.

«Как золотые рыбки, — подумал Гаумата и расплылся в ухмылке, — скоро я осыплю золотом всю империю. Смогу затмить самого Креза. И вот тогда уж точно ни у кого не хватит духу упрекать меня прошлым».

Бойцы зевали и откровенно скучали. Кто-то снял каплевидный шлем и разместился прямо в низкой траве или же на остатках полусгнивших стволов, что немало валялось вокруг поляны. Должно быть, когда-то давно здесь прошла сильная буря, раз смогла повалить такие деревья.

Скука воинов медленно стала передаваться и магу. Чтобы отогнать ее, он сделал несколько шагов взад-вперед, осмотрел широкую тропу, ведущую сюда со стороны местного селения. Грунтовая дорога ловко петляла среди леса, местами ее плотно покрывали иголки, что осыпались с сосен и елей. Если не считать легких порывов ветра да шума рабочих, вокруг стояла тишина.

«Переугали, наверное, всю дичь в округе, — снова ухмыльнулся Гаумата, — ну, ничего. Я сюда не за зверем охотиться явился».

Он вновь взглянул на пещеру, зиявшую подобно раскрытой пасти огромного чудовища. Возле входа лежало несколько камней, видимо, упавших когда-то после схода лавины. Сейчас они напоминали острые клыки неведомой твари.

«Дахака, я пришел за твоими сокровищами» — в шутку подумал маг, вспоминая рассказы об алчном драконе из авестийских легенд.

Внезапно его обдал особо сильный порыв ветра. Холодное дыхание с гор. Гаумата поежился и плотнее завернулся в накидку, как вдруг среди шума сосен и елей ему послышался шепот.

«Сюда...».

Маг нахмурился и обернулся. Лес стоял мрачной массой и монотонно качался, осыпая на тропы новые иголки. Сумрак сгустился меж вековых стволов, по опушке скользили длинные тени.

Гаумата не успел ни о чем подумать, когда шепот раздался вновь. Уже со стороны пещеры.

«Заххак...».

Маг резко обернулся назад и схватился за меч. В этот миг ветер стих, и поляну вновь наполнил стук каменных молотков и осыпающихся в гроте камней. Несколько рабочих, из числа местных, в грязных рубахах, показалось снаружи, неся в руках осколки горной породы. Один из мужчин, с обветренным лицом и выцветшими на солнце волосами, сбросил груз рядом со входом и направился напрямик к Гаумате.

Тот моргнул и тряхнул головой.

«Надо же... и чего только не послышится с недосыпа».

Он провел ладонью по глазам и зажмурился, мысленно пообещав себе хорошенько поспать после сегодняшнего дня. Когда же отвел руку, то с удивлением заметил, что рабочий уже почти поравнялся с ним и мрачно смотрит на него из-под насупленных и таких же выгоревших, как волосы, густых бровей.

— Что-то идет не так? — спросил маг. — Для расчистки завала надо больше людей?

Мужчина остановился в двух шагах от Гауматы. Он увидел, что рубаха местного пропитана потом и испачкана в земле. Маг с трудом удержался, чтобы не поморщиться.

— Ахура-Мазда не хочет этого, — хрипло ответил рабочий.

Маг вскинул одну бровь:

— Не хочет, чтобы вам оказали помощь?

Собеседник медленно покачал головой:

— Не хочет, чтобы эту пещеру оскверняли ноги чужаков. Она — священна.

Гаумата скрестил руки на груди и ухмыльнулся:

— Откуда у пахаря курташа[1] такие сведения? Великий бог что, сам спустился к тебе с небес и поведал все на ушко?

Мужчина не изменился в лице, оставался беспристрастным:

— Эти знания передаются из уст в уста, из поколения в поколение. С тех самых пор, как жрица Арчита и ее помощник Асура-Мазда...

Здесь маг не выдержал и загоготал на всю поляну:

— Боги-свидетели, что ты несешь?! Утомился за пару часов работы? Ты только скажи, я мигом найду тебе замену. До деревни не так уж далеко идти, — отсмеявшись, он положил руку на плечо рабочему и похлопал, — а вообще знаешь, дам тебе совет. Просто так. Возвращайся лучше к тому, зачем ты здесь. Может, великий царь наш Кир и благороден, но я церемониться с вами не буду. Плетей не пожалю.

— Я и так здесь за тем, чем должно, — невозмутимо ответил мужчина, — исполняю, что велит Асура-Мазда.

Маг не сразу заметил, что рабочий стал коверкать имя священного бога. Зато наметанный глаз мигом уловил блестящий предмет, летевший прямо в шею.

— Во славу Асура-Мазды! — завопил на всю поляну рабочий.

Гаумата в последний момент отвел руку мужчины в сторону, и острый осколок лазурита выпал из его разжавшихся пальцев. Но врага это не смутило. Как и то, что маг был выше на целую голову. Горец набросился на него с диким остервенением и вцепился в горло. Гаумата врезал обоими кулаками рабочему по ребрам. Те хрустнули, и враг со стоном медленно осел. Из рта показалась кровь. Грубо отпихнув мужчину, маг обнажил клинок и одним движением перерезал курташу горло. Бордовый фонтан окропил траву под ногами, но Гаумата этого не видел.

С боевым кличем, рабочие выскакивали из пещеры и атаковали персидских бойцов. Те от неожиданности не сразу сумели дать отпор. Некоторые так и остались лежать на земле с разбитыми головами.

Маг уже хотел отдать приказ, как позади раздался вой. Гаумата резко обернулся и вздрогнул. Прямо сейчас на поляну из леса выбегала толпа местных. В основном женщины и те, кто не годился для тяжелой работы в руднике. Они размахивали вилами и мотыгами, глаза пылали безумием.

Гаумате хватило секунды, чтобы оценить обстановку. Им устроили засаду и окружали со всех сторон. Единственным выходом оставалось прорваться в пещеру, где число врага сошло бы на нет, а умение и снаряжение воинов взяли верх.

— К пещере! — громогласно взревел маг. — Отступать к пещере! — и взмахнул мечом, сверкнул металл.

Большинство бойцов уже опомнились и, умело прикрываясь щитами, начали организованно отходить, разя рабочих копьями и клинками. Местных было больше, однако им не помогало даже число. Незащищенные тела протыкались так же легко, как нож вспарывает папирус. Однако толпа безумцев, готовых ударить в спину, могла перевернуть все. Несколько из них уже почти добрались до Гауматы. Он отбил выпад вил и, не посмотрев, что пред ним женщина, всадил клинок в сердце. Та со стоном упала под ноги, задержав второго врага. Пока тот пытался переступить через тело, маг уже снес ему голову.

Однако дольше оставаться на поляне было нельзя. Гаумата спешно отступал за своими, ловко уворачиваясь и отбивая удары, что сыпались на него с разных сторон. К вою и крикам добавились звуки скрещенного металла.

Отразив еще несколько атак и полоснув по шее ближайшего врага, маг отскочил назад и нашел время обернуться. Персы уже расчистили себе путь к пещере. Их дорогу устилали трупы рабочих. Но и среди воинов были потери. Выпады горцев временами находили брешь.

В последний миг Гаумате удалось скрыться под сводом грота прежде, чем стена щитов за ним сомкнулась. На нее тут же обрушился шквал ударов. Затрещало дерево. Здесь, в сумраке пещеры, вопли и крики снаружи казались еще громче, еще оглушительнее.

Маг перевел дыхание и посчитал оставшихся бойцов. Пятнадцать сдерживали нападавших в первом ряду. Столько же оставалось во втором, готовых в любую секунду прийти на помощь. Десять образовали последнюю линию. Только сейчас к Гаумате пришло осознание, что они загнаны в тупик. Иного выхода из пещеры не было. Но, возможно, его стоит поискать прямо сейчас?

Гаумата огляделся, стараясь не отвлекаться на звуки битвы, проходящей в нескольких шагах. Полутьма грота скрывала многое, но глаза, начавшие привыкать к сумраку, смогли различить груды камней, что преграждала путь вглубь пещеры.

«Быть может, она сквозная?».

— Вы! — бросил он бойцам из третьей линии. — Живо помогайте мне!

И, показав пример, подбежал к преграде и отбросил в сторону крупный булыжник. Персы без промедления к нему присоединились. Оставшихся сил пока хватало, чтобы сдерживать яростную толпу, однако треск щитов стоял такой, что порой даже заглушал вопли безумцев. Магу казалось — ряды могут дрогнуть в любой момент. Потому работал с удвоенной силой.

«Кажется, эти сыны шакалов к завалу даже не притронулись, и создавали только видимость работы!».

Отбрасывая очередной камень, Гаумата невольно подметил, что по ногам бьет приятное тепло. Воздух, прорывавшийся сквозь новые щели, четко контрастировал с общей прохладой. Но задумываться об этом не было времени. Нужно освободить проход.

Лоб мага быстро покрылся испариной. Руки слегка дрожали. Тягать здоровенные булыжники с такой скоростью оказалось нелегкой задачей даже для него. Благо не понадобилось раз-

бирать полностью завал, а только часть — чтобы можно было пробраться в образовавшуюся щель. Сейчас Гаумату заботил не лазурит, а жизни бойцов и его самого.

Когда проем оказался достаточным, маг обернулся. Часть первой линии уже прогнулась, и вторая вступила в бой. Времени оставалось мало. Дикие вопли и хруст дерева смешались в леденящий душу гул.

— Помогите им! — бросил Гаумата. — И ждите моего знака!

Персы, уставшие от работы, все же исполнили приказ и поспешили к своим, на ходу доставая мечи. Маг же взобрался по насыпи наверх и заглянул по ту сторону. Первое, что бросилось в глаза, так это лазурит. Горы лазурита тускло переливались в скудном свете, который просачивался в образовавшийся проем. У Гауматы на миг даже перехватило дыхание. Однако сердце предательски сжалось, когда маг заметил — выхода нет. Проход, заваленный камнями, вел в обширный грот, куда больший, нежели первый, но и он заканчивался тупиком.

«Неужели все это напрасно?!».

Усилившиеся вопли сбросили мимолетную слабость духа. Гаумата потрянул головой. Нет, он не робкого десятка, и если суждено умереть, то уж точно не стоя на коленях!

Пальцы крепко сжалась на рукояти клинка.

Маг уже хотел спуститься и примкнуть к своим, когда внезапно сильный поток горячего воздуха ударил прямо в лицо. Дыхание перехватило, гортань обожгло. Гаумата ощутил, как горят легкие.словно их обьяло огнем. Перед взором все поплыло, и он, не удержав равновесия, покотился вниз по камням.

Персы держались из последних сил. Несмотря на потери, атакующие все еще превосходили их числом.

Артавадрия, воин средних лет и со шрамом на лбу, возглавил оборону, пока господин Гаумата проверял, куда ведет пещера. Стоя чуть правее от выхода, он видел, что натиск врага не ослабевает. Расчет на то, что узкий проход сведет на нет численное превосходство противника, не оправдывался. То ли его было слишком много, то ли персов слишком мало.

«Откуда?! Откуда они взялись?!».

Единственный ответ, который приходил в голову — это подмога из соседних селений. Рядом с деревней местных курташ располагалась еще парочка. И оттуда на раскопку забрали не всех.

Артавадрия с искренним изумлением наблюдал, как женщины среди нападающих сражаются с не меньшим остервенением.

В воздухе витал запах крови, ее горький вкус ощущался на губах.

«Что?.. Что они защищают?! Неужели здесь и вправду много лазурита? Но почему они его не тратят?.. И стоит ли он всех этих жизней?!».

Простой боец, ему трудно было искать ответы на эти вопросы. Сражаться — вот его удел. Тем он и намерен заниматься. И, если на то воля Ахура-Мазды, подороже отдать свою жизнь.

Тонкие уста сжались в волевую линию, когда второй ряд обороны рассыпался, и оставшаяся толпа безумцев ворвалась в грот. Двое бойцов тут же рухнули, пронзенные вилами. Артавадрия отбил атаку мотыги, поднырнул под удар острого камня и вонзил меч в бок одному из рабочих. Его предсмертный крик потонул в хаосе битвы. С чавкающим звуком лезвие вышло из плоти и снесло голову другой нападавшей. Нет, рука перса не дрогнула. Как и не дрогнуло сердце, когда взор увидел, что исход сражения предрешен. Оставались минуты прежде, чем все кончится. И Артавадрия намерен провести эти минуты достойно.

Он со звоном отбил атаку мотыги и отошел, когда позади раздался грозный глас.

— Назад! Они — мои!

Миг — и крупная фигура, столь знакомая, промелькнула мимо, в два счета разрубая молниеносными взмахами сразу нескольких противников. Артавадрия в изумлении наблюдал, как Гаумата одним движением сломал шею первому врагу, вспорол клинком живот другой. Словно бог войны во плоти.

Явление командира придало истощенным персам сил. Они дали селянам ожесточенный отпор. Маг стремительно лавировал среди людей, ловко уклоняясь от атак. Его же выпады и удары всегда настигали цели.

В какой-то момент селяне, казалось, утратившие разум, просветлели и, будто нехотя, начали отступать. Гаумата не прекращал давления и рубил, рубил без устали. Пол пещеры был устлан телами. Воины, медленно, но верно, возвращали себе утраченные позиции. Персов осталось совсем немного, однако яростный и чудесный напор их командира быстро уравнивал шансы. И вот когда бойцы вновь добрались до выхода из грота, местные не выдержали и обратились в бегство. Маг, охваченный угаром боя, не думал останавливаться. Он продолжал преследовать врага, вонзая клинок в спины без всякого сожаления. Лишь когда жалкие остатки беглецов рассеялись по лесу, Гаумата замер среди поляны. Кровь струилась по его мечу. Грудь тяжело вздымалась, а лицо покрылось багряными пятнами.

Артавадрия и несколько уцелевших воинов стояли чуть поодаль, с благоговейным трепетом наблюдая за командиром. Они знали, что мидянин обладает недюжинной силой, но чтоб такой... И он спас их. Гаумата спас их!

Прошло около минуты. Минуты безмолвия, которое прерывали лишь стоны раненых. Ни ветра, ни голосов птиц. Лес, окружавший поляну с трех сторон, стоял неподвижно. Немой свидетель кровавой бойни. И, несмотря на победу, персы, все как один, вдруг почувствовали себя неуютно. Словно очутились нагими среди холодных гор.

Их командир вел себя странно. Не только мгновениями ранее, когда поражал врага, будто бог войны. Он вел себя странно... сейчас.

Гаумата медленно осматривал свои руки, свое тело... словно видел его впервые. Изучал, подобно таинственным письменам, что необходимо разгадать. Оценивал клинок, перепачканный кровью. Оценивал с жестоким удовлетворением.

Так продолжалось еще с минуту. Никто не смел обратиться к командиру. Все заворожено следили за ним.

Но вот он прекратил созерцать себя. Дыхание полностью выровнилось. Маг сделал первый, уверенный, шаг. Но не в сторону своих бойцов. К всеобщему ужасу Гаумата начал подходить к раненым селянам и хладнокровно добивать их. Артавадрию пробила дрожь.

— Господин! — не выдержал и хрипло молвил он. — Наш царь, Кир Великий, учит милосердию.

Маг замер, и Артавадрия внезапно пожалел о сказанных словах.

Гаумата медленно обернулся через плечо. Губы его тронула нехорошая ухмылка. Порыв ветра всколыхнул черные волосы, сделав лицо командира еще более зловещим. Он вальяжно, будто с наслаждением, вытащил меч из груди женщины.

— Я и проявляю милосердие — избавляю их от жалкой жизни.

Хмыкнув, маг направился к следующему.

Персы переглянулись. Невольно отступили. В сердца вдруг закрался страх.

На какой-то миг им показалось, что это не Гаумата. А кто-то... *другой*.

[1] Курташ — рабочий-чужеземец на службе Персидской империи.

Глава 3

Самая прекрасная женщина империи. Так называл Кир свою дочь, Атоссу. И в этом трудно было усомниться. Большие глаза цвета черного сапфира под пышными ресницами на овальном лице. Щеки, покрытые нежными румянами. Стройное тело с правильными, изящными линиями, будто его создал скульптор из земель далекой Эллады. Красивая грудь, великолепные бедра... совершенство.

«Самые красивые — всегда самые несчастные» — пробралась в голову грустная мысль, и царевна мигом отбросила ее, тряхнув головой. Темные волосы рассыпью легли на плечи.

Ее время еще придет. Ведь в ней сочетались не только красота и сильный дух, но и острый ум. Невероятная редкость в этом мире. Возможно, именно она отпугивала многих знатных женихов. Возможно, отец не видел в них достойных претендентов на руку и сердце старшей дочери. Атосса предпочитала думать о последнем. Хотя, вон, Роксана, чувственная простушка и мечтательница, уже смогла очаровать того благородного воина, Рустама. Да, сестре здорово досталось на днях от учителя музыки, но она словно была где-то в другом месте и не принимала упреки наставника близко к сердцу, как прошлые разы. Проницательная Атосса обо всем догадалась, причем давно. И наблюдала за Роксаной со снисходительной улыбкой.

Эта улыбка, чуть вялая и надломленная, держалась и сейчас на пухлых губах царевны, когда она отрешенным взглядом окидывала дворцовый сад с балкона второго этажа. Легкий ветерок колыхал пурпурные занавеси и такого же цвета легкое одеяние девушки. Под левой рукой лежала глиняная табличка с эламскими письменами. Кир велел сделать этот язык государственным, потому Атоссе, как одной из главных представительниц рода, предстояло тщательно изучить его. Отец готовил для дочери великое будущее управительницы царских хозяйств.

Крик птицы, пролетевшей над крышей с золотыми львами, вывел девушку из задумчивости. Она взяла стиль, тонкую палочку для письма, и склонилась над иероглифами, чтобы продолжить изучение, когда ее вновь отвлекли.

— Атосса, Атосса!

Этот голос с нотками волнения она узнает из тысячи. Через секунду ее догадка подтвердилась. На балкон с деревянными колоннами выбежала Роксана. Черные волосы, заплетенные в косу, описывали в воздухе забавную дугу.

— Слышала весть?! Отец уходит на север уже завтра!

— Слышала, — спокойно ответила Атосса и пожала плечами.

Сестра оторопела. Рот ее в изумлении приоткрылся.

— Как это... слышала?.. Никто же не знал...

Старшая дочь Кира улыбнулась чуть шире. В глазах появилось снисходительное выражение, которое уловила Роксана и тут же нацепила напускную маску гнева.

— Ах, вот, как?! — младшая сестра топнула ножкой. — Опять он делится всеми тайнами только с тобой! Ну почему?! Почему?!

— Потому, что ты сразу побежишь и всем расскажешь.

— Кому это, всем?!

— Рустаму, например.

— А... — еще сильнее опешила Роксана, — откуда ты...

Атосса не смогла больше сдерживаться. Ее плечи заходили ходуном от смеха, что лишь больше раззадорило младшую сестру.

— Значит, вы с отцом обсуждаете за моей спиной, какой у меня язык без костей?! А самим не стыдно?!

— А дочери царя не стыдно под покровом ночи с воином в саду встречаться? — парировала Атосса.

Роксана надулась:

— Я не хочу провести всю жизнь за глиняными табличками!

Старшая дочь Кира почувствовала укол, но ничем не выдала себя. Сестра же подошла к краю балкона и оперлась ладонями о каменные поручни. Устремила взор в сад, где ветер тихо шелестел листьями пальм, а в кронах щебетали птицы.

С минуту каждая думала о своем. Потом Роксана нарушила молчание.

— Отцу, значит, можно веселиться, а мне нет?

— О чем ты? — непонимающе уточнила Атосса.

Сестра обернулась через плечо и с вызовом хмыкнула:

— Вчера он снова проводил время с ней.

— С матерью?

— Ага, как же. С Нитетис.

Атосса вздрогнула, и это не укрылось от взгляда Роксаны. Она снова хмыкнула и отвернулась к саду.

Старшая нахмурилась, закусила нижнюю губу, затем предположила.

— Может, у отца не оставалось времени на долгую встречу и...

— О, неужели ты сама не слышишь, как же глупо это звучит?!

Атосса вздохнула, но промолчала. Да, звучало и вправду странно. Что Кир накануне важного похода не провел время с Кассанданой. Однако вера в отца оставалась непреклонной. Если он поступил так, значит посчитал сей выбор правильным. Говорить Роксане о своих мыслях Атосса не стала. Все равно та вряд ли поймет.

Тем временем младшая сестра тоже вздохнула.

— По Рустаму печалишься? — догадалась Атосса.

Роксана и не стала скрывать:

— Ага. Волнуюсь за него. И за отца тоже. Все-таки поход на север не обычная прогулка. Рустам говорил, что кочевники сильно досаждают, и этому надо положить конец. Но знаешь... — девушка развернулась, ее щеки налились румянцем, а глаза засветились предвкушением, — он пообещал попросить у отца моей руки.

Атосса вскинула тонкую бровь:

— В походе?

— Ага.

— Вряд ли они найдут там время для подобных бесед.

Роксана опять надулась:

— Он обещал и слово сдержит!

Старшая сестра уже хотела что-то возразить, когда их прервал громкий гул труб. Звонкий, известивший о важном событии.

Роксана напряглась:

— Это что?! Неужели войско уже уходит?! Прямо сейчас?!

Атосса нахмурилась и покачала головой:

— Нет. Слишком рано.

— А, так отец тебе поведал все с точностью до мига? — съязвила младшая.

Легкой перебранки не допустили голоса. Отдаленные и громкие, они разрешили все оставшиеся вопросы.

— Господин Гаумата! Господин Гаумата прибыл из Согдианы!

Дружелюбная ухмылка застыла, а затем медленно сползла с лица Бардии, когда он увидел число всадников, остановившихся на площади перед дворцом. Взмывшие лошади били

копытами по мостовой и с трудом дышали. Вид прибывших конников оказался суров и мрачен, словно грозовые облака. И только маг держался достойно и выдавил из себя подобие приветственной улыбки.

Гаумата спешился, медленно приблизился к сыну Кира и поклонился:

— Приветствую тебя, могучий царевич. Да сияет вечно Ахура-Мазда над твоей головой.

Бардия подобрался и выпятил грудь колесом. Заставил отогнать прочь дурные мысли.

— Рад свидеться, почтенный маг, но скажи, что заставило тебя покинуть Согдиану и вернуться в Вавилон? И, мне казалось, отец оставил больше воинов, чем вижу сейчас я позади тебя?

Гаумата выпрямился, став во весь рост с царевичем. Сейчас, со стороны, они, как никогда раньше, очень походили друг на друга. Маг улыбнулся чуть шире. Эта улыбка подействовала на Бардию успокаивающе. Будь дела совсем уж скверными, почтенный путник так себя не вел бы.

— Вопросы-вопросы, царевич, я их прекрасно понимаю. Однако позволь начать с начала, чтобы не запутаться.

Бардия кивнул и упер руки в пояс, готовый слушать. Предложить путникам отдохнуть с дороги не пришло в голову простодушному сыну Кира.

— Мы нашли лазурит, — не стал тянуть и выдал главное Гаумата.

— Ого! — тут же оживился Бардия. — И много?

— Так много, что самому богатому владыке и не снилось, — заверил, подогревая интерес, маг, — залежи там нетронутые, целые горы драгоценных камней, — голос Гауматы стал вкрадчивым, — его хватит не только для подарков прекрасным девам, но и на нужды империи. На века вперед!

У сына Кира перехватило дыхание. Руки опустились, сжались в кулаки, которыми он затем потряс в воздухе, будто одержал победу над врагом.

— А-а-а! Какие же добрые вести ты привез, почтенный! — заулыбался во весь рот Бардия. — Но почему же лики ваши столь смурны и изможденные? Все же чую я, случилось чего.

— Твоя пронизательность не уступает твоей силе, могучий царевич, — польстил маг.

— Ну, хе-хе.

Бардия еще больше приосанился и непроизвольно гордо выпятил подбородок, чуть прикрыл веки. Тому, что Гаумата льстил явно больше обычного, сын Кира не придавал значения. Новость вскружила ему голову.

— Ты прав, — продолжил маг. — Ничто не дается просто так. А уж несметное богатство тем более. На нас напали.

Лицо Бардии вытянулось от изумления:

— Напали? Это ж кто посмел поднять меч на воинов Кира?!

— Те, кому чужды благородство и добродетели, — как-то двусмысленно улыбнулся маг, — те, кто погряз в собственных пороках и алчности.

— Да кто же это?

— Местные курташ.

Теперь удивлению царевича не было предела. Брови взмыли вверх, глаза расширились, а челюсть отвисла.

— Те поселенцы, коих мы видали на подходе?

— Они самые, могучий царевич.

— Но это же всего лишь кучка пастухов неотесанных!

— О, великий, — Гаумата чуть поклонился, — те, кому не дарованы сила и благородство, пытаются взять свое подлостью и хитростью. На нас напали во время раскопок, когда мы меньше всего этого ждали.

— Вот же ж мерзавцы какие!

— В твоих устах истина, могучий царевич. Посему так мало вернулось со мной воинов. Вдобавок я должен был оставить кого-то на охрану рудника. Но не беспокойся. Все бунтари понесли достойное наказание.

— Это хорошо! — полностью расслабился Бардия и хлопнул мага по плечу. — Но ты ведь не забыл об учении Кира? Проявил к пастухам заблудшим милосердие? Ведь и мой отец был когда-то пастухом.

— О, да, могучий царевич, — ухмыльнулся Гаумата, — они полностью испили моего милосердия.

Воины позади мага молча переглянулись, но вмешиваться в разговор не посмели. Сын Кира же истолковал слова Гауматы по-своему.

Разразившись веселым смехом, Бардия крепко обнял советника царя, а затем отступил на шаг.

— Отец знал, на кого положиться в столь деле непростом! И ты снова не подвел его, Гаумата! Честь тебе и хвала!

— Я далеко не так их достоин, как ты или великий Кир, царевич, — поклонился тот, вызвав очередной приступ гордости у Бардии.

— Ладно-ладно, себя-то ты тоже не принижай! — сын правителя развел руками в широком жесте. — И что же это я, во имя богов?! До сих пор не предложил тебе, почтенный, отдохнуть с дороги! После столь долгого пути и всего, что пришлось пережить, тебе надо перевести дух.

Гаумата покосился на своих мрачных бойцов, затем улыбнулся и ответил:

— Воинам и вправду не помешает отдых, господин. А я... я бы хотел доложить о случившемся царю. Все же важная весть.

— Отец сейчас занят подготовками походными, — махнул одной рукой Бардия, а вторую вновь упер в поясницу, — на массагетов скоро идем. Совсем распоясались, кочевники проклятые.

— Хм... тогда... не соизволишь ли ты мне помочь передохнуть, могучий царевич?

От столь неожиданного вопроса Бардия растерялся, но быстро овладел собой и хохотнул:

— А ты меня с красной девицей не путаешь, почтенный?

— О, я предпочитаю несколько иной отдых, чем нежиться в постели с девой, — лукаво сощурился маг, — ничто так не избавляет от усталости и душевных тревог, как хорошая охота. Вот я и подумал, не окажешь ли мне честь? Заодно увижу, как ты обращаешься со своим великим луком. Ведь недаром говорят, никто в мире не сможет больше натянуть его.

Бардия воззрился на мага с нескрываемым любопытством и даже уважением:

— Ого, не знал давеча, что столь страстный любитель охоты скрывается в тебе! Гаумата, что же ты молчал раньше?! Я сам охоту обожаю сильнее самых ярких драгоценных камней! Ну, конечно! Хоть сегодня же на закате!

— Почту за честь, могучий царевич.

Маг поклонился. Затем его взор скользнул куда-то за спину Бардии. В глазах Гауматы промелькнуло странное выражение, но через миг улетучилось. Царевич не заметил его, но увидел, что внимание Гауматы перешло на кого-то другого. Обернувшись, Бардия обнаружил Атоссу. Девушка стояла на широких ступенях дворца и с интересом наблюдала за мужчинами, сложив красивые руки перед собой.

— Приветствую светлейшую дочь Кира, — вновь отвесил поклон маг, — твой лик столь же прекрасен, как у Луны на чистом небосводе.

Девушка нахмурилась, и Гаумата на миг подумал, что сказал что-то не так, но через секунду царевна мягко и вежливо ответила:

— Рада видеть тебя в здравии, почтенный.

— О, сестра! — Бардия, казалось, вовсе не заметил легкого напряжения. — Что, уже завершила эти скучные занятия по эламитскому письму? Не хочешь присоединиться на охоте к нам? Очаруешь почтенного мага не только красотой, но и умением копьё метать!

Царевич загоготал на весь двор, Атосса же вновь на секунду нахмурилась, потом лик ее прояснился и она спокойно возразила, покачав головой:

— Увы, дорогие мужи, сегодня не получится. Есть еще дела во дворце.

— Какая жалость, — бросил сквозь слезы Бардия, — ну, нам трофеев поболее достанется тогда! А ведь почтенный маг старался, рудник разработал, жизнь в опасность ставил. Теперь же во дворце будет столь много лазурита, коего ты любишь, что за жизнь не пересчитать! Верно ведь?

Маг кивнул и завел руки за спину.

Девушка мягко молвила:

— Польщена и благодарю за проявленную доблесть. Однако лазурит нужен не только мне, но и державе. А меня вправду ждут сегодня вечером дела. Я отблагодарю почтенного позже.

— Ну, как знаешь, сестренка! — махнул рукой Бардия. — Возвращайся к своим скучным табличкам, а мы повеселимся за троих. Йэх!

Гаумата не встревал в разговор, тактично выжидая в стороне. Даже когда Атосса молча развернулась и направилась в сторону по тропе с фруктовыми деревьями, он не попрощался. Из задумчивости мага вывел бас сына Кира.

— Жду тебя, почтенный, здесь, к закату ближе.

— Я непременно приду, могучий царевич.

Атосса же, отдаляясь от площади перед дворцом, думала о своем. Прежде всего, что стоило бы навестить мать. Ей сейчас совсем худо без внимания отца. Но на то были свои причины, которые девушка не хотела озвучивать даже в присутствии Роксаны. У сестры и вправду язык без костей.

«Она на самом деле думает, что отец станет решать ее будущее с Рустамом в походе? Наивная глупышка. Не то место, и не то время».

Царевна вяло улыбнулась собственным мыслям, однако улыбка быстро застыла и медленно сползла с уст, когда девушка вспомнила Гаумату.

Атосса никогда не слышала раньше, чтобы советник отца так растекался сладкими речами перед ней. Обычно он был сдержан, а слова его точны. И этот странный взгляд... Он укрылся от Бардии, но не остался незамеченным для пронизательной Атоссы. Гаумата смотрел на нее... по-другому. Как на сокровище, которым жаждет обладать. Как на... вещь.

Девушка дернула плечами. Возможно, ей просто показалось, а маг лишь устал с долгого пути. Но неприятный образ, напоминающий голодного змея, не уходил из головы.

Она нашла ее там, где ожидала. В саду на скамье среди теней грушевых деревьев. Мать отстраненно взидала на искрящийся на солнце пруд, где резвились утки. В последнее время царица выглядела старше своего возраста, и это удручало Атоссу. К тому же она ничего поделать не могла. Девушка тихо приблизилась к месту уединения матери.

— Мама.

Та вздрогнула и обернулась. Через миг ее взор прояснился, в нем снова засквозила жизнь. Дочь бесшумно выдохнула и улыбнулась.

— Садись, дитя мое, — Кассандана похлопала по скамье, — и не бойся, здесь никого нет, нас никто не подслушает.

Атосса тихо рассмеялась:

— Опять Камбиз испытывал твоё терпение?

Чуть подправив полы одеяния, она устроилась рядом.

— Ему все время на месте не сидится. И кажется, что ни одно дело не должно решаться без его присутствия, — поморщилась женщина, — уверена, именно это послужило причиной того, что он больше не наместник Вавилона. Вздорный нрав тут не причем.

— Согласна, мама, — тихо ответила Атосса, про себя гадая, как же лучше подойти к неприятной беседе.

Но Кассандана не была бы матерью проницательной царевны, не обладай хоть толикой подобной добродетели, потому быстро все прочувствовала сама.

— Да говори уже, — и вновь отвернулась к пруду, — ты ведь пришла сказать о нем, отцовская заступница?

Сердце екнуло, по телу пробежала дрожь, но через миг Атосса уже взяла себя в руки.

— Да, мама. Все не так, как кажется.

Глава 4

Колесницы рассекали каменистую равнину. Стучали по земле, поднимая в воздух пыль. Уже скрылся за горизонтом Вавилон, а солнечные лучи заливали округу оранжевым светом угасающего дня. И кровь в этом свете выглядела жуткой и мрачной. Тонкими струйками она текла среди трещин сухой почвы, окропляла шкуры убитых львиц. Но возникшие продолжали гнать вперед. Ведь остались еще две хищницы, стремившиеся скрыться от преследователей.

Уже ощущался на коже жар от песков пустыни. Ее обжигающий, колючий ветер, что трепал волосы Бардии и Гауматы. Но оба не намеревались отступить. На счету каждого было по три трофея, и каждый стремился выйти из охоты победителем.

Царевич натянул могучий лук и спустил тетиву. Свист стрелы потонул в грохоте колесниц. В последний миг львица дернулась и ушла с пути вестницы смерти. Медный наконечник чиркнул о камень.

Бардия ругнулся:

— Вот ведь резвая, какая!

Маг не расслышал, в свою очередь выстрелил, но тоже промахнулся.

Пустыня стремительно приближалась. Сопровождавшие почетных господ, всадники остановились, пропуская колесницы вперед. Бардия первым заметил, что в пылу охоты они забрались слишком далеко. Крикнул:

— А может ну их? И так не с пустыми руками вернемся? Пусть расскажут своим, сколь могучи воины Персии!

— Даешь уйти врагу, царевич? — хитро улыбнулся Гаумата.

Не дожидаясь ответа, он приказал возникшему нестись дальше во весь опор. Вот колеса уже зашуршали по первому песку, преследуя львиц, что скрылись за ближайшей дюной.

Несколько секунд Бардия недоуменно провожал мага взглядом. Когда же колесница советника отца исчезла за барханом, царевича переполнил новый приступ азарта.

«Что же это я, отдам победу Гаумате?! Ну нет уж, тому не бывать!».

— А ну-ка, вперед, за ними!

Бардия вскинул руку, приказывая страже остановиться и ждать здесь. Не хватало, чтобы они отняли у него часть победы и славы! Все целиком должно достаться ему!

Кони храпели и тяжело дышали. Колесница резво взбиралась по склону песчаного холма. Царевич ощущал жар. Пекло нагретых песков, и нетерпение, которое жгло под сердцем. Заставляло его колотиться неистово, словно перед битвой.

Нет, он не даст Гаумате опередить себя!

Бардия уже чувствовал, как колесница покоряет вершину бархана. Видел тусклые звезды, что начали зажигаться над головой. И вот его взору предстала необъятная пустыня, утопавшая в кровавом свете заката. Многочисленные дюны уходили вереницей к горизонту, а ветер играл в воздухе песчинками...

Дикое ржание сначала одной лошади, затем другой, завершило миг любования. Повозку подбросило в воздух, будто она наехала на камни. Возничий выпустил поводья и перевалился через борт. Сам царевич тоже не удержался, кубарем покатился по горячему песку. От удара и неожиданности из легких выбило воздух. Сын Кира судорожно хватил его ртом. Пекло с примесью песка обожгло гортань, но Бардию сейчас то не волновало. Главное — прекратить падение и не выронить лук. Пальцы крепко вцепились в оружие, словно от него зависела жизнь.

Перевернувшись несколько раз, царевич услышал грохот колесницы, падающей в углубление между дюнами. Кажется, она налетела на что-то твердое.

«Повозка Гауматы? Не уж то львы его пожрали?!».

Эта мысль заставила вцепиться в лук еще сильнее. Сердце отчаянно колотилось в груди. Прошло несколько минут прежде, чем Бардия удалось остановить падение. С силой он рухнул вниз и уткнулся лицом в раскаленный песок. Пару секунд, показавшихся вечностью, царевич лежал и прислушивался к собственному дыханию. Хриплому и прерывистому. Сквозь него до слуха доносился только жалобный скрип колес и тихое завывание ветра среди дюн. Совладав с собой, Бардия тряхнул головой, сбрасывая оцепенение и налипшие песчинки. Моргнув, привстал на колени. Осмотрелся.

Он и вправду скатился в самый низ. Барханы возвышались со всех сторон, образуя подобие котловины, на дне которой сгустились сумерки. Лишь впереди виднелся неширокий проход. Повозки валялись друг на друге. Колесо той, что принадлежала царевичу, вяло вращалось, издавая звук, похожий на стон больной старухи. Из-под груды покореженного металла и обломков дерева торчали кости лошадей и перебитые ноги возничего. Все это Бардия оценил за несколько секунд. Как и отсутствие поблизости львиц... А потом он заметил Гаумату, стоявшего возле остатков колесниц... Живого, неведимого... и с обнаженным клинком.

Бардия не стал размышлять о том, что происходит. Не стал тратить время на вопросы. Он все понял по лицу мага. И когда тот сделал шаг навстречу, царевич вскинул свой могучий лук, мигом натянул тетиву и пустил стрелу в полет. Он был уверен — с такого расстояния та прошьет чешуйчатый доспех и отправит мага в загробный мир. Зрачки Бардии расширились, когда враг уклонился от пушенной стрелы легким движением плеча.

«Невозможно! Он не мог... слишком близко... невозможно!».

Царевич отринул все сомнения, ибо Гаумата был уже в двух шагах от него. Отбросил лук, ставший бесполезным, и обнажил меч. Вовремя. Рубящий удар чуть не снес ему голову. Зазвенел скрещенный металл, отдаваясь грозным эхом среди дюн.

Отбив атаку, Бардия махнул наотмашь, вынуждая мага отступить. Царевич кувырнулся назад и сразу вскочил. Гаумата уже был рядом. Двигался резко, быстро. Чересчур быстро. Вновь звон металла. Он больно вдарил по ушам. Бардия с трудом отразил несколько выпадов и сам попробовал достать врага. Но тот ловко, изворотливо, словно змей, уходил от каждой атаки. Лицо Гауматы оставалось серьезным, каменным. Будто бой с сильнейшим бойцом империи его ничуть не напрягал.

Бардия отступил и перестал нападать, сосредоточившись на обороне. Будучи воином сильным и опытным, он не стал лезть на рожон и тратить силы, решил понаблюдать за соперником. Было в движениях мага нечто странное, непонятное. Змеиное. Чувство, похожее на страх, закралось в душу сына Кира — так быстро двигаться человек не может.

Гаумата умело орудовал клинком. Бардия с трудом уклонялся и отбивал атаки. Звон металла заполонил все пространство вокруг. В те редкие мгновения, когда царевич отвлекался от противника, он бросал мимолетные взгляды на вершины барханов — не появятся ли телохранители? Но те скорее прирежут самих себя, нежели осмелятся нарушить прямой приказ.

Два молниеносных выпада в грудь были отбиты. Царевич уже тяжело дышал. Пусть тело его наполнилось силой, та оказалась безграничной. Бардия слабел. А маг двигался все так же ловко и резво. Слегка раскачиваясь из стороны в сторону, как кобра, что готовится к броску. И в этом царевич увидел свое спасение. Наметанный взор подметил предсказуемость движений противника. Да, стремительные... но предсказуемые.

Улучив момент и отбив очередную атаку, Бардия сделал вид, что готовится пырнуть в шею. Маг привычно уклонился, шагнув чуть влево. И тогда царевич тут же атаковал, целясь в сердце меж пластин. От неожиданности Гаумата пошатнулся и попытался отпихнуть Бардию ногой. Могучего сына Кира это не остановило, но замедлило. Дыхание чуть сбилось, и удар вышел неточным. Клинок не прошил доспех, лишь скovyрнул пару чешуй. Однако Бардия не отступил. С силой опустил кулак на запястье Гауматы. Пальцы разжались, и маг выронил меч.

Окрыленный успехом, царевич на миг потерял бдительность. Той секунды промедления не хватило б человеку. Но сын Кира забыл, что маг двигался быстрее...

Мощный удар кулаком прилетел царевичу прямо в висок. В голове будто кузнечный молот зазвенел о наковальню. Бардия потерял равновесие и не смог увернуться от второго удара, сотрясшего челюсть. Во рту появился привкус крови. В глазах вновь двоилось, начало все плыть. Интуитивно, сын Кира махнул мечом наотмашь, пытаясь отогнать противника и прийти в себя. Но на сей раз прием не удался. Гаумата ловко поднырнул под атаку и обрушил кулак в другой висок царевича. Ноги подогнулись, Бардия со стоном рухнул на колени. О голову словно разбилась скала. Сын Кира с трудом соображал, а очертания барханов плыли, утопая в молочной пелене. Последний отголосок разума заставил вскинуть руку с оружием и попытаться защититься. Маг легко ушел от атаки и выбил меч из ладони царевича. Последний не успел ничего больше предпринять, когда крепкая хватка Гауматы сомкнулась на его шее. Бардия даже не понял, что слышит хруст собственных костей...

Перерезать горло собственному возникшему было легко. Подстрелить на полном скаку двух лошадей из упряжи царевича — немного сложнее. Он не до конца еще освоился здесь. Но все прошло более, чем удачно. Бардия мчался напрямик, бесхитростно. Гордость вспыхнула в нем, решив не позволить тому, чтобы какой-то маг опередил его на охоте.

Он рассчитывал на гордость царевича. И расчет полностью оправдался. Однако бой оказался не таким простым, но и это он предвидел. Все-таки сын царя славился могучей силой.

Все это, и кое-что еще, он узнал по пути сюда.

«Недостаточно. Пока недостаточно. Но я скоро исправлю это. Остался один последний штрих».

Он опустился перед телом Бардии на колени. Посмотрел на безжизненное лицо холодным, расчетливым взглядом. Рот мага приоткрылся. В нем возникло таинственное свечение, разгоравшееся с каждой секундой. Скоро оно сверкало так, будто в сумраке дюн кто-то развел огонь. Воздух вокруг Гауматы задрожал, и в полутьме проступили таинственные очертания. На миг показались длинные рога. Острые, как заточенные клинки. Изогнутые и тонкие.

Тишину разорвало стрекотание. Словно среди барханов затерялся огромный кузнечик. Из рта Гауматы вырвалось пламя. Осветило пустыню, что погружалась во тьму. На мгновение глаза мага вспыхнули желтыми искрами, но затем все резко потухло. Очертания исчезли, пламя иссякло. С минуту советник царя мрачно смотрел на бездыханное тело, затем лицо Гауматы исказила гримаса ярости. Мощные кулаки с силой опустились, оставляя вмятины на песке.

«Недостаточно... еще недостаточно...».

Отрешенный взор окинул стремительно темневшие дюны. Колесо больше не скрипело...

«Надо спешить».

Ярость утихла. Губы мага разошлись в злорадном оскале, а глаза остановились на царевиче. Со стороны казалось, что он просто устал и спит.

«Ты еще поможешь мне, могучий сын... поможешь...».

Грубым движением Гаумата ухватил труп за плечи и со всей силы сдавил. Невидимая волна прошла по телу, задрожала земля. Черты лица мага слегка изменились. Стали более округлыми, исчезли острые углы. В то же время лик Бардии словно перенял приметы советника Кира.

Шепот, походивший на громкую трель насекомого, эхом пронесся по пустыне:

— Заххак...

Медленно, он отпустил тело Бардии. Поднялся. Поискал глазами лук. Тот лежал неподалеку. В том месте, где сын Кира его обронил.

«Лук, который не может натянуть никто во всей империи».

Вновь нехорошая усмешка исказила лик Гауматы.

«Ты поможешь мне... поможешь...».

Взбивая песок массивными сапогами, маг остановился возле оружия и протянул к нему руку, когда услышал позади шорох.

Возничий царевича очнулся и обнаружил, что лежит ничком на горячем песке. Тот сильно жег кожу, однако мужчину это слабо волновало в момент пробуждения... В отличие от звона скрещенных клинков, разносившегося среди дюн. Тряхнув головой, возничий устоял перед собой. Со склона бархана, где его настигло падение, поединок был виден, как на ладони. С замиранием сердца слуга следил за боем своего господина и мидийского мага. Он понятия не имел, что послужило причиной битвы — не поделили что-то на охоте, или советник Великого Кира нанес господину Бардии оскорбление? Но как такое могло случиться?.. Сейчас это казалось неважным. Возничий просто следил, завороченный схваткой, но был уверен — могучий царевич одержит победу, ведь нет человека в империи, равного по силе ему. Потому мужчина не вмешивался. Не звал на помощь. Помнил, сколь велика гордыня господина. Последний любит добывать победы сам, без чьей-либо помощи...

Когда оглушительные удары повергли Бардию на землю, дыхание возничего перехватило, а сердце замерло на миг. Настолько он оказался ошеломлен, что не смог пошевелить и пальцем. Выдавить из себя и звука. Все, что произошло дальше, лишь усилили страх и панический ужас. Вот бездыханное тело господина падает на песок. Силуэт Гауматы склоняется над ним. Что-то проносится меж темнеющих дюн. Что-то, заставившее мороз пробежать по коже, несмотря на марево пустыни. Пробрать дрожью тело. До самого глубокого нутра и костей. Живот предательски скрутило. Будто подернутому завесой, взору явился жуткий лик, а в голове прошестело, словно пальмовыми листьями.

— Зах-хак...

Вспыхнуло пламя и стремительно погасло.

Затем фигура советника медленно распрямилась, она направилась куда-то в сторону от тела Бардии...

И тут возничий не выдержал.

С громко бьющимся сердцем, со стоном, сорвавшемся с губ, он вскочил и стал спешно взбираться по склону бархана. Песок осыпался под ногами. Мужчина то и дело спотыкался, он мог рухнуть вниз в любой миг. Но продолжал подъем. Даже тогда, когда воздуха от сбившегося дыхания уже не хватало. Кровь ударила в виски, с потрескавшихся уст слетал сип. До вершины оставалось совсем немного, как воздух со свистом что-то рассекло. Возничий не услышал этого. Но почувствовал. Жгучую боль меж лопаток. Он воздел взор ввысь и увидел темнеющее небо. Мужчина понял не сразу, что это темнеет в его глазах. А когда сообразил, то уже падал на дно дюн. Падал во мрак.

Воины слышали, как из пустыни доносятся странные звуки и ржание лошадей. Приглушенный треск и непонятная возня. Скакуны нетерпеливо переминались с ноги на ногу, стучали копытами, но стража удерживала их на месте, не решалась вмешиваться. Она прекрасно помнила веление царевича и ясно представляла, каким будет его гнев, если послушаться. Но сомнения зарождались в головах людей. Что если Бардии и советнику нужна помощь? Что если

хищницы, загнанные в ловушку, дали им смертельный бой? Каким бы сильным ни был сын Кира... Что если нерешительность стоит жизни царевичу?

Резкий порыв ветра налетел из пустыни. Принес с собой колючие песчинки. Но они не обожгли кожу. По ней прошелся мороз, словно ночью среди гор. Аршама, командир стражников, поежился. Однако холод помог отрезвить разум и принять решение. Нельзя более ждать. Ему так и так могут отрубить голову — за то, что вмешается, и за то, что не спасет царевича от гибели. А раз итог одинаковый...

Воин начал поднимать руку, собираясь отдать приказ следовать за господином, как вдруг последний свет угасшего дня вырвал из мрака фигуру, что показалась на вершине дюны. Командир так и замер с воздетой дланью, не в силах оторвать взгляда от зрелища. Было нечто загадочное, пугающее в крупном силуэте, стоявшем на бархане. Будто уловив настроение седока, лошадь под ним нервно дернулась. А фигура, замерев на несколько секунд, медленно заскользила по песку. Всадники молча переглянулись. В их зрачках застыли немой вопрос и тревога. Уже скоро люди смогли узнать приближавшийся силуэт. Несмотря на полумрак, очертания могучего царевича трудно было не признать. Но почему... почему его походка такая... странная?... Он ранен? И где советник Гаумата?

Лошадь снова дернулась, будто почуяв опасность. Остальные скакуны тоже подавали признаки страха.

— Господин! — Аршама постарался, чтобы голос прозвучал уверенно.

Бардия молча остановился в паре десятков шагов от стражи. Мгла скрывала его лицо, но все видели, что царевич тяжело дышит, а в правой руке сжимает свой могучий лук.

— Что произошло? Где... где твоя колесница? И где советник Гаумата?

Несколько мгновений стояла тишина. Сын Кира не отвечал. Новый порыв ветра налетел с пустыни, и одна из лошадей чуть не встала на дыбы. Всаднику с трудом удалось уgomонить животное. Все ощущали напряжение, словно над каждым склонился палач с топором. Дыхание же Бардии становилось все тише и тише, пока, наконец, не перешло в едва различимое. И тогда до слуха встревоженного командира донесся тихий шепот.

— Зах-хак.

Глава 5

Какое-то время они сидели в тишине, невольно прислушиваясь к пению садовых птиц, вялому шелесту листьев и журчанию пруда, на поверхности которого свет уходящего солнца играл рыжеватыми бликами.

Атосса не знала, как продолжить разговор. Вернее, не могла подобрать наиболее мягких слов, оттого злилась на саму себя. Почему, когда она начинает общаться с матерью, то привычные ум и находчивость резко улетучиваются?

Будто уловив нерешительность дочери, Кассандана вяло улыбнулась и дружески поддела царевну:

— Да говори уже. Не в моих привычках оскорбляться. А не то мы так и просидим, пока твой брат с охоты не вернется.

И Атосса решилась. Выдохнув, она повторила:

— Все не так, как кажется, мама.

— Я всегда восхищалась твоей проницательностью, — без доли иронии проговорила царица, задумчиво разглядывая пруд, — но неужели ты думаешь, что я не замечу того, что происходит? Неужели осмелишься отрицать то, что видят все?

— Я не стану отрицать, — внешне спокойная, выдала Атосса.

Кассандана вскинула на дочь взгляд, в зрачках вспыхнуло удивление:

— Не станешь?..

Царевна покачала головой. Волнистые волосы зашуршали по ткани одежды.

— Папа увлекся египетской наложницей, — не отводя зора, подтвердила Атосса, — я не собираюсь переубеждать тебя в очевидном.

— Тогда... — царица выглядела слегка озадаченной, — зачем ты пришла? — и прежде, чем ее вопрос показался бестактным, добавила. — Я имела в виду, зачем тебе тогда его защищать? Ибо я всегда рада видеть тебя, моя любимая звездочка.

Дочь слегка покраснела и потупилась, пальцы на ладонях сжались.

— Папа увлечен Нитетис, — тихо повторила она, — но на первом месте у него всегда оставалась и остаешься ты, мама.

Кассандана хмыкнула и отвернулась. Несколько уток приземлилось на воду, готовясь ко сну.

— Поэтому драгоценные мгновения перед опасным походом он проводит с ней, а не со мной.

— Да, поэтому.

Слова дочери заставили царицу вздрогнуть и вновь воззриться на нее. Супруга Кира ощутила замешательство, к которому добавился скрытый гнев. Она постаралась заглушить его, чтоб не выплеснуть невольно на Атоссу.

— Вот, значит, как...

Царевна кивнула и, прекрасно чувствуя настрой матери, попыталась скорее объясниться.

— Ты должна знать, мама, что истинная любовь и увлеченность — совершенно разные вещи.

— Думаешь, я этого не знаю, дитя? — горько улыбнулась Кассандана.

— Знаешь, — кивнула Атосса, — ведь не будь ты мудра...

— На свет Ахура-Мазды не явилась бы столь яркая звездочка, сияющая разумом и красотой, — закончила за нее царица.

Дочь еще больше смутилась и отвернулась, казалось, полностью забыв о своем желании защитить отца перед матерью.

— Поход предстоит трудным и опасным, — вернулась она к теме визита, хотя голос звучал уже не так уверенно, — папа не хотел, чтобы вы расстались в печальных чувствах.

— А так мы не расстанемся, по-твоему? — вскинула бровь Кассандана.

Атосса выдохнула:

— После вашей последней беседы, папа посчитал...

— Он вновь посчитал за меня? — царица дернулась, словно решила вскочить, но в последний миг передумала. — Вновь он все решает за меня, не удосужившись узнать, что на самом деле происходит у меня на сердце!

— Войско выходит уже завтра на рассвете, — тихо встала царица, — папа убежден, что ты злишься на него. И не захочешь видеть. Потому решил не усугублять...

— А подослать с прощениями тебя?! — Кассандана готова была вспылить, однако вовремя сдержалась. Тем не менее, тон ее сильно охладел. — Вот, значит, как...

— Нет. Меня никто не подсылал. Я пришла сама, чтобы развеять туман непонимания.

Атосса подняла глаза и встретила ими со взором матери. Взгляды женщин, так похожих друг на друга. Один полон горечи. Другой — надежды.

Царице потребовалась минута прежде, чем она вновь целиком овладела собой. Кассандана даже вяло улыбнулась.

— В очередной раз... в очередной раз моя звездочка идет рассеивать туман своим ярким светом. Что ж, кто я, дабы противиться?

Снова в речи матери не было и намек на иронию. Это приободрило Атоссу. Царица набрала полные легкие воздуха и проговорила, стараясь не сбиваться.

— Папа не хотел усугублять вашу ссору. Посчитал, что ты рассердишься сильнее, если он снова придет к тебе. Не хотел уходить на север с еще более тяжелым сердцем. Но люди при дворе станут распускать слухи, если царь вдруг решит затворничать. Влечение к Нитетис... оно... оправдано и делом... государства.

Сказать все это было нелегко, но Атосса ощутила настоящее облегчение. Она не знала, как воспримет ее слова мать, но держать их в себе и вовсе становилось невозможно. Это больно, когда столь близкие сердцу люди тонут в пучине недопонимания.

Девушка отвернулась, в свою очередь посмотрела на пруд. Ту его часть, где в воде отражались деревянные колонны, стены с синей глазурью и золотые львы, венчавшие крышу дворца...

Атосса почувствовала ладони на своих плечах. Столь знакомые. Теплые. Царица обернулась и увидела, что мать улыбается. По-прежнему печально, но ценит. Ценит попытку сгладить острые углы. Кассандана крепко обняла царицу. Молча, без лишних слов, ибо последние были не нужны. Она не перестала носить обиду на Кира. Осталась при своем. Но что-то внутри дрогнуло. Искренняя любовь Атоссы, ее желание все исправить и вернуть семье единство... это насыщало душу силами и давало непонятную надежду. Надежду, что все еще может быть хорошо.

Атосса отринула мысли. Дум с нее на сегодня достаточно. Она просто наслаждалась моментом. Моментом крепких объятий.

Потому ни та, ни другая не заметили, что среди садовых деревьев и кустарников скрывается Камбиз. Старший сын сидел тише воды, ниже травы. Да, его способностям к скрытности позавидовали бы опытные соглядатаи империи. И Камбиз воспринимал это как похвалу. Даже если наблюдать приходилось за собственным родом.

«Змей, способных ужалить, можно пригнать и в своем доме. Они первыми вопьются тебе в спину» — искренне верил он.

Вслушиваясь в разговор матери и сестры, царевич предавался собственным мыслям, не замечая, что руки сжимаются в кулаки, а ногти до крови вспарывают кожу. Волны ярости накачивали одна за одной, подобно пенистым гребням на берегах Великого моря.

«Я заставлю заплатить Египет за нанесенные оскорбления! Клянусь, мама, от проклятой земли, взрастившей это ничтожество, ничего не останется!».

Взор его перешел на Атоссу. Такую умную и красивую...

«Она прекрасна. Но сестре не хватает крепкой руки, что направляла бы ее. Вот бы эта рука оказалась моей...».

В темных зрачках царевича зажегся вожделенный огонь.

Камбиз не осмеливался шевельнуться, памятуя о прошлом обнаружении. Свежий ветерок наступающей ночи вяло колыхал листьями над головой. Но он не мог остудить пожара, что разбушевался в царевиче. Пожара ярости... и желания.

— Зах-хак...

— Господин?..

Командиру почудилось, что царевич перестал дышать. Рука воина непроизвольно скользнула вниз, к поясу. Обхватила рукоять меча. Напряжение было таким, словно все пески разом обрушились на головы всадников. И в тот миг, когда оно стало нестерпимым, раздался знакомый голос.

— Случилось несчастье.

Боец с облегчением выдохнул и отпустил клинок. Даже слова о какой-то беде не смогли притупить радость от того, что сын Кира невредим. Тем не менее Аршама быстро собрался и поспешил уточнить.

— Почему ты один, царевич? Где твоя колесница и... советник царя?

— Он напал на меня, — крупная фигура пожала плечами.

Страж вздрогнул и удивленно переглянулся с остальными. Лошади продолжали нервничать, будто рядом находилась еще одна стая львов.

— Напал? На тебя? — командир никак не мог поверить в услышанное. — Но почему?

Вновь Бардия пожал плечами:

— Позавидовал, что львиных голов с охоты я привезу больше. Подстрелил коней моей колесницы и возничего. Но против меня никто не устоит. Я оборвал его жалкую жизнь.

Царевич демонстративно поднял лук и натянул тетиву. Затем отпустил ее. Та тихо скрипнула в окружающем безмолвии.

Аршама вглядывался в знакомый силуэт. Слышал голос сына Кира. Это определенно стоял он. Но нечто закрадывалось в душу всадника. Нехорошее чувство, которое он старался гнать прочь, однако оно возвращалось с настойчивостью мухи, учуявшей мед. Что-то было не так.

«Оборвал его жалкую жизнь... я никогда... никогда не слышал, чтобы благородный Бардия отзывался так о ком-то. Даже о собственных врагах!».

Речь царевича повергала в смятение, однако это точно был он. Лишь Бардия обладал силой, способной натянуть его лук. И он это сделал только что у всех на глазах.

Неизвестно, сколько бы еще продлилась заминка, ибо все, кроме царевича, испытывали шок и растерянность, если бы сын Кира не нарушил тишину:

— Уберите тела и похороните с почестями. Пусть Гаумата опозорил свое имя, напав на меня, миг помутнения не должен перечеркнуть того, что он сделал для империи.

— Да, господин, — прохрипел Аршама и махнул рукой, отдав приказ.

— Коня мне!

Один из персов спешил и подвел к Бардии скакуна. Тот заржал и дернулся, будто увидел пропасть. От неожиданности боец выпустил поводья, но Бардия ловко их перехватил. Молниеносным движением подтянул животное и резко оседлал. Коня всего затрясло, глаза расши-

рились от ужаса. Царевич положил ладонь ему на шею, и через секунду скакун притих, хоть по-прежнему дрожал всем телом. Аршама наблюдал за всем с растущей тревогой и смятением. Словно паника, охватившая животное, передавалась, как заразная лихорадка.

— В Вавилон! — скомандовал Бардия. — Я должен присутствовать при отходе войск на север. И рассказать отцу о случившемся.

— Да, господин.

Часть отряда осталась в пустыне, забрать тела и исполнить волю сына Кира. Остальные направились следом за Бардией в столицу Междуречья. Командир всадников расположился прямо за царевичем. Теперь ветер пустыни дул им в спины, плавно сменяя обжигающее дыхание на прохладу ночи. Но страж не думал об этом. Он не сводил с царевича глаз. Только сейчас до всадника дошло, что сын Кира утратил привычную, басовитую веселость. Он стал говорить... по-другому.

Весть о гибели одного из лучших советников империи застала Кира врасплох. То, что Гаумата на охоте посягнул на жизнь его собственного сына, казалось еще большим безумием. Но все указывало на обратное. Тела, найденные среди дюн... трупы львиц и разбитые колесницы... подстреленные лошади. Все это подтверждало слова Бардии, который, хвала Ахура-Мазде, стоял сейчас перед отцом живым и невредимым.

Времени на подробные расспросы у царя не было. На рассвете войско должно отправиться в поход, откладывать дальше нельзя, ибо массагеты угрожают границам с возросшей настойчивостью, наглостью и самонадеянностью. Кочевникам давно следовало показать их место и укрепить права державы на земли к северу от Парфии.

Кир узнал лишь самое главное — Гаумата вернулся из Согдианы с благой вестью. Рудник в горах Хинду-Кауш и вправду оказался полон драгоценным лазуритом. Правда, пришлось, по словам мага, что пересказал сын, перерезать жалких пастухов, осмелившихся бросить вызов бойцам империи. От подобных речей царя передернуло, и Бардия поспешно умолк.

— Неужели он мог подобное сказать? — гневно прошептал Кир, прохаживаясь по покоям.

— Я слышал это из его уст накануне охоты, — спокойно ответил Бардия.

— Безумие! Настоящее безумие! Неужели он забыл, откуда происхожу я сам?! — царь не смотрел на сына, меряя шагами комнату. — Я сам из пастушков. Мое имя означает то же!

Царь не видел, как в глазах Бардии сверкнул огонь и через секунду потух. Когда же сын заговорил, его голос стал звучать чуть мягче, но Кир, погруженный в мысли о случившемся и будущем походе, не заметил и этого.

— Он мидянин, отец. Пусть ты всегда был к ним благосклонен, но я не думаю, что они забыли прежние времена.

— Я сделал все, чтобы у них не осталось повода для мести! Сохранил им жизнь, дал титулы и земли! Разве я не милосерден?!

— Милосерднее лишь Ахура-Мазда, — ответил сын.

Кир остановился и вздохнул, провел рукой по бороде:

— А Гаумата... он служил мне верой и правдой столько лет... чтобы теперь вонзить кинжал в спину?

Бардия молчал, внимательно наблюдая за родителем. Былая словоохотливость и жизнерадостность полностью испарились из него.

«Немудрено, учитывая случившееся...» — невольно подметил Кир.

Несколько мгновений царь казался растерянным. Его отстраненный взор переходил с одного предмета на другой. Кровать из козьих шкур, наполненных водой... Спать на такой

было куда мягче и приятнее, нежели на деревянной. Тумба из орехового дерева, украшенная бронзовыми листьями. Они тускло мерцали в пламени факелов. Золотой кубок в виде льва рядом на столе. Аромат вина долетал до ноздрей. Кир так и не осушил сосуд до конца, не любил предаваться празднеству без лишнего повода. Но сейчас он ощутил жесткую потребность испить до дна. Усилием воли царь подавил это желание и взял себя в руки. Когда он вновь посмотрел на Бардию, то перед царевичем снова стоял тот самый повелитель половины мира — собранный, уверенный и непреклонный.

— У меня нет времени заниматься всеми делами, — отчеканил Кир, — на рассвете войско выступает в поход, и я должен быть с ним, как всегда.

— Понимаю, отец, — тихо ответил Бардия.

Царь кивнул:

— Отправь людей в Согдиану. Пусть разрабатывают найденный рудник и доставляют лазурит в Пасаргады. Казна Персии должна быть полна. Чем больше денег, тем меньше хлопот у простого народа. Тем меньше мыслей о бунтах в его голове.

— Я всегда поражался твоей мудрости, отец, — с легкими нотками лести молвил царевич.

Кир на секунду нахмурился, потом хмыкнул:

— Мне-то не лги. С каких пор тебя стало заботить что-то, помимо охоты и стрельбы из лука? Или сегодняшний случай немного отрезвил?

Тень пробежала по лицу Бардии. Он поджал губы и понурился. Приняв это за признание, царь усмехнулся.

— Я давно советовал тебе полагаться не только на силу, быть настороже. Мир покоряется не только острым клинком, но и умом.

Сын не ответил и предпочел лишь согласно кивнуть.

— Дождись моего возвращения и тогда, быть может, я сделаю тебя сатрапом Парфии или той же Согдианы, — Кир вновь прошелся взад-вперед по покоям, — хорошее место для того, чтобы начать познавать дела управления самостоятельно. Заодно проследишь за доставкой лазурита.

— Слушаюсь, отец.

— Хорошо. Решение похоронить Гаумату со всеми почестями я одобряю. Он и вправду многое сделал для меня и, возможно, просто помутился разумом, — Кир выдохнул и добавил шепотом, — до сих пор не понимаю, как такое могло произойти.

На секунду в покоях повисла тишина, которую вновь прервал царь. Его голос снова стал решительным.

— От людей ничего не скрывать. Во избежание слухов, рассказать все, как было. В опалу приближенных мидийцев не ссылать. Никаких угнетений. Случай Гауматы еще ни о чем не говорит. Будь среди мидийцев заговор, они не стали бы так глупо раскрываться.

— Убить меня на охоте просто, — возразил Бардия, не поднимая головы, — и списать все на шальную стрелу.

— Верно, — кивнул Кир, — но зачем им ты? Ты даже не наследник.

Сын снова промолчал, не зная, что ответить.

— После погребения возвращайтесь к насущным делам. Но надзор за дворцом усилить. На всякий случай. Все ясно?

— Мне все ясно, отец.

— Тогда ступай. Скоро уже рассвет.

Когда за Бардией закрылась дверь, Кир осторожно присел на край ложа. Мысли жалили разум, подобно потревоженному улью диких пчел.

«Я знал, что управлять империей нелегко. Но когда получаешь неожиданный удар в спину оттуда, откуда не ждал... и в такой важный миг... — царь устало вздохнул и провел ладонью по лицу, — Гаумата... зачем ты это сделал? Что двигало тобой?».

Он просидел так с четверть часа, пытаясь найти ответы на вопросы и невольно вслушиваясь в треск пламени огня. Но так ни к чему и не пришел. А тот, кто мог бы на все пролить свет, уже никогда этого не сделает.

В конце концов, Кир бросил бесполезные размышления. Негромко, но твердо позвал:

— Ты снова можешь войти, Нитетис.

На пороге соседней комнаты показалась прекрасная египтянка, и на душе у царя стало легче. Прекрасный лотос из долины Нила обладал поразительной способностью — притуплять терзания.

Когда нежные руки заласкали его лицо и плечи, Кир позабыл о многом. Владыка половины мира медленно тонул в зеленых глазах, изящно подведенных черной краской. Глазах, полных нежности и надежды.

Глава 6

Он нашел его там, где и предполагал — в тронном зале. Память царевича верно подсказала, что Камбиз не преминет скорее занять место правителя, дабы потешить свое самолюбие.

«В этом мы так с ним схожи» — мысленно протянул Бардия, когда шагнул в сумрак просторного помещения с высоким сводом.

Тяжелые сапоги почти бесшумно ступали по ворсинкам красного ковра.

Наследник развалился на троне. Лицо застыло в маске блаженного удовольствия. Правая рука сжимала золотой кубок в виде льва, который тускло блестел в пламени треножников. Казалось, огонь отражался в самих зрачках Камбиза — столь сверкающим был его взгляд. Подле ног расположилась стройная рабыня в одеянии такого же цвета, как и массивные стены дворца — синем. Вот только в отличие от кладки, ткань невольницы позволяла разглядеть каждую черту прекрасного тела, чем несомненно пользовался Камбиз. Пальцы свободной кисти играли темными волосами наложницы, а та нежно массировала бедра наследника. Первым заметил Бардию именно он.

— А-а-а! — протянул старший сын Кира чуть захмелевшим голосом. — Вот и наш несостоявшийся мертвец!

— Я тоже рад тебя видеть, Камбиз, — улыбнулся Бардия и остановился в нескольких шагах от трона.

Рабыня вздрогнула и испуганно посмотрела на наследника. Тот слегка поморщился и махнул рукой, повелевая той удалиться. Девушка молча поспешила исполнить приказ хозяина.

— Да ты всех и всегда рад видеть, — съязвил Камбиз, устраиваясь поудобнее, — даже ту змею Гаумату.

— Я не знал, что он окажется змеей.

Бардия сделал несколько шагов в сторону и задумчиво уставился на барельеф в виде золотых быков, что украшали стены меж крепких колонн. Тронный зал Набонида остался нетронутым с тех пор, как Кир покорил Междуречье. Как и весь Вавилон. Персидский царь отличался милосердием к покоренным народам. Чего нельзя было сказать о Камбизе. Быть может, поэтому отец отстранил его от наместничества? А сейчас оставил вместо себя потому, что не имел выбора и времени?

Свою жестокость наследник тут же подтвердил:

— Очередная твоя проявленная глупость, брат. Все мидийцы — змеи! Я бы давно прирезал каждого второго, но вы с отцом так заигрались в благородство, что... — он оборвал сам себя, сделал большой и смачный глоток, потом добавил, — впрочем, кто я такой, чтобы судить о делах отца.

— Не думал о том, что жестокость к мидийцам разожжет среди них восстание?

— А покушение на жизнь царской крови должно сойти им с рук?!

— Да, Гаумата напал на меня, но, — нахмурился Бардия и, вспомнив слова отца, пояснил, — будь среди мидийцев заговор, они не стали бы так просто подставляться.

— Ну, как скажешь.

Судя по желчи в голосе, Камбиз не разделял этого мнения. Наследник пьяно вздохнул и отпил еще вина.

— Подготовка к погребению идет? — спросил младший брат.

— Тебя волнует судьба этого выроodka больше, чем заботы государства и собственная жизнь, — хмыкнул Камбиз.

— Просто исполняю наказ отца. У него итак хватает поводов для дум. Пусть хоть когда вернется с победой домой, увидит, что мы чтим все его заветы.

Наследник шумно втянул носом воздух:

— Идет-идет. Я уже повелел сделать все, что нужно.

— Правда?

— Да. Его тело как раз сейчас потрошат голодные псины.

Бардия резко обернулся и вперил взгляд в брата. Тот аж застыл на мгновение, удивленный его поведением.

— Разве отец не приказал похоронить Гаумату со всеми почестями?!

Камбиз ослабилась:

— А разве я поступаю иначе?!

— Ты отдал тело на растерзание собакам!

Наследник подался вперед, пальцы стиснули кубок:

— Тебе что, после охоты и того случая разум помутило?! Я сделал все, как завещал нам Заратуштра! Бренные останки не должны осквернять землю. Как только псы сделают свое дело, этого мидийца похоронят со всеми почестями! Пусть подавится!

Бардия отвернулся и подошел ближе к барельефу, словно хотел разглядеть изъяны в работе резчика. Золотой бык встретил его тусклым мерцанием. Пламя треножника отразилось в изумрудном глазе, зверь будто подмигнул.

— Ты прав, — тихо отозвался царевич, — после проступка Гауматы я... сам не свой.

— Да, я заметил, — привычно съязвил Камбиз, — может, хоть это отрезвит тебя, наконец, и ты перестанешь витать в благородных облаках!

Кубок выпал из руки и тихо брякнул об пол. Вино пролилось на ковер, сливаясь с ним в бурую массу. Наследник что-то пьяно проворчал себе под нос.

— О, да, брат, — тихо прошептал Бардия, — непременно отрезвит.

Он стоял спиной к трону, потому Камбиз не видел, как губы царевича разошлись в довольной ухмылке.

— Ты что-то там сказал?

— Мы нашли лазурит в Согдиане, — обернувшись, ответил Бардия.

— Да, я знаю, — рыгнул наследник.

— Знаешь? — брат приблизился к трону. — Отец тебе поведал?

— Нет, я подслушал, — невозмутимо признал Камбиз.

— Разве это правильно, следить за собственной семьей?

— О, избавь меня от этих речей! — отмахнулся, словно от мухи, наследник. — Хватает того, что мать с Атоссой мне вечно припоминают.

— Хорошо, — внезапно согласно кивнул Бардия, — не стану.

Пьяный взгляд Камбиза пристально воззрился на брата, затем старший сын Кира медленно расплылся в усмешке:

— Похоже, и вправду умнеешь, брат. Может еще одно покушение на тебя устроить? Совсем мудрецом станешь! — он заржал, как конь.

— Думаю, одного будет достаточно.

— Дело твое, — отсмеявшись, бросил наследник. — Много лазурита нашли?

— Очень много, — улыбнулся тот, — надолго хватит.

— Вот и замечательно, — Камбиз откинулся на спинку трона, — займись его доставкой, а управление державой оставь мне.

— Как скажешь, — кивнул Бардия.

— О, действительно начинаешь прозревать, — гоготнул наследник и погрозил пальцем, — но помни, я все вижу и слышу.

Царевич улыбнулся чуть шире, затем развернулся и направился к выходу. Однако на полпути резко остановился, ибо Камбиз его окликнул.

— Бардия!

Он обернулся и посмотрел на брата. Тот все также вальяжно восседал на троне империи. Вот только лицо его теперь было совершенно серьезным, а глаза — алчными и жестокими.

— Что?

Несколько мгновений в зале стояла тишина. Треск пламени в треножниках эхом отражался от кирпичных стен.

Наконец, наследник нарушил безмолвие и холодно произнес:

— Привези сюда пару камней. Самых больших и красивых.

— Для Атоссы? — предположил царевич.

— Нет, — Камбиз выждал паузу и добавил, — для меня.

Неспешно идя по сумрачному коридору дворца, Бардия улыбался. Он узнал все, что нужно.

Когда минувшей ночью состоялся разговор с Киром, царевич понял — главный Ахеменид слишком силен, несмотря на почтенный возраст. Совладать с таким вряд ли удастся.

«Пока».

А вот его старший сын... его можно взять голыми руками. Только не сейчас. Камбиз еще сыграет важную роль. Поможет ему.

«Ведь мы так похожи... Ах, мы так похожи, что это даже прекрасно!».

Бардия столь задумался о своем, что не заметил, как налетел на Атоссу и чуть не сбил ее с ног. Та тихо охнула и отпрянула.

— Прости, сестра, — быстро ответил царевич, пряча улыбку, и выдал заготовленную фразу, — после охоты я сам не свой.

— Да ну, что ты! — она прильнула к нему и крепко обняла. — Не за что просить у меня прощения! Поверить не могу, что советник папы посмел свершить такой кощунственный поступок! И прости, что не предупредила тебя!

— Не предупредила? — Бврдия выглядел озадаченным. — О чем?

— Вчера вечером, когда вы беседовали перед дворцом... — Атосса чуть отстранилась и нахмурилась, не зная, стоит ли все-таки рассказывать, но в итоге поборола сомнения, — Гаумата странно взирал на меня. Словно... словно на вещь. Сокровище, которым хочет обладать. Кажется, он вернулся из Согдианы уже с помутненным разумом. Я обязана была тебя предупредить.

Царевич осторожно обнял девушку, не давая ей полностью отстраниться.

— Твоей вины в этом нет. Кто знал, что все так обернется. А мне уроком будет. Может, научусь лучше в людях разбираться.

— Он ведь тебя не ранил?

— Не успел, — хмыкнул Бардия, — я ж самый могучий воин во всей империи.

Царевич слышал громкое биение ее сердца. Оно трепетало от радости. Радости по поводу того, что брат остался жив.

«Но это не то, что мне нужно».

Атосса все-таки совершила попытку отстраниться, и брат не стал ее удерживать. Девушка воззрилась на него снизу вверх, и Бардия нацепил на уста широкую улыбку.

— Когда мы столкнулись мгновениями ранее, ты тоже улыбался, — подметила царевна, — о чем ты думал?

«Какая наблюдательная. С ней надо быть поосторожнее».

— О лазурите, что нашли в Согдиане. Я только что обсуждал это с Камбизом.

Девушка вздохнула:

— Он может довести до припадка кого угодно, но только не тебя. Восхищаюсь твоей стойкостью и радушием. Ты — просто воплощенная добродетель! И что вы решили?

— Он повелел мне доставить лазурит из пещеры.

Атосса печально покачала головой:

— Стоило папе покинуть Вавилон, как Камбиз сразу начал повелевать всеми и вся, — она снова вздохнула, — неисправим. Я с ним переговорю. А тебе надо время восстановить силы после случившегося. Нельзя, вот так сразу покидать нас, когда мы чуть не потеряли тебя!

— Он сейчас пьян.

— Тем лучше! — царевна отступила на шаг и улыбнулась. — Меньше станет мне возражать. А меня он послушается.

Всегда веселый и многословный, Бардия молчал. Атосса списывала это на случившееся с ним на охоте, потому старалась не задавать лишних вопросов. Сейчас брат должен был переживать смену взгляда на мир. Мир, в котором даже любимому всеми царевичу грозит смерть. А переживать такое непросто.

— Я поговорю с ним, — лишь повторила она, а затем добавила, — и с теми воинами, что прибыли с Гауматой из Согдианы, тоже.

Бардия удивленно вскинул брови:

— Зачем?

— Вдруг они что-то знают? Что-то заметили? — Атосса пожала плечами. — Ведь были подле него долгое время.

— Умно.

— Да, наверное, — улыбнулась она, — хорошо, иди, отдыхай, Бардия. Даже самым сильным из нас необходим отдых.

— Пожалуй, — вздохнул царевич и ответил широкой улыбкой.

— О погребении уже позаботились? — поинтересовалась Атосса перед тем, как уйти.

— Да, — кивнул брат, — останки жалкого мидийца сейчас гложут собаки, потом их предадут земле.

— Хорошо. Раз отец повелел воздать почести, значит, так было нужно.

Бардия снова кивнул, и они разошлись. Царевич вновь погрузился в собственные думы.

Атосса же направилась к тронному залу с намерением обуздать своенравного Камбиза. Несмотря на то, что она умела оказывать на старшего брата влияние, девушка понимала — разговор предстоит непростым.

Царевна была уверена, что ее беспокоило именно это, пока она шла по коридорам дворца. Но когда нежные ладони коснулись деревянных створок, в голове будто сверкнула молния.

«Жалкий мидиец... Бардия никого никогда так не называл...».

Кир Ахеменид был для него слишком силен. По крайней мере, сейчас. Он видел его. Как великий царь возглавляет войско, покидающее Вавилон на рассвете. Суровый, непроницаемый лик, полный мужества и торжества. Торжества благородного. И как его любят. Любят даже те, кто любить не обязан. Покоренные. Это искренне удивляло и оберегало от необдуманного шага.

«Нет. Не сейчас. Есть добыча повкуснее».

Он втянул носом воздух, будто принимаясь. Аура страданий вела его. Туда, где росли спелые груши, а утки рассекали чистую поверхность пруда.

Осоловелый взгляд Камбиза немного прояснился, когда он заметил на пороге тронного зала Атоссу. Но лишь для того, чтобы вспыхнуть алчным желанием. Всего на миг, однако его хватило пронизательной царевне. Она остановилась, не доходя до трона, и сцепила руки перед собой, словно огораживаясь. Будь наследник трезв, то непременно высказал какую колкость, но сейчас Камбиз пребывал в блаженных объятиях хмельных паров.

— Прекраснобедрая почтила меня своим присутствием, — протянул он, — чего угодно? Сделаю все, что в моих царских силах.

Наследник тихо рыгнул и повел затекшим плечом.

Брат и в ясном уме был человеком далеко не приятным, сейчас же Атоссе вовсе потребовалось немало усилий, дабы не проявить неприязнь открыто.

— Не успела пыль осесть под копытами всадников, покинувших родной дом, а ты уже распоряжаешься в нем, как полновластный хозяин, — холодно бросила она.

Бровь Камбиза медленно поползла вверх:

— А я разве не хозяин? Отец оставил на меня империю.

— Оставил, но не возложил на чело голубой венец!

Наследник поморщился:

— Да не ори ты так. Будто трубы, от которых свалился Иерихон, — он провел пальцами по нахмуренному лбу, — что я опять сделал не так?

— Ты отправляешь Бардию в Согдиану, не дав ему должного отдыха, — чуть понизив тон, продолжила царевна, — после несчастья, случившегося с ним, брату необходим покой...

— Такому быку, как он, покой не нужен, — перебил и отмахнулся Камбиз, — а я лишь исполняю волю отца. Он потребовал доставить найденный лазурит в Пасаргады? Вот пусть Бардия за этим и проследит. Нечего во дворце штаны протирать. Делом надо заниматься.

— Как ты можешь говорить подобное о собственном брате, когда...

Атосса осеклась, увидев ехидную ухмылку на губах наследника.

Он ее почти не слушал, лишь наслаждался собственным голосом и властью.

Только сейчас царевна поняла, что приходит сюда было ошибкой. Вглядевшись в это пьяное, самодовольное лицо, дорвавшееся до трона, девушка осознала — ее влияние на брата в текущие мгновения не действует. Камбиз явно потешался над ней, пользуясь своим превосходством, а ехидная улыбка на губах вызывала отвращение. С трудом сдержав его, царевна сухо молвила.

— Раз таково твое решение, так тому и быть. Я не стану тебе перечить. Но по возвращении отца из похода, не намерена скрывать твое поведение в тайне.

— Кто бы сомневался, — хмыкнул Камбиз.

Считая беседу исчерпанной, Атосса резко развернулась, чтобы уйти, однако спустя пару секунд услышала довольный голос брата, прилетевший в спину.

— Бардия покорно принял меня, как властителя империи. Стоит и тебе сделать то же самое.

Царевна остановилась. Несколько мгновений она старалась переварить услышанное. Потом медленно обернулась. Камбиз все так же самодовольно взирал на нее.

— Он сделал... что? — переспросила Атосса.

— Принял мою власть, — причмокнув, проговорил брат, — должен признать, ума после покушения у него прибавилось. Я вот думаю, может, и мне к нему убийцу подослать? Он после этого совсем покорной овцой станет! — наследник хрипло и мерзко рассмеялся, заставляя Атоссу бледнеть лицом. Через несколько секунд смех оборвался, и брат взглянул на сестру

колючим и острым взором. Сердце девушки пропустило удар. — Тебе стоит сделать то же самое, — повторил Камбиз, вмиг посерьезнев, — и отблагодарить за мою щедрость.

— Твою щедрость? — вконец растерянная царица только и могла, что переспрашивать.

— Узнаешь в свое время, — вальяжно махнул он, — у тебя все? Если да, то оставь меня. Дела государства требуют моего... вмешательства.

Атосса не заметила откровенной насмешки, просквозившей в последних словах. Не почувствовала взгляда Камбиза, которым тот жег ей спину меж лопаток, пока она продвигалась к выходу. Разум с трудом переваривал услышанное, а учащенное сердцебиение подгоняло ускорить шаг, словно хлыст. Лишь когда створки закрылись за ней, и царица очутилась в сумрачном коридоре дворца, она заставила себя остановиться, прикрыть веки, глубоко вдохнуть и выдохнуть.

«Он принял мою власть... тебе стоит сделать то же самое» — звучали слова брата в голове.

«Принял власть... сделать то же самое...».

Атосса открыла глаза и нахмурилась. Нехорошее предчувствие зарождалось где-то внутри, но она не могла распознать его причины. Нет, дело было не в сумасбродстве Камбиза. К этому все давно привыкли. Что-то терзало Атоссу помимо него. Какая-то... неправильность. Странность...

«Принял власть...».

Она обернулась к одному из стражников возле входа и поинтересовалась:

— Всадники, что сопровождали господина Гаумату из Согдианы... они еще здесь?

— Здесь, Ваше Высочество, — поклонился воин, — Его Высочество Бардия повелел отрядить для них место для отдыха в казармах.

— Хорошо. Приведите мне кого-нибудь из них. Я хочу с ним поговорить о том, что они нашли в горах Хинду-Кауш.

— Будет исполнено, госпожа.

Кивнув, Атосса спешно направилась прочь.

Глава 7

Рустам не сводил взора с рядов лидийской конницы. Величавые силуэты, вооруженные длинными копьями, сверкали в лучах солнца темными доспехами. Могучие скакуны, не лишенные грации, переминались с ноги на ногу. Они нетерпеливо постукивали копытами. Жаждали, как и их хозяева, втоптать в землю непрошенных гостей, что посмели прийти сюда.

«Свет царя Креза. И сияют они так же, как солнце!».

Рустам был восхищен. Восхищен, но не испуган, хоть и понимал — победа обойдется дорогой ценой. В слухи о том, что Кир убоился конницы врага и вот-вот даст приказ отступить, он не верил. Как и не верил в непобедимость лидийской кавалерии. Даже тогда, когда прозвучал горн, и грозный враг пришел в движение, плавно переходя на галоп. И вот он уже несется, подобно лавине, готовый смести все на своем пути. Гул заполонил поле битвы. Заглушил торжествующие крики, будто на той стороне уже праздновали победу. Блики на вражеских доспехах слепили глаза. Через миг Рустам увидел, как воздух рассекают десятки стрел. Они летели из-за спины, пущенные персидскими лучниками. Вонзались в землю перед копытами лидийских скакунов, пробивали чешую, но не могли остановить смертоносного напора. Уже видны гневные лица всадников, полных решимости. Мерцают наконечники копий. Дрожь проходит по земле. Секунда — и конница на всем ходу врывается в персидские ряды, сминая и погребая под собой воинов Кира. Слышатся вопли и ржание коней. Все смешалось в кровавом хаосе, а стрелы продолжали рассекал воздух над головой.

— Они нас всех передавят! — громко прошептал конник по левую руку, судорожно вцепившись в поводья. — Почему царь не отдает приказ?

— Господину виднее, — не отрываясь от побоища, бросил Рустам.

— Надо отступить!

Рустам резко вскинул руку, ухватил конника за плечо и так сжал, что тот вздрогнул. Лицо Рустама побледнело от гнева, когда он, скривив губы, ответил.

— Тогда я окажу тебе милость и убью прямо сейчас! Чтобы не навлек ты позора на себя и весь род твой!

Конник сглотнул и кивнул, однако Рустам уже этого не видел. Полностью утратив интерес к соратнику, он следил за тем, как напор лидийской конницы медленно ослабевает, а сама она вязнет в рядах пехоты. Словно в болоте. В центре персидского воинства зияла жуткая дыра. Несмотря на упавший натиск, она медленно расширялась. Еще немного, и от пеших бойцов никого не останется...

Зазвучал горн. На этот раз позади. Он смог перекрыть и звуки бойни, и свист стрел.

— Пора! — рявкнул Рустам и обнажил клинок.

Он увидел, как ближайшие бойцы сделали то же самое. Увидел, как сверкнул металл заточенных мечей. Но выждал время. Около минуты, показавшейся вечностью. Минуты, за которую лидийцы чуть не прорвали строй истекающей кровью пехоты. Когда же в воздух по флангам взмылась пыль, Рустам скомандовал.

— В бой!

Он даже не посмотрел, отправились ли бойцы за ним. Просто на полном скаку ворвался в битву. Отбил выпад копья и, рубанув наотмашь, перерезал горло вражескому коннику. Кровь обагрила клинок, ее запах давно витал в воздухе над полем боя. Второй противник орудовал мечом. Более искусно, нежели копьем первый. Рустам слышал лязг металла, несмотря на шум и грохот вокруг. Видел, как блики от оружия отражаются на лице противника. Лошади дергались, отступались и давили тела под ногами.

Рустам промахнулся и не достал соперника, через миг отразил рубящий удар. Еще несколько взаимных атак. Краем глаза заметил, что его воины уже вступили в битву и ско-

вали силы противника. Новый удар едва не снес шлем с головы. Сжав губы, Рустам сосредоточился на сопернике. Изловчился и нанес косой выпад. Несколько чешуйчатых пластин срезаю с вражеского доспеха. Лидиец ответил парой сильных атак, которые Рустам отбил, а затем враг внезапно повел лошадь в сторону и вонзил меч в шею персидского коня. Тот взвился, сбросил седока. Рустам рухнул на землю, больно ударившись о чье-то тело. Поясницу прострелило, но он заставил себя кувырнуться в сторону. Через секунду его лошадь упала на то место, где только что был он сам. Донесся предсмертный храп. Лицо обдало дыханием умирающего зверя. Несмотря на боль и хаос, Рустам не выронил клинок. Пальцы сжались на рукояти мертвой хваткой. Костяшки побелели. Испачканный в чужой крови, воин встал на колени, чтобы увидеть, как лидиец направляет скакуна прямо на него. Рустам не успевал ни подняться, ни отскочить. Мысль о том, что для него бой окончен, молнией пронеслась в голове. А следом закралось сожаление. Ибо ему не суждено увидеть, чем завершится славная битва.

Он не успел полностью все осознать. Лошадь врага внезапно дернулась, взвилась на дыбы, в глазах заплесал огонь страха. Противник не удержался и вывалился из седла. Охваченное паникой животное понеслось сквозь гущу сражения, не разбирая дороги.

Шлем слетел с головы лидийца, обнажая темную шевелюру. Тот тряхнул ею, словно пытался сбросить оцепенение. Его глаза встретились с Рустамом, и перс увидел в них только непонимание, как такое могло случиться. Непонимание, но не ступор.

Рустам медленно поднялся. Спина все еще болела, но он приказал себе сего не замечать. Когда воин расправил плечи, его враг был уже на ногах.

Вновь скрестились мечи. Звон металла бил по ушам, а блики оружия — по взору.

Уклоняясь от удара наотмашь, Рустам шагнул назад, зацепился сапогом за труп и чуть не потерял равновесие. В тот же миг мимо пронеслась лошадь, задев боком перса. Шлем свалился на землю, растрепались волосы. Все звуки внезапно приглушились, а их место занял гул, подобный шуму прибой. Перед глазами удвоилось. Рустам с трудом отбил выпад в сердце, заставил тело уклониться. Очередной выпад врага пронзил пустоту. Оказавшись справа от лидийца, перс со всей силы рубанул кулаком по его вытянутой руке. Клинок выпал из ладони соперника. Когда же он обернулся, Рустам перерезал ему горло. Хлынула кровь, окропляя лицо. Теперь она ощущалась не только в воздухе, но и на губах. Поверженный лидиец рухнул к ногам, но Рустам тот на него уже не смотрел. Взор перса обводил поле битвы. В глазах по-прежнему удвоилось, а в голове раздавался шум прибой. Но он увидел.

Остатки пехоты пытались вновь сомкнуть строй. Вражеская конница смешалась и частично обратилась в бегство. Рустам выполнил свою задачу. Сковал силы противника, не дав ему отступить. А зашедшие с флангов отряды наездников на верблюдах завершили окружение. Вот откуда паника среди лошадей. Они не терпят запаха этих странников пустыни. Задумка Кира удалась!

Рустам прищурился, силясь сосредоточить взгляд. С трудом, но это удалось, и он узрел его. Бронзовый шлем, победоносно сверкавший на солнце. Да, он узнает его из тысячи других. Царь был здесь, в гуще сражения. Не по его чести прятаться за спинами бойцов или городскими стенами. На губах перса заиграла счастливая улыбка. Однако бой еще не окончен. Нужно спешить, добить врага и доделать начатое.

Перешагивая через тела своих и чужих, Рустам направился вперед. Туда, где в лучах дневного светила блестел шлем покорителя народов. Протиснулся сквозь ряд пехоты, что теснила оставшихся всадников. Пыль в воздухе затрудняла дыхание. Перс закашлялся. Увернулся от длинного копья, но ответить врагу не успел. Двое соратников набросились на лидийца вместо него. Рустам не стал терять время. Он спешил туда. Вперед.

Когда до царя оставалось с сотню шагов, его блестящий шлем внезапно исчез. Перс замер, словно напоролся на невидимую стену. Только прояснившийся взор лихорадочно рыскал по полю боя в надежде вновь увидеть знакомый силуэт. Но тот не показывался среди месива и

пыли. Сердце пропустило удар. А затем Рустам сорвался на бег. Не обращая внимания на отступающего врага, он несся туда, где еще кипела схватка, а округу оглашало дикое ржание коней. Да, теперь он снова его слышал. Вот перед ним рухнул скакун с пронзенной грудью, погребая под собой седока. По доспеху Рустам признал в нем лидийца. Павших персов тоже было немало.

«Победа дается дорогой ценой... о, Ахура-Мазда, лишь бы не слишком дорогой!».

Если царь погиб, то никакое золото Креза не восполнит эту потерю! Народ лишится своего мудрого, великодушного отца!

Остатки лидийцев быстро спешили, понимая, что лошади стали бесполезны. Копья менялись на клинки.

Какое-то время Рустам не встречал сопротивления. Он просто продвигался вперед, в самую гущу схватки, в попытках отыскать глазами Кира. Но вот на него набросился один из лидийцев. Слишком уставший и изнуренный. Его движения были слабы и предсказуемы. Перс легко поднырнул под круговую атаку и вонзил меч врагу под левую подмышку. Тот застонал, осел, и в этот миг среди бойни вновь блеснул шлем царя. Кир на равных сражался с могучим воином. Полный благородства и верный законам чести, царь был уверен, что его противники следуют тому же. Потому без страха подставил спину другим сражавшимся. И один из лидийцев решил воспользоваться этим.

Резко выдернув клинок из тела врага, Рустам что есть сил бросился наперерез. В висках стучало, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ноги скользили по крови на земле. В последний миг, когда лидиец занес меч над Киром, Рустам в отчаянном прыжке бросился вперед и сбил противника с ног. Оба выронили клинки, но прежде, чем враг успел прийти в себя, перс схватил его за голову и как следует приложил о землю. Лидиец тут же замер. Рустам не знал, жив тот или нет. Сейчас это не имело значения. Судорожно шаря рукой вокруг себя, он нащупал меч, схватил рукоять и обернулся.

Кир стоял над ним, окидывая пристальным взглядом. Позади виднелся поверженный враг. Грудь царя тяжело вздымалась под доспехом, но сам он не выглядел уставшим. Так прошла секунда. Рустам не знал, как следует поступить, что сделать... а потом повелитель протянул ему руку. Мгновение перс медлил, затем с потаенным трепетом принял и поднялся. Хватка Кира была крепкой, решительной. Как и его взгляд. Рустаму стоило невероятных усилий, дабы не отвести свой. Когда же Кир громко и четко произнес, у воина чуть не закружилась голова.

— Что хочешь и когда хочешь.

Больше повелитель не сказал ни слова. Он вновь погрузился в битву, будто не был мгновение назад на волосок от смерти. И Рустам, полностью огорошенный, непременно погиб бы тогда, если бы лидийцы не обратились в бегство. Вокруг еще слышались крики и стоны, в которые все настойчивей врывались победоносные возгласы воинов персидского царя. А Рустам все смотрел. Смотрел, как повелитель удаляется, теряясь в облаках пыли и общей сумятице боя.

Нет, он не думал тогда о щедрой милости, которой Кир обещал осыпать его. Воин просто был счастлив, что удалось спасти великого владыку от гибели...

Он не думал тогда... но подумал сейчас.

«Что хочешь и когда хочешь».

Задумчивый взгляд следил за тем, как язычки пламени походного костра поглощают скудный хворост. Маленькие искры кружились в воздухе и на фоне сумерек напоминали светлячков.

«Я прошел столько битв и не испытывал страха. Но сейчас мое сердце бьется так, будто мне впервые предстоит идти в бой».

Рустам нахмурился. Затем решительным движением затушил костер, пнув землю носком сапога. Поднялся и, не давая времени сомнениям завладеть умом, зашагал меж многочисленных палаток, что усеяли приграничную степь.

Отовсюду доносились приглушенные голоса. Персы обсуждали предстоящее сражение с массагетами. Войско последних состояло целиком из всадников, что позволяло им наносить стремительные удары и быстро отступать. Но так вечно продолжаться не может. Рано или поздно Кир вынудит дать сражение, и тогда Ахеменид вновь вернется домой с победой. Как и всегда.

Но Рустама, казалось, не волновали ни разговоры соратников, ни неминуемая битва с кочевниками. Разум его занимал грядущий разговор с царем. Разговор, который дольше оттягивать не имело смысла.

Вот показался шатер повелителя. Он ничем не отличался от остальных, кроме размеров. Ни серебра, ни украшений, ни дорогих тканей. Повелитель не привык к роскоши и никогда не любил выделяться среди воинов. Лишь красное знамя с золотым орлом, вяло реющее на ветру, напоминало о том, что это именно обитель царя, а не какого-нибудь знатного военачальника.

У входа неустанно несли стражу два воина в кожаных доспехах, вооруженные копьями да плетеными щитами.

Завидев гостя, они поклонились, и один из караульных произнес:

— Приветствуем тебя, почтенный, — поскольку Рустам не остановился, лишь ответил на слова кивком, страж добавил, — Его Величества нет в шатре.

Перс замер и удивленно посмотрел на бойца:

— Нет?

— Наш царь отправился к северной оконечности лагеря и просил его не беспокоить.

Рустам на мгновение замялся, потом губы его подернула вялая улыбка:

— Тогда зачем ты мне это сказал?

В глазах стражника заплясал хитрый огонек:

— Все знают, что не позволено простому смертному, позволено тебе, господин, — он вновь поклонился, — только будь осторожен, почтенный. Повелитель сегодня задумчив. Сильнее, чем обычно.

«Что не позволено простому смертному, позволено тебе».

С той самой битвы не раз лето сменилось зимой. Рустам быстро приблизился к царю, который оценил не только его храбрость и мужество, но и ум. Правда, до благородства царя Рустаму было далеко. Проявлять такое милосердие к врагам не в правилах перса. Тем сильнее оказалось восхищение последнего своим повелителем. Нет, Рустам не считал себя жестоким, но склонности к всепрощению не имел.

*«Простит ли меня мой царь за то, что я хочу ему сказать?» — думал он, ловко пробираясь меж рядов палаток. — Сдержит слово? Нет, ничто не заставит меня сомневаться в чести повелителя! Но ведь он не знает, **что**я хочу у него попросить...».*

Сердце невольно ускорило ритм, словно на пороге лагеря объявился враг, и воину нужно немедленно вступать в бой. Но даже перед самой жаркой схваткой оно не билось настолько учащенно.

«Что не позволено простому смертному, позволено тебе».

Рустам криво усмехнулся. Будет ли позволено еще, когда Кир услышит его просьбу?

«Но молчать я дольше не могу».

Задумчивость повелителя... перс невольно отвлекся от собственных мыслей.

Он заметил, что Кир чересчур серьезен и погружен в себя в последнее время. С тех пор, как войско покинуло Вавилон. Связано ли это с грядущими сражениями? Но царь видал их уже немало...

Рустам осознавал, каковы бы ни были причины беспокойства повелителя, они могут усложнить все и для него самого.

«Но подходящий миг можно ждать вечно, а я не имею такой роскоши».

За нелегкими думами он не заметил, как полностью прошел лагерь и вышел к его северной окраине.

Пограничная степь полностью укуталась в сумерки. На небе зажигались звезды, а зашедшее солнце посылало миру последние лучи. Маленькая полоска света на западе медленно, но неумолимо поглощалась тьмой.

Стройная фигура Кира даже сейчас выглядела гордо и величественно. Он стоял в паре десятков шагов впереди, оперев руки в поясицу. Простой плащ вяло развевался на ветру в такт колосющейся равнине. Похоже, повелителя не страшил враг, который мог скрываться в ночи. Однако Рустам знал — царь храбр, но не безрассуден.

*«Куда же делась **моя** храбрость?...».*

Тихо вздохнув и решительно тряхнув головой, воин направился к Киру. Сапоги бесшумно ступали по низкой траве, но подойти незамеченным не удалось. Царь обернулся через плечо. На лице промелькнуло недовольство, правда, через секунду оно сменилось сдержанной улыбкой и задумчивостью.

— М, — протянул он, — Рустам. Что тебя привело ко мне?

Глава 8

— Удивлен, что не застал тебя в шатре в такой поздний час, господин, — начал Рустам издалека.

— Хм, — тихо хмыкнул Кир и отвернулся.

Он не прогнал его, не отчитал. Уже хороший знак. Воин приободрился и встал рядом с царем, украдкой проследив за его взглядом. Из-под нахмуренных, седых бровей Кир наблюдал за степью, что тонула во мраке. Но взор его был отстраненным, рассеянным. Не задерживался где-то надолго и плавно скользил по округе. Будто повелитель разумом находился не здесь, а далеко. В глубинах своих тяжких дум. Воин не решался прерывать владыку и просто выжидал подходящий момент.

— Как ты думаешь, Рустам, — внезапно обратился к нему Кир, продолжая осматривать степь, — трудно ли управлять империей? Есть ли дело сложнее этого?

Вопрос повелителя застал врасплох. Перс даже на секунду забыл, зачем сюда пришел. Однако через секунду взял себя в руки и честно ответил.

— Я думаю, что на свете нет ноши тяжелее, чем ту, которую ты взвалил себе на плечи, мой царь.

Слова были искренними, и Кир почувствовал это. Не поворачиваясь, он улыбнулся. Но улыбка оставалась по-прежнему печальной, а лицо — задумчивым.

— Я тоже так думал, — тихо и ровно ответил он, — царь должен быть отцом своим подданным. Тем, на кого они ровняются. Но когда у тебя столько «детей»... ты начинаешь забывать о своих собственных.

Рустам вздрогнул. Кажется, наступал тот самый момент, ради чего он тут.

— Империя — тоже дитя, — продолжал Кир, — еще растущее и неокрепшее. Ему нужна забота родителя. Все мои силы в последние годы направлены на то, чтобы не дать ей умереть после моей смерти. И, да простит меня Ахура-Мазда, в заботе об одном дитя я пренебрег другими.

Рустам не показывал вида, но пребывал в полной растерянности из-за откровений повелителя. Не знал, как реагировать. Что отвечать? Но, по крайней мере, стала ясна причина хмури и замкнутости царя в последние дни. В правящей семье не все так хорошо, как представляется простым подданным.

«*Неужели все дело в той наложнице из Египта, Нитетис?*» — предположил Рустам и взгляделся в лицо Кира, поразившись, как много на том прибавилось морщин.

Почувствовав его взор, царь, наконец, обернулся. Воин увидел глубокую печаль в этих светло-серых глазах и невольно содрогнулся. Усомнился, что его затея имеет хоть какие-то шансы на успех. Однако раз сделал шаг, то отступать уже поздно. Как трудно и плохо бы ни пришлось.

Кир же, несмотря на тяжкие думы, оставался собой — стойким и непреклонным. Спустя несколько мгновений его взор немного прояснился, царь поинтересовался:

— Однако оставим мудрые речи до лучших времен. Произошло нечто важное, раз ты решился на встречу со мной. Говори. Я выслушаю тебя, — владыка вновь отвернулся к степи, — а то скоро нам не найдется времени для бесед.

Рустам бесшумно выдохнул. Сердце пропустило удар, но воин не стал тянуть.

— Господин... мой царь... помнишь, ты сказал однажды — что хочешь и когда хочешь?

— Помню, — спокойно ответил Кир, — как давно это было, а ты так и не придумал себе достойной награды. Неужели ты пришел сюда ради этого? Сейчас?

Воин почувствовал, как почва медленно уходит из-под ног и призвал на помощь всю выдержку, какая имелась.

— Твое Величество... я давно должен был просить, ты прав. Но мое прошение столь важно, что я дерзнул прервать твои думы. Повелитель... я... хочу просить руки твоей дочери, — и прежде, чем Кир успел обернуться, добавил, — Роксаны.

Когда царь впери́л в него взгляд, Рустаму потребовались неимоверные усилия, чтобы не отвести свой. Тело прошиб пот, но воин выдержал и стойко смотрел на повелителя.

«Все. Сделано. А дальше — будь что будет».

Он слышал громкое биение своего сердца. Его не могли заглушить ни голоса бойцов, ни крики караульных. Рустам ждал, каков окажется ответ царя. Он примет любой. Но по-прежнему страшился услышать отказ. Ведь иначе...

«Иначе я не стану жалеть себя в грядущем сражении» — пылко пообещал в мыслях себе он.

Воин так погрузился в собственные терзания, что не заметил, как Кир положил руку ему на плечо. Ее тяжесть вернула в реальность.

— Хорошее время ты выбрал для подобных просьб, — улыбка царя стала шире, — почему не раньше?

— Боялся, — честно ответил Рустам, — боялся, что посчитаешь меня недостойным.

— И потому я до сих пор не пресек ваши тайные встречи в саду? — хмыкнул Кир.

Рустам широко раскрыл глаза от изумления.

— И ты не спросишь, откуда мне это известно, — утверждающе добавил царь, — ибо не твои они дела, но в соглядатайстве меня обвинить ты не посмеешь, — и прежде, чем воин открыл рот, дабы пылко возразить, Кир ответил, убирая руку, — Камбиз видел вас, — повелитель снова окинул взором степи, — от него мало чего можно утаить. Хлебом не корми, дай последить за всеми. Даже за собственной семьей... Хм...

Кир снова погрузился в задумчивость, словно позабыв о том, ради чего Рустам нарушил его одиночество. Сам же воин с трудом владел собой и сгорал от нетерпения. Его не волновала весть, что старший сын Кира видел их встречи с Роксаной. Сейчас только слово повелителя имело для него значение. И тот сего так и не сказал.

Неопределенность. Она тяготила и прибивала к земле подобно самому Хараборсу[1]. Рустам никогда ее не любил. Неопределенность. Есть враг, есть угроза — ты идешь и решаешь ее. А неопределенность — как подлый горец, готовящий засаду в тумане среди скал. Где-то рядом, но не знаешь где именно. И от этого лишь хуже.

Воин едва удержался, дабы не перемяться с ноги на ногу, когда Кир, наконец, обратил взор на него. Губы царя вновь подернула улыбка. Отеческая. В очередной раз рука повелителя опустилась на плечо Рустама.

— Один мой сын хитер, цепок и коварен, но ему не хватает благородства. Другой — открыт сердцем, но лишен острого ума. А ты, Рустам, и цепок, и благороден, и умом Ахура-Мазда тебя не обделил. Быть бы тебе немного милосерднее и рассудительнее, и вовсе стал бы совершенным.

От таких речей у воина чуть голова не пошла кругом. Он с трудом смог сосредоточить взгляд на повелителе и не проявить чувств. Молча дожидаться решения.

— Но покажи мне совершенного человека? — спросил Кир, не требуя ответа, и опустил руку. — Нет его, не сыщешь во всем мире. А мира я всякого успел повидать. Даже я... несовершенен, — на секунду глаза царя снова подернулись печальной пеленой, потом он ее стряхнул, — я не вижу ни одной причины в том, чтобы отказывать тебе. Сильный и смелый муж станет хорошим оплотом для Роксаны. А для меня — гордость звать его своим сыном.

Лицо Рустама вспыхнуло, он резко поклонился и пылко ответил:

— Благодарю! Благодарю, мой царь! Я...

Стук копыт прервал его. Оба обернулись, когда из мрака выскочил всадник. Воин тут же собрался прикрыть своего повелителя спиной, но через миг распознал на седоке персидские доспехи.

— Твое Величество! — прохрипел он, на полном скаку останавливая лошадь. Та недовольно заржала и дернула головой.

— Я слушаю тебя внимательно, гонец, — спокойно произнес Кир.

— Массагеты рядом! Мы заметили их разъезды недалеко от лагеря!

Рустам инстинктивно схватился за меч.

— Отправляйтесь вперед и разузнайте, что происходит поблизости, — ровным тоном приказал царь, — скоро снимаемся с места. Необходимо нагнать их, пока не ушли глубже в степи.

— Да, господин!

Разведчик вдарил пятками по коню и скрылся в ночи так же быстро, как и объявился.

Кир обернулся к Рустаму. Лицо повелителя полностью просветлело. Словно не было мгновений тяжких дум.

— Оставим разговоры о доме на потом, — твердо сказал он, — сейчас нам должно сосредоточиться на его защите. Готовься, Рустам. Этой ночью нам вряд ли суждено сомкнуть глаза.

Воин кивнул. Предвкушение предстоящей схватки смешалось с радостью от решения Кира. Перс чувствовал, словно за спиной вырастают крылья. И он готов. Готов лететь на них, дабы разить проклятого врага, что осмелился перейти границы великой империи!

Он ступал тихо, но не намеревался подкрадываться. Сейчас это было не нужно. Хруст мелких камешков под подошвами сапог сливался с веселым щебетанием птиц.

Кассандана сидела на той же скамье, как и всегда в последнее время. В тени грушевых деревьев. Взор ее устремлялся на пруд с утками. Казалось, после отбытия Кира из Вавилона, на лице царицы прибавилось морщин. Его словно накрыла тень от грозового облака.

Заслышав шаги, она нехотя обернулась, но когда увидела, кто нарушил ее одиночество, просветлела, поднялась и шагнула навстречу.

— Бардия!

Тот улыбнулся, распростер руки и заключил Кассандану в объятия.

— Я так рада, что ты жив, — тихо прошептала она ему в грудь, с удовольствием слыша, как спокойно бьется его сердце.

— Я же самый могучий воин империи, — с легким смешком отозвался он, — что мне угрожало?

— Даже самые сильнейшие могут умереть, — напомнила царица, — бессмертен лишь Ахура-Мазда.

— Ты, как всегда, права, мама, — вздохнул сын, — но я справился. И давай не будем терзаться этим. Лучше поговорим о тебе.

— Обо мне? — она чуть отстранилась и посмотрела на него снизу вверх.

— Ты очень грустная сегодня. Почему?

Кассандана аккуратно высвободилась из объятий и отступила на шаг назад. Лицо ее посуровело.

— Не делай, пожалуйста, вид, что ты ничего не знаешь. Меня ранит это лишь сильнее.

Бардия нахмурился на несколько мгновений, будто что-то вспоминал, потом его лицо разгладилось, он вымученно улыбнулся.

— Знаю, мама, прости. Трудно это все.

Царица косо посмотрела на сына, отступила дальше и опустилась на скамью:

— Трудно. У меня все меньше сил, чтобы не показывать слабости... и почему ты перестал называть меня матушкой?

Мимолетная тень промелькнула в глазах царевича, но Кассандана ее не увидела, ибо вновь повернулась к пруду. Снова раздался хруст камешков под ногами. Тихо заскрипели доски, когда Бардия сел рядом.

— Еще раз прости, — громко прошептал рядом с ее ухом он, — после охоты я... сам не свой.

— Тебе не за что просить прощения, — смягчилась Кассандана, — всем сейчас нелегко. И я бы не стала упрекать тебя в чем-либо, если бы... — она оборвала себя на полуслове, взор отстраненно рассматривал пруд.

— Если бы не Нитетис? — вкрадчиво спросил Бардия.

Имя наложницы ударило, словно кнут. Царица вздрогнула. Ее щеки зарделись, ладони непроизвольно сжались в кулаки. Она почувствовала, как не хватает сил сдерживать внутреннюю боль. И неизвестно, во что та готова была вылиться... но вдруг Кассандана ощутила знакомые руки на своих плечах. Сильные, в то же время нежно приобнимающие.

— Отец перестал ценить тебя, — прошелестел голос Бардии рядом.

Такой мягкий, обволакивающий. Будто ветер вяло играет листьями пальм. И столько в нем было учтивости и... сладости. Такой непривычной для Бардии..., но такой прекрасной сейчас. Кассандана сама не заметила, как медленно начала тонуть в ней.

— Да, — только и смогла ответить она, положив свою ладонь поверх его.

— Он перестал ценить тебя, — повторил сын, — ту, кто подарила ему все. Любовь. Заботу. Будущее его детища. Его империи. Ведь твои дети — это ее будущее. Ты подарила ему все. Великая, несравненная Кассандана. Совершенство.

Сладость полностью обволокла царицу. Слова сына причиняли боль, ранили в самое сердце, но в то же время пьянили лучше любого вина. И ей хотелось слышать еще. Чтобы он говорил так всегда.

«Почему?..Почему он раньше подобного не говорил?..».

Мимолетная мысль на секунду вернула в реальность. Выдернула из нежного дурмана. Кассандана осознала, что ее сын стал другим. После той проклятой охоты. Он стал другим. Исчез вечно задорный, но обделенный умом, царевич. На его месте теперь...

«Кто?».

Она обернулась и с нескрываемой тревогой посмотрела Бардии прямо в глаза.

— Это неважно, — словно прочитав ее мысли, ласково ответил он.

Во взоре сына вспыхнул огонь, и Кассандана вновь погрузилась в сладостную пучину.

— Важно то, что ты — величайшая женщина на свете, и никто не смеет пренебрегать тобой.

«Это неважно, — царица полностью обмякла, — это неважно... пусть... пусть он говорит так всегда... пусть он говорит вечно».

Слезы высохли, так и не успев выступить на глазах.

— Никто не смеет пренебрегать тобой, Кассандана. Даже если это сам Кир Ахеменид. Он не понимает, что на самом деле потерял. И тебе стоит напомнить ему об этом. Напомнить ему, кто ты есть. Кассандана. Величайшая женщина из всех живущих.

— Да, — едва слышно произнесли ее губы, — я должна... должна напомнить ему... но как?..

Объятия стали чуть крепче, а туман вокруг — будто гуще. Сквозь сладостный морок царица вновь слышала нежный голос Бардии.

— Он еще не знает, чего лишился. Кем пренебрег, возжелав египетскую дочь. Напомни ему о том, кого Ахеменид утратил. Напомни ему ту боль, что тебе причинил.

Что-то заставило ее. Словно невидимая сила ухватила Кассандану за подбородок и вернула лицом ко дворцу. Туда, где на крыше в лучах солнца блестили фигуры золотых львов.

— Они сияют, — шептал Бардия, — сияют, подобно солнцу. Подобно тебе. Будь с ними. Будь с ними и заставь Кира вспомнить, кого он потерял.

— Я буду с ними... — как заговоренная повторила Кассандана, испытывая непонятное блаженство, — я буду с ними и заставлю его пожалеть...

Когда она встала со скамьи и на тяжелых ногах направилась к выходу из сада, сына рядом уже не было.

Артавадрия, насупившись, стоял возле крепких дверей покоев и с опаской поглядывал на местную стражу из-под нахмуренных бровей. Те отвечали ему холодными и беспристрастными взглядами. Казалось, их нисколько не интересовал воин, что устроился в нескольких шагах от них и нервно теребил кожаный пояс. Но внешнее спокойствие стражников было обманчивым, и Артавадрия это прекрасно понимал. Даже завидовал стойкой выдержке. Сейчас она бы ему очень даже пригодилась. Ведь чего-чего, а зачем его вызвали во дворец, конник точно не понимал. Здесь он ни разу не был, и с царской четой не общался никогда. Только видел великого даря да его младшего сына и, совсем чуть-чуть, старшую дочь, когда сопровождал советника ко дворцу. Все. А тут выдернули прямо из казарм, сказали, что с ним желает побеседовать не кто-нибудь, а сама Атосса, любимая дочь повелителя и самая красивая из царевн.

«Неужели как-то не так посмотрел на нее? Я ж вообще старался не смотреть!».

О чем тут можно еще думать? Артавадрия и не думал. Лишь пытался занять руки да гадал, что понадобилось столь почтенной особе от простого бойца, как он? А тут еще все эти события, словно камнепад, на голову свалились. Поход против массагетов, безумство господина Гауматы...

«Совсем маг выжил из ума с тех самых пор» — невольно пронеслось у Артавадрии в голове, но он не успел погрузиться в воспоминания.

Двери притворилась, из-за них вышел еще один страж и кивнул воину.

— Ее Высочество, прекрасная Атосса, примет тебя сейчас.

Продолжая теребить пояс, Артавадрия сделал несколько неуверенных шагов, протиснулся мимо и очутился в покоях царевны. Он даже не услышал, как выход позади тихо закрылся. Полностью погруженный в думы, воин отрешенно осматривал убранство комнаты. Широкое ложе с мягкими козьими шкурами. Прикроватную тумбу с бронзовым зеркалом и алебастровым сосудом ароматной мази. В воздухе витал приятный запах жасмина, а оранжевые лучи заходящего солнца проникали через проход на балкон и сливались с тьмой в успокаивающий сумрак.

Хозяйки покоев нигде не было видно. И это еще больше подпитало растерянность конника.

«Зачем вызывают во дворец? Да еще в первый раз, не говоря причины?... Голову рубить хотят, вот зачем. Только чем я прогневал светлую госпожу?...».

— Проходи, храбрый муж, — Артавадрия вздрогнул, несмотря на то, что голос прозвучал мягко, — и не тревожься понапрасну. Я просто хочу с тобой поговорить.

Речь лилась и звучала, словно чарующая арфа.

Осторожно, будто ступал по хрупким кирпичам, воин преодолел покои и вышел на балкон, чуть щурясь от света. Отсюда открывался прекрасный вид на дворцовый сад с фруктовыми деревьями и прудом. Но не менее прекрасной оказалась та, по чьему велению Артавадрию привели сюда. Атосса сидела за небольшим столом, облаченная в дорогую фиолетовую ткань. Встретившись с царевной взглядом, конник поспешил отвести свой и низко поклонился.

— Твое Высочество хотела видеть... — от волнения у него пересохло в горле.

— Тебе не о чем тревожиться, — повторила она и, будто прочитав его мысли, добавила, — я желала свидеться с тобой не потому, что ты чем-то оскорбил меня.

У конника отлегло от сердца.

«Раз голову рубить не собираются, уже хорошо».

Однако поднимать взгляд по-прежнему не решался:

— Я готов исполнить все, что прикажет мне Ее Высочество.

— Хорошо. Тогда окажи мне услугу и поведай то, о чем я желаю знать.

— Что хочет знать госпожа?

На несколько секунд воцарилась тишина. Артавадрия отчетливо слышал, как поют птицы в саду. Он невольно вздрогнул, когда Атосса вновь обратилась к нему.

— О Гаумате. С самого начала.

[1]Хараборс — Эльбрус.

Глава 9

Артавадрия вздрогнул. Взгляд его непроизвольно забегал. Сердцебиение вновь подскочило.

«Зачем? Зачем госпожа спрашивает о маге-предателе? Она меня подозревает? Решила, что я был с ним в сговоре? Или что?».

Воин отчаянно пытался отбиться от вороха вопросов, что набросились на него, подобно стае голодных насекомых. При этом конник поспешил скрыть свое замешательство, однако пристальный взор Атоссы увидел все.

— Тебя что-то тревожит, Артавадрия.

Голос ее оставался мягким и нежным, как музыка, но перс уловил в нем решительные нотки.

— Госпожа... я... — он откашлялся.

— Если расскажешь всю правду без утайки, то тебе незачем трепетать передо мной, — повторила она, — и если ты не злоумышлял ничего против нашего дома Ахеменидов.

На последних словах Артавадрия вскинул голову. Встретился глазами с почтенной особой.

— Да... как я мог замыслить что-то скверное к великому Киру и...

— Тогда расскажи мне все.

Брови Атоссы чуть сдвинулись. Девушка взмахнула рукой и опустила ее на скрещенные ноги.

Воин шумно вздохнул.

«Ну и что мне делать? Скажу, как есть, а там будь, что будет».

— Что ты хочешь знать, госпожа?

Он еще немного хрипел, но почти сумел овладеть собой, при этом вновь пытался не встречаться взглядом с царевной, полностью сосредоточившись на ее вопросах.

— Это правда, что вы нашли много лазурита в горах Согдианы?

— Правда, Твое Высочество. Лазурита в пещере целая куча.

— Отец узрел это сокровище?

— Нет, госпожа. Завал мы разобрали уже после того, как царь покинул Хинду-Кауш.

— Значит, — Атосса выждала паузу, — лазурит добыли уже при Гаумате?

— Да, госпожа.

— И под его началом велись работы?

— Да, госпожа.

— Расскажи, что было дальше.

Артавадрия рискнул покоситься на царевну. Та не меняла позы и, чуть нахмурившись, ждала ответа.

— Дальше... чего, Твое Высочество?

— После того, как вы проникли в пещеру с лазуритом, — нетерпеливо взмахнула она рукой.

— На нас напали.

— Кто осмелился напасть на славных воинов Ахеменид?

— Местные пастухи, курташ. Они кричали, что лазурит принадлежит Ахура-Мазде, и что входить в пещеру нельзя, она священна.

— Хм.

Атосса откинулась на спинку деревянного стула, инкрустированного серебром, и задумалась.

Артавадрия, снова не находивший себе места из-за наступившего молчания, начал терзать ремень.

Из сада доносилось тихое щебетание птиц, плавно утихающее на фоне заката, да вялый шелест пальм. Но конник ничего этого не слышал. Собственные мысли звенели в голове громче пожарного набата.

Наконец, царица прервала тягостное безмолвие и продолжила:

— Почему же те люди называли пещеру священным местом?

— Не знаю, госпожа.

— А что им ответил Гаумата?

Артавадрия сморщил лоб, украшенный шрамом, припоминая:

— Маг считал, что курташ прикрываются именем бога, чтобы не дать забрать лазурит, положенный империи.

— И он не проверил, несут ли в себе истину слова людей?

— Нет, госпожа, — воин посмотрел на Атоссу, помялся и добавил. — Там не было никаких знаков. Никаких ликов. Только слова курташ, которые коверкали имя нашего бога.

— Коверкали? Как?

— Асура-Мазда, а не Ахура-Мазда.

Царица тяжело вздохнула и отвернулась, устремив отрешенный взор в пустоту. Красивое лицо накрыла тень, как от грозовой тучи. Конник видел, что девушка о чем-то думает, словно пытается добраться до истины, но у нее не получается. И это вызывает тревогу и досаду. Вновь повисла неловкая пауза, которая, на счастье воина, на сей раз не затянулась.

— Хорошо, что было дальше?

— Они напали на нас. Из засады.

— Но вы ведь одержали над ними победу?

Артавадрия замялся. Ему не хотелось признавать, что они едва не погибли под натиском каких-то пастухов. Негоже воинам великой державы так позорно сложить свои головы. Но под пристальным взглядом Атоссы вынужден был рассказать, как на духу.

— Они потеснили нас к пещере, зажали в ловушку, напали внезапно.

Щеки конника зарделись, подобно спелому яблоку. Будто почувствовав его неловкость, Атосса нетерпеливо взмахнула рукой, при этом спокойно произнесла:

— Продолжай, пожалуйста.

— Гаумата спас нас, — будто нехотя, признал Артавадрия.

Царица едва заметно подалась вперед:

— Но если случай был таким безнадежным, как ты рассказываешь, как он сумел спасти вас?

Перс вновь рискнул посмотреть в глаза Атоссе, и та увидела в его взгляде искренность, непонимание. Страх.

— Я... я не знаю, госпожа.

Девушка поежилась, словно от дуновения холодного ветра.

— Расскажи, что произошло потом? Как Гаумата перевернул ход битвы?

— Он атаковал курташ. Так ловко и умело, будто язат[1] в него вселился. И после боя на мага не было ни одной царапины. Ни одного синяка.

Слова конника ошеломляли. Атоссе казалось, что она слушает какую-то жуткую сказку. Вымысел, где нет места истине. Но взор Артавадрии говорил об обратном. Либо воин просто выжил из ума, либо... он вещал правду.

— Он дрался стремительно, — тихо добавил тот, — как змей.

Девушка вздрогнула и отвернулась к саду. Глаза отрешенно пробежали по пальмам, а ветер тихо покачивал листьями на ветру.

В памяти всплыли события прошлого. Когда она встретила Гаумату на площади перед дворцом. Тогда Бардия приглашал советника принять участие в злосчастной охоте. Атосса вспомнила, каким взглядом наградил ее мидийский маг. Взглядом голодного хищника. Царевна снова вздрогнула.

Гаумата вернулся из Согдианы другим. Об этом говорят и ее наблюдения, и слова этого воина.

«Но что же с ним произошло? Что?».

— Не стоило нам заходить туда, — прошептал Артавадрия.

— Повтори, — обернулась Атосса.

Воин продолжал теревить ремень:

— Не стоило нам заходить туда. Наверное, то место и вправду под защитой бога? И он проклял мага за святотатство?

— И дал ему столь могучую силу, по твоим же словам? — усомнилась царевна. — А потом натравил на славного сына Кира? Ахура-Мазда никогда бы не посмел подобного сотворить. Он отличает добро от зла. И покарал бы только Гаумату.

— Да, госпожа.

Воин потупился. Ему нечем было возразить.

Атосса вздохнула, уперла кулак в губы, нахмурилась. Через несколько мгновений отняла руку от лица и спросила.

— Больше ты ничего не слышал от тех жителей Согдианы? Быть может, они поведали что-то еще?

— Один из них упоминал какую-то жрицу. Арчиту. Мол, благодаря ей знания о священности пещеры передаются из поколения в поколение.

— Никогда не слышала этого имени, и в священных писаниях Авесты нет сведений о ней, — покачала головой царевна.

— Я тоже ее не знаю, госпожа, — мрачно бросил Артавадрия.

— Хорошо, — вздохнула девушка, — что произошло потом?

— Он добил раненых.

И без того большие глаза царевны округлились, став похожими на два огромных черных сапфира.

— Повтори, Артавадрия, что ты только что молвил?

— Он... — ремень был полностью смят, — он добил раненых.

— Это невозможно! Это немыслимо! Ни один благородный перс не поступит так с теми, кто уже ничем не грозит его жизни!

— Клянусь памятью своих предков, — конник посмотрел прямо на нее и твердо добавил, — я видел это.

Кровь отхлынула от лица Атоссы. Конник говорил правду или свято верил в то, что ее говорит. Когда же воин продолжил, девушка едва не лишилась чувств.

— Он сказал, что проявляет милосердие. Избавляя их от жалкой жизни.

Все поплыло перед глазами. Атосса вынуждена была ухватиться за край стола. Фигура Артавадрии словно окуталась молочным туманом... и на месте конника возник силуэт ее брата, Бардии. Брата, который произносит:

«Останки жалкого мидийца сейчас гложут собаки, потом их предадут земле».

Сквозь мутную пелену до ушей донесся взволнованный голос воина:

— Твое Высочество! Твое Высочество, что с тобой?! Тебе плохо?!

Атосса трянула головой, с трудом возвращая себе способность видеть. В горле пересохло, а в голове царил хаос. Царевна никак не могла поверить в услышанное. Жуткие догадки лезли в разум, подобно ядовитым паукам, что пробрались в спальню под покровом темноты.

«Мне... мне нужно...».

— Госпожа?!

Перепуганный и растерянный Артавадрия все еще стоял перед ней, не зная, как поступить.

— Благодарю тебя... за беспокойство, храбрый воин, — выдавила из себя царица и вымученно улыбнулась, бледность так и не сошла с ее лица, — прошу тебя, продолжай. Что случилось потом?

Конник с опаской взирал на девушку, не в силах понять, способна ли она на дальнейший разговор. Но увидев решимость в глазах почтенной, собрался рассказать кое-что еще. То, что он заметил по пути сюда, в Вавилон.

Внезапно по балконе скользнула тень. Мимолетная и стремительная. Затем раздался приглушенный стук, будто нечто упало на глиняные плиты с большой высоты.

— Что это?.. — царица обернулась и не успела договорить.

Снизу раздалось удивленные возгласы, сменившиеся леденящими криками.

Артавадрия видел, как Атосса медленно поднялась. Ее ноги будто налились свинцом. Продолжая опираться о стол, царица подошла к ограждению... Через секунду она рухнула без чувств так внезапно, что конник не успел ее подхватить.

Больше во дворце делать нечего. Во всяком случае, пока. Он не спеша проходил через площадь и окидывал взглядом огромный сад, расположенный напротив. Множество маленьких прудов, небольших водопадов, душистый аромат деревьев да цветов не мог не приковывать внимание. Издалека чудилось, что это естественная гора, и только всмотревшись можно понять — она рукотворна.

— Кто построил это? — спросил он у одного из слуг, проходивших мимо.

Тот удивленно воззрился на него снизу вверх, поклонился и залепетал:

— Разве могучий царевич не знает? То Великие сады, что построил Навуходоносор для своей супруги.

— Да? И зачем?

— Говорят, она тосковала по горам своей родины, господин...

— Понятно.

Он быстро потерял интерес к беседе и продолжил путь. Слуга удивленно таращился вслед, но ему было все равно.

«Только жалкий дурак возведет подобное ради женщины».

Все также неспешно преодолев площадь, он прошел через арку ворот и оказался за стенами дворца на главной улице Вавилона. Та постепенно пустела. Лучи закатного солнца отражались от кирпичных домов, придавая им рыжеватый оттенок.

— Твоему Высочеству нужны сопровождающие? — осторожно поинтересовался один из стражников.

— М, — отмахнулся он, словно от мухи, и воин поспешно умолк.

Взгляд же его медленно обводил окрестности. Остановился на северных воротах, окрашенных синей глазурью. По обе стороны от входа в город тянулись высокие стены, образуя узкий проход. Возле дороги выстроились в ряд статуи львов. Крупные, горделивые, они раскрывали пасти и обнажали клыки.

Он хмыкнул.

«А вот это мне нравится. Все, как я люблю».

Больше задерживаться не стал и неторопливо зашагал на юг по главной улице. Чем дальше он отходил от дворца, тем меньше ловил на себе почтительных взглядов. Со време-

нем встречные и вовсе перестали узнавать его, предпочитая просто обходить внушительную фигуру стороной. Видимо не все знали могучего царевича империи в лицо.

«Это и хорошо».

Вскоре двухэтажные виллы с фруктовыми садами и протекающим рядом каналом, с которого веяло прохладой, остались позади. Он остановился на перекрестке. Дорога шла дальше на юг и терялась в сумраке среди домов куда проще и беднее, чем те, что он видел до сей поры. С востока на запад же путь пересекала широкая улица, вымощенная белыми плитами. На ней спокойно могли разъехаться четыре колесницы, и еще место бы осталось. А по правую руку над всем городом величественно возвышалась Вавилонская башня — Зиккурат. Ступенчатая пирамида была столь огромна, что поражала воображение любого смертного. Верхние ярусы освещались последними лучами уходящего дня, а нижние уже тонули во тьме.

«Мне нравится здесь все больше и больше!».

Он оглядел широкую улицу. Сейчас она пустовала, лишь сильнее подчеркивая свой размер. К югу же пристальный взор заметил парочку праздно шатающихся жителей. Судя по несвязной речи, они уже неплохо захмелели. Одежды их были относительно просты — светлые рубахи до колен, опоясанные кожаными ремнями, да крепкие сандалии. Однако ухоженные бороды и чистые лица говорили о том, что перед ним все же не нищий сброд.

«То, что нужно».

Не обращая больше на них внимания, он углубился в город дальше на юг, прошел пару десятков шагов и наткнулся у обочины на открытую питейную лавку. Хмыкнул собственной догадке, толкнул дверь внутрь. В уши ударил гомон пьяных голосов, а в нос — аромат кислого пива. Некоторые посетители обернулись посмотреть на визитера, но увидев здорового воина и столкнувшись с суровым взглядом, предпочли вернуться к опорожнению кружек.

Заприметив свободные скамью и стол в дальнем углу, он прошествовал туда и аккуратно опустился. Осмотрелся.

«Лучше, чем во дворце. Большие таких ошибок я не допускаю».

Он вспомнил тех бойцов, что сопровождали его из Согдианы. Как они с изумлением тарасились на расправу с ранеными ничтожествами. И как потом лошадь несколько раз чуть не сбросила его на землю. А те недоноски смотрели на него, словно видели перед собой крокодила с крыльями. Хорошо, что додумался сам порыться в памяти этого Гауматы, получить начальные сведения и найти дорогу сюда. Не хватало вот так взять, и сразу все испортить. Однако пару лишних взглядов, полных изумления, он вынужден был на себе словить. Хорошо хоть, что эта тушка при жизни ездить верхом умела.

«А с этими недоносками надо покончить. Слишком многое видели. Рано мне еще срывать маски...».

Да, поначалу все оказалось не так легко, но он освоился. И продолжает осваиваться. Нет, больше никаких глупых ошибок. Не ради того он торчал *там* столько времени.

«И, судя по тому, что я вижу, оно того стоило».

Размышления прервал подавальщик. С растрепанной бородой, потным лицом и засаленным передником, он возник из сумрака и с заискивающим взглядом застыл перед столом.

— Чего изволит почтенный господин?

— Пива, — коротко бросил он.

— Принесу тебе лучшее, сваренное по шумерскому подобию!

Хозяин питейной лавки было засуетился, но тут же почувствовал крепкую хватку на своем запястье. Вздрыгнул и встретился взглядом с незнакомцем. В глазах воина плясали огни, которые вызвали непонятный трепет. Ноги подавальщика резко налились свинцом.

— Что за широкая дорога проходит рядом? — голос посетителя затрещал, словно рядом притаился гигантский кузнечик.

— Дорога Процессий, господин, — как в тумане, пролепетал несчастный.

— Расскажи.

— По ней проезжает колесница царя, когда он возвращается с победой, а люди воспевают песни в его честь и бросают под ноги цветы. Потом жрецы провозят статуи богов, и начинается празднество...

Неизвестный резко отпустил его. Туман рассеялся. Подавальщик вздрогнул, потерявшее запястье и с испугом покосился на посетителя.

— Неси пиво, — сухо молвил он, — если оно мне не понравится, я убью тебя.

Хозяин лавки поспешил ретироваться, однако ноги так сильно заплетались, что приходилось держаться за стену.

Он же потерял к человеку всякий интерес. Пристально осматривал помещение из своего сумрачного угла, цепляя взглядом совершенно все, до чего мог дотянуться. Ловя ароматы пшеничных лепешек, жареной рыбы и дешевого пойла.

Затем вспомнил ворота, сады, львов и башню.

«Мне нравится. Мне определенно нравится. Если они построили все это ради себе подобных... то что они смогут построить ради меня?».

Внезапно тело пробила дрожь. Он чуть скривился и откинулся назад, прислонился к стене. Прикрыл веки. Огонь во взоре стал ярче. Он словно пожирал его изнутри. Но на устах заиграла торжествующая ухмылка. Руки сжались в кулаки и так вдавили столешницу, что та чуть не треснула.

«Да... да... да! Это было просто!».

Словно чужими глазами он увидел, как некто подходит к краю крыши... чтобы по *его* воле сделать шаг...

Появившийся на пороге кухни, подавальщик чуть не выронил кувшин, когда встретился взглядом с жутким незнакомцем. Захотелось, чтоб бог Мардук немедленно ударил молнией по лавке и спалил здесь все вместе с ним, лишь бы не видеть это лицо! Но ничего подобного не случилось.

Страшный посетитель оскалился и процедил сквозь зубы утробным рыком:

— Неси пиво, жалкий смертный. Сегодня ты будешь пить со мной.

[1] Язат — божество войны и победы в иранской мифологии. Приближенный к Ахура-Мазде, его помощник и свита, его творение.

Глава 10

До носа долетел сладкий запах мирры, и Атосса медленно открыла глаза. Увидела, как отблески пламени треножника играют на желтоватом потолке и как над ней склоняются лица служанок. Бледных и перепуганных. Но когда царица приподнялась на локтях, у рабынь вырвался вздох облегчения. Позади виднелись силуэты двух дворцовых стражников с копьями. Атосса обнаружила, что лежит на собственной постели среди мягких подушек из козьих шкур. А вот Артавадрии в покоях не было...

В памяти сразу всплыли картины недавнего прошлого. Неприятный разговор и... и... и то, что она увидела...

Атосса почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Она застонала, но заставила себя сесть.

— Госпожа, тебе снова плохо? — засуетилась ближайшая служанка.

— Стража, — тихо позвала царица.

— За лекарем уже позвали, Твое Высочество, — шагнул к ложу один из воинов, — он должен явиться вот-вот.

Девушка еще раз окинула взором комнату. Уже стемнело. Зажгли факелы и треножники, а из сада доносилась трель цикад. Но она не могла приглушить гул голосов, раздававшихся с первого этажа.

— Где... где Артавадрия?

Стражник не смог скрыть удивления:

— Он покинул тебя, как только тебе стало плохо, Твое Высочество.

Воин был явно озадачен, что госпожа интересуется каким-то конником в сей момент.

— Я... я... я его не отпускала.

— Прикажешь вернуть? — страж хотел было шагнуть к выходу, но царица остановила.

— Нет, не сейчас. Позже. Сейчас, — несмотря на осуждающие взгляды служанок, Атосса свесила ноги с ложа, — сейчас сопроводи меня вниз.

Телохранитель замешкался:

— Но, Твое Высочество, лекарь будет здесь с...

— Мне... мне уже намного легче, и я... я должна спуститься вниз.

— Твое Высочество, — продолжал возражать воин, — прости меня, но мне кажется, что тебе не следует...

Он умолк, столкнувшись с решительным взором Атоссы. Царица была бледнее полумесяца на небосводе, но полна решимости. Она поднялась и в тот же миг слегка пошатнулась. Служанки поддержали ее, и через пару секунд царица вежливо, но демонстративно отстранилась, показывая всем, что способна стоять на ногах.

— Прошу сопроводить меня вниз, — четко повторила она.

Несколько мгновений страж продолжал сомневаться, но затем вздохнул и поклонился:

— Слушаюсь, Твое Высочество.

Рабыни тихо зашептались за спиной Атоссы, но ей было все равно. На слегка дрожащих ногах она направилась к двери, которую другой воин услужливо распахнул перед ней. На миг прикрыв глаза и глубоко вдохнув, царица вышла в сумрачный коридор. До ушей тут же донесся плач, периодически переходящий в рыдания. Атоссу повело, но она заставила взять себя в руки. Девушка узнала голос. Это плакала Роксана.

С учащенным дыханием и гулким биением сердца, царица начала спускаться. Стражники шли едва ли не вплотную, готовые ее подхватить. Лицо, в котором не осталось и кровинки, подсказывало, что госпожа может упасть в любой миг.

Атосса передвигалась медленно, и лестница казалась бесконечной. Одна ступенька за другой. Одна за другой... Плач бил по ушам все громче, заставляя покрываться холодной испариной. Царевна догадывалась, *что* она увидит. Не хотела видеть. Но должна была. Когда последняя ступенька осталась позади, девушка уже держалась из последних сил.

Ее взору открылся широкий зал с толстыми колоннами и красным ковром. Факелы трещали в сумраке, а свет пламени треножников играл на стенах, покрытых синей глазурью. Рельефы золотых быков завораживающе переливались в тусклом свете, но сейчас взгляд царевны был направлен не на них.

Недалеко от входа во дворец стояли люди. С лицами, искаженными страхом и скорбью, они взирали на Роксану, что распласталась на полу и обнимала тело, которое покоилось на носилках.

На дрожащих ногах Атосса шагнула вперед. Будто почувствовав чье-то присутствие, сестра подняла на нее заплаканное лицо. То же сделали и остальные. Царевна увидела Камбиза среди придворных и стражи. Тот стоял чуть поодаль. Полностью протрезвевший, бледный и перекошенный от ярости. Наследник сжимал и разжимал руки в кулаки в бессильной злобе.

На мгновение в зале воцарилась тишина, прерываемая лишь треском огня.

А затем ее взорвал истеричный крик Роксаны.

— Смотри! Смотри, что наделал твой любимый отец! Это все он! Это все он! Будь он проклят, слышишь?! **БУДЬ ОН ПРОКЛЯТ!**

Она выплевывала в Атоссу каждое слово, и те отравляли ее, подобно яду кобры. Но царевна больше ничего не слышала. Лик сестры перестал загораживать тело на носилках, и она смогла рассмотреть его. Всего лишь миг, но его хватило.

Силы окончательно покинули. Колени Атоссы подкосились, и она упала без чувств в руки подоспевшей стражи.

В эти минуты Камбиз жалел о том, что его отец еще жив, больше, чем когда-либо. И нет, не потому, что считал повинным Кира в смерти матери. А потому, что не мог отдать приказ стереть Египет со света прямо сейчас!

Подобно разъяренному льву, он мерил шагами тронный зал. Подошел к треножнику и с трудом подавил желание опрокинуть его, чуть не устроил пожар во дворце.

Отана, знатный военачальник и командир гарнизона, наблюдал за наследником со стороны из-под седых бровей. Воин закусил нижнюю губу и терпеливо выжидал, пока ярость Камбиза утихнет. Она была подобна вулкану. Стремительна и непредсказуема, но всегда быстро проходила. Нужно только переждать и не попасть под смертоносный поток.

— Подлая змея! Гадюка! — кулак наследника рассек воздух. — Это все из-за нее! Из-за нее теперь мать идет по загробному царству! Будь проклята египетская шлюха и весь ее народ!

Камбиз обернулся к военачальнику, и тот увидел искаженное яростью лицо сына Кира. Стоило невероятных усилий, чтобы сохранить самообладание. А когда царевич продолжил, Отана и вовсе напрягся, не находя выхода, как поступить дальше.

— Казнить! Казнить ее немедленно! Отрубить голову и насадить на копье! Но перед этим выколоть глаза и отрубить руки! Я пошлю их подарком в земли фараонов!

Военачальник побледнел, но ни один мускул не дрогнул на его лице. Лишь ладони, сжимавшие снятый шлем, крепче впились в холодный металл.

Будто только сейчас вспомнив, что он не один, Камбиз обернулся к Отане, ткнул в него пальцем и стал едва ли не выплевывать слова.

— Чего ты молчишь?! Тебе нечего сказать, Отана?! Или, быть может, ты тайно рад тому, что произошло?! — полные гнева глаза наследника сощурились. — А, быть может, все еще хуже? Это скрытый вызов и неповиновение мне?!

Военачальник понял, что отмолчаться не получится. Раз не удалось переждать лавину в стороне, придется пустить в ход всю изворотливость, на какую только способен, чтобы не сгореть заживо в этом огне.

— Твое Высочество, — спокойно произнес он, хотя внутри был натянут, как тетива лука, поклонился, — я всецело предан тебе, как никто другой.

— Тогда скажи, что обо всем этом думаешь ты!

Кажется, ровный тон Отаны слегка уgomонил Камбиза, но военачальник не спешил обманываться.

— Египет и наложница Нитетис, безусловно, причинили боль всем нам, — осторожно продолжил он, — и их обязательно настигнет кара. Но...

— Но что?! — наследник вновь заметался по залу.

— Наложница принадлежит твоему отцу. Великому Киру.

Отана покосился на царевича. Тот мерил быстрыми шагами ковер и не смотрел на собеседника. Чудилось, что Камбиз полностью погрузился в пучину гнева. Но это было не так. Он ловил каждое слово, срывавшееся с уст военачальника.

Чуть помедлив, Отана продолжил:

— Она принадлежит царю. Пусть царь и решает ее судьбу, Твое Высочество.

— Она его любимица! — рявкнул Камбиз и резко обернулся. — Ничего ей отец не делает! Лишь продолжит носить на руках!

— Зависит от того, как преподнести Великому печальную новость, — вновь поклонился Отана.

Наследник замер. Даже гнев на его лице сменился удивлением.

— Что ты хочешь сказать?

Не поднимая головы, военачальник ровным тоном предложил:

— Пошли к отцу гонца, Твое Высочество. Где бы ни был сейчас царь, чем бы ни занимался, он должен узнать горькую правду, — Отана услышал, как Камбиз шагнул к нему, и поспешил добавить, — но истину в письме изложи сам, — наследник замер, — ведь кому, как не тебе известна настоящая правда?

В зале воцарилась тишина. Столь резкая и полная, что Отана слышал, как она звенит в ушах. Будто дворец мгновенно опустел, и лишь огонь в треножниках вяло потрескивал в безмолвии.

Камбиз отошел на шаг назад, провел рукой по бороде. Ярость стремительно испарялась с его лица, взор становился отрешенным. Сын Кира думал, но военачальник не мог понять, о чем. Резкая перемена в наследнике пугала не меньше, чем вспышка гнева. Но Отана всеми силами не показывал свой страх. Нельзя, чтобы хищник видел, как ты его боишься. Иначе следующей жертвой станешь сам.

— И ты думаешь, что отец слушает меня? — прохрипел Камбиз. — Раньше он никогда меня не слушал.

— Он доверил тебе империю, Твое Высочество, — уверенно возразил Отана, — значит, считает тебя достойным. А разве Великий не прислушивался к советам таковых?

— А-а-а, — тихо протянул наследник, все еще отрешенно взирая в пустоту.

— Ты ничего не теряешь, Твое Высочество, — осторожно добавил военачальник, — если от царя придет плохой ответ...

Он умолк на полуслове. Взор наследника прояснился, и Камбиз вперил хищный взгляд в воина.

— Тога что?!

— Тогда ты всегда сможешь поступить на благо империи, — поклонился ниже Отана.

С секунду Камбиз сверлил глазами военачальника, и тому пришлось призвать на помощь остатки сил, дабы выдержать молчаливую пытку. Через несколько мгновений он услышал голос царевича. Дребезжащий, но более спокойный.

— Ты прав, Отана. Не будем что-то делать сгоряча. Я направлю гонца к отцу с письмом и открою ему глаза на то, какую змею он пригрел в нашем доме. И кому протягивал руку дружбы. А если он окажется слеп и глух к моим речам... я заставлю его видеть и слышать делом.

— Ты, как всегда, прав, Твое Высочество, — про себя выдыхая, молвил военачальник.

— Верно, Отана, — громко прошептал Камбиз, теперь его голос напоминал треск поленьев в огне, — я всегда прав.

— Прикажешь найти подходящего гонца?

— Только после того, как я изложу мысли в письме. И найдите мне Бардию! Почему этот дурак вечно пропадает, когда так нужен?!

— Я немедленно направлю кого-нибудь на его поиски, — тут же ухватился за возможность ретироваться Отана.

— Ступай сейчас же!

Камбиз вновь зашагал по тронному залу, но уже без явных намерений опрокинуть треножник и устроить пожар.

Военачальник поспешил покинуть общество грозного царевича. За жизнь Нитетис пока можно не волноваться. Как и за то, что в отсутствие повелителя его сын сотворит какую-нибудь глупость. Вспышка гнева прошла. Столь же стремительно, как и раньше. Отана был уверен — завтра о своих необдуманных решениях Камбиз даже не вспомнит.

Артавадрия лежал на соломенной циновке и задумчиво смотрел в потолок, скрытый сумраком ночи. Несколько факелов не хватало, чтобы полностью развеять тьму, но конник был сейчас далек от реальности, полностью погрузившись в думы. Его не заботило то, что давно минула полночь, а он все никак не мог уснуть.

После страшной беды, случившейся во дворце, воин поспешил оттуда убраться, передав на попечение стражи царевну Атоссу, которая лежала без чувств на террасе. Да, ему не хватило смелости даже коснуться ее. А после того, как округу облетела горестная весть о смерти Великой царицы, Артавадрия и вовсе решил — настал подходящий миг, дабы покинуть дом почтенных господ. Его никто не держал. Все забыли о его существовании. Конник был уверен, что и царевна Атосса тоже. Но вот их разговор не шел у воина из головы.

Вся история с лазуритовой пещерой и магом Гауматой не давала покоя. С того самого времени, как курташ осмелились напасть на них, защищая грот.

«Быть может, они оказались правы? Там что-то было, чего мы трогать не должны?».

Артавадрия тяжело вздохнул.

Нет, то, что мидийский маг стал другим сразу после битвы, не заметил бы только слепец. Как поменялась его речь, как он с трудом залез на лошадь, будто впервые увидел стремяна. И как скакуны шарахались от него, словно от стаи львов.

«Так вел себя с лошастью... будто никогда о ней не знал...».

Наверное, Гаумата просто обезумел, увидев гору драгоценностей или толпу зажавших их крестьян. А может, и то, и другое. Тогда легко объяснить случай на охоте, который не обговорил лишь ленивый. Повезло, конечно, царевичу Бардии, что он самый могучий воин империи. Так-то маг тоже был не из хилого десятка.

«Но почему так побледнела ликом царевна, когда я все выложил ей? Слухи о ее уме ходят разные. Неужели она увидела то, чего не увидел я?».

Артавадрия понял, что не сможет найти ответ на этот вопрос. Как и то, что сам вопрос не позволит ему уснуть. Да и происшествие во дворце, свидетелем которого он стал, не добавляли покоя в душу.

Оставалось одно.

«Напиться».

Чуть побряхтев, конник поднялся и, стараясь не разбудить спящих, вышел из казармы под лунный свет.

Возле входа дежурил стражник.

— Могу я выйти в город? — спросил Артавадрия.

Караульный прищурился, разглядывая воина, затем кивнул:

— Ты гость здесь, можешь идти. Но пока великий дом Ахеменид не даст приказа, не покидай Вавилон.

— Я и не собирался, — вздохнул он.

— Тогда доброй ночи, брат.

Артавадрия кивнул, покинул плац и пошел по улицам в поисках ближайшей питейной лавки.

Факелы горели далеко не везде. Огромный город погрузился во мрак, потому конник передвигался осторожно, дабы не налететь случайно на стену или острый угол. Насколько он помнил, скоро узкие улочки должны закончиться, и начнется квартал знати. Там и со светом получше, и стражи побольше, подскажут дорогу. Он вступил в очередной узкий и длинный проход. Тусклого света звезд едва хватало, чтобы обходить мусор и чью-то брошенную утварь...

Воин замер, когда выход впереди преградила чья-то тень. Он сощурился, пытаясь рассмотреть неизвестного, однако тьма была слишком густой. Ладонь непроизвольно скользнула к поясу и сжала рукоять меча.

— Кто ты? — молвил Артавадрия. — Назовись!

— То же самое хочу спросить тебя, — спокойно парировал неизвестный.

— Ты преградил мне путь.

— Как и ты — мой. И я требую ответа первым по праву старшего.

Конник с недоверием и опаской разглядывал смутную фигуру. Та выглядела крепкой и внушительной.

«Неужели он видит меня в такой темноте? Или настолько высок чином, что не боится встретить равного?».

Что-то в облике незнакомца заставило сердце биться учащенно. Воин начал нервничать, потому решил не спорить.

— Я Артавадрия. Прибыл из Согдианы и гощу по воле великодушного и благородного дома Ахеменид.

С полминуты ничего не происходило. Конник так сильно вцепился в меч, что пальцы вспотели. Он чувствовал на себе пристальный и изучающий взгляд, но до сих пор не смог рассмотреть его хозяина. Тот оставался в тени. И это повышало тревогу с каждой секундой.

Вдали пролаяла собака. Артавадрия вздрогнул, но не отступил. А когда не выдержал напряжения и готов был потребовать ответа, незнакомец внезапно освободил путь.

— Проходи. Прости за недоверие. Сам знаешь, беспокойно в городе.

Конник с облегчением выдохнул и отпустил клинок. Желание выпить вернулось с новой силой, ибо в горле пересохло. Тем не менее, он не сорвался на бег и, приближаясь к незнакомцу, даже смог нормально произнести.

— Конечно. Понимаю. Горестные вести сейчас исходят из дворца.

— Верно, — бросил незнакомец.

Артавадрия почти поравнялся с ним. Чем ближе конник подходил, тем больше фигура человека казалась ему знакомой.

— Могу ли я узнать имя благородного мужа?

Пару мгновений тот молча стоял в тени, а затем Артавадрия услышал шепот, похожий на стрекотание кузнечика.

— Зах-хак.

— Что?..

Крепкая рука сжала лицо, дробя носовую кость. Крик Артавадрии захлебнулся в собственной крови. Через секунду конник полностью погрузился во тьму, когда его голова соприкоснулась с острым углом стены.

Глава 11

Атосса очнулась, но не спешила поднимать веки. Она слышала беспокойный шепот голосов служанок и лекаря. Ощущала расслабляющий аромат мирры... но не спешила поднимать веки. Перед мысленным взором предстал образ матери, и слезы сами невольно смочили ресницы. Она не хотела возвращаться в реальность. В мир, где одним любимым человеком стало меньше. И она даже не знала причины поступка. Не знала, но догадывалась. Неужели ее беседа не убедила маму в искренней любви папы? Неужели надежда, что подарил тот разговор, оказалась напрасной? Слезы потекли сильнее, но Атосса не смахнула их. Не хотела, чтобы люди заметили ее слабость.

«Отцова любимица» — вспомнились слова матери.

«Смотри, что наделал твой любимый отец!» — резанула сознание Роксана. Словно ее крик вновь сотряс дворец наяву.

Пальцы царевны впились в подушки. Дыхание участилось.

«Учись быть сильной, — это уже зашептал в голове папа, — дочь Ахеменид должна проявлять не только радушие и учтивость, но и уметь собраться в трудный миг».

«Быть сильной... собраться в трудный миг... сильной...».

Сейчас ей не хотелось таковой быть. Искушение окунуться в океан скорби становилось все жгучее с каждым моментом после пробуждения. Но она заставила. Заставила себя всплыть на поверхность.

«Раз отцова любимица... значит не посрамлю его, и наше имя».

Атосса решительно открыла глаза. Шепот в покоях тут же прекратился. Царевна увидела, как на нее уставились несколько обеспокоенных взоров, которые многие сразу постарались отвести. Лишь лекарь, мужчина с морщинистым лицом и бородой с проседью, учтиво поклонился да вежливо произнес:

— Твое Высочество, осмелюсь просить твоего разрешения осмотреть тебя, не подвержена ли ты падучей болезнью?

Девушка резко смахнула слезы и привстала на локтях. В сумраке комнаты лица собравшихся расплывались, словно в тумане. Но она видела на них испуг и тревогу.

«Смотри, что наделал твой любимый отец!» — снова ударили слова Роксаны, будто хлыст.

Атосса вздрогнула и слегка тряхнула головой. Она после подумает об этом. Не здесь, не сейчас. Сейчас... сейчас есть дело... поважнее...

— Твое Высочество? — с легким нажимом напомнил о себе лекарь.

Царевна подняла руку в останавливающем жесте и села на ложе.

— Нет, благодарю. Я польщена твоей заботой, но здоровье подождет.

— Но... — хотел было возразить тот, однако осекся, столкнувшись с решительным взглядом девушки, — как повелишь, госпожа.

Атоссу слегка трясло, но мысли полностью прояснились, а разум быстро соображал.

— Мой брат уже отдал необходимые повеления об упокое... — на секунду ее голос дрогнул, когда она обратилась к стражнику, — Великой царицы?

Воин немного замаялся прежде, чем ответил:

— Его почтенное Высочество, наследный царевич Камбиз сейчас занят более важными делами.

Ошеломленный и пронзительный взгляд черных глаз вперился в стражника и едва не пригвоздил его к стене.

— Более... важными делами? — громко прохрипела Атосса.

Лекарь, опасаясь, что царевну хватит новый удар, незаметно приблизился к ложу. Страж же переступил с ноги на ногу и отвел глаза.

— Какими... более важными делами?! — тон девушки задрезжал.

— Его Высочество ищет своего брата и составляет письмо вашему отцу, госпожа, — не глядя на нее, пробормотал воин.

Царевна побледнела, словно лик луны на небосводе. Лекарь уже хотел рвануть к ней, но Атосса вновь решительно остановила его и поднялась с постели. Чуть пошатнулась, однако через миг, несмотря на бледность, уверенно стояла на ногах.

«Занимается более важными делами... ищет брата и составляет письмо отцу».

К скорби и горечи прибавился гнев, распалая внутренние чувства в невыносимый букет. Букет с острыми шипами, который рвал царевну изнутри.

«Будь сильной».

Атосса медленно вдохнула и выдохнула. Сейчас не время думать о сумасбродстве Камбиза. Раз никто не соизволил обеспокоиться об усопшей, она сделает это сама! Все вопросы же решит потом.

— Весь Вавилон должен проститься с Великой царицей Ахеменид, — глухо, но четко молвила царевна, ни к кому напрямую не обращаясь, — все должны отдать ей почести, которые она заслуживает. Пусть приготовления начнутся немедленно. Я повелеваю, чтобы они были осуществлены не позднее третьего дня.

Воин поклонился, не сказав ни слова. Перечить дочери Кира не было и в мыслях. Тем более ее желания не шли в разрез с приказами Камбиза.

— Отправьте посланника в Пасаргады, — продолжала Атосса, — пусть для царицы Кассанданы подготовят лучшую гробницу. Она должна обрести вечный покой.

— Все исполним незамедлительно, госпожа! — заверил воин.

Царевна будто не слышала его. Ни на кого не смотря, только перед собой, она решительно направилась к выходу, и стражник едва успел распахнуть перед ней двери.

Он неспешно продвигался по городу, что озарялся лучами рассвета. Утренняя прохлада скоро отступит, и воздух раскалится жгучим солнцем. Так ему рассказывал подавальщик, но на мелкие взгляды людей о погоде ему было плевать. Единственное, знания о том, как жители переживают полуденный зной в тени своих домов, могли иметь ценность. Значит в это время на улицах меньше народа. Как и ночью. Да, он многое почерпнул из беседы с тем жалким отребьем. А оно так тряслось от страха, что даже не понадобилось залезать ему в голову, дабы почистить память. Насекомое само ничего не вспомнит.

О, да, так приятно ощущать силу, которая возвращается к тебе. Вот бы ускорить ее полное восстановление.

Он в нетерпении поджал губы и немного ускорил шаг.

«Я уже кое-что могу, хоть и не многое. Но этого пока достаточно. Теперь я буду острожен. Нет, меня уже не заставит совершить ошибок прошлого».

Однако он знал — дальше станет сложнее. И тем слаще добыча, сверкающая в конце пути, словно солнце над вершиной той башни, что сейчас виднеется по левую руку. И солнцем для этого мира — будет лишь он! И никто не посмеет поглотить его!

Картины прошлого исказили лицо в страшную гримасу. Могучие ладони сжались в кулаки. Но он быстро потушил гнев, когда вышел на более людную улицу. Мимо проходившие жители уже видели невозмутимую маску на лице крупного воина. А встречаясь с холодным взглядом карих глаз, спешно отводили свои.

«Я учел ошибки прошлого. Как раньше уже не будет».

И ошибки недавнего прошлого тоже. Поэтому, узнав все, что требовалось, он покинул питейную лавку и отправился в сторону казарм. Конник, что прибыл с ним из Согдианы, сам угодил в руки.

«Несчастный, — с наигранной скорбью подумал он, — так напился шумерского пойла, что не заметил мусор, споткнулся и разбил голову о стену».

Остатки пива, прихваченного с собой, пришлось как нельзя кстати. Теперь от трупа смердит, словно от пропитого дерьма.

Найти же двух других не составило труда. Его вел запах. Нюх резко усилился после того, как слабая аурой шагнула с края крыши.

«Жаль, что остальные будут сильнее ее. Но тем увлекательней игра».

Они оказались еще слабее. Жалкие ничтожества. Перестали дышать во сне, так никому ничего не рассказав. И уже не расскажут никогда.

Его тошнило от благородства. Но если люди сами облегчают ему жизнь своими глупостями — тем лучше.

Гримаса отвращения едва не исказила его лицо, но он вновь умело сдержался.

Как хорошо, что караульный у входа в казармы оказался не менее слаб, чем остальные. Глубокая ночь сморила стража в самый подходящий миг. Сморила не без *его* помощи.

Но дальше будет лишь сложнее. Он уже успел вкусить их ауры. Правящего дома. Нет, ошибок прошлого он не совершит. Не станет полагаться лишь на силу. Наследный царевич, полный гордыни и жажды власти — вот та дверь, что откроет ему путь к цели. Дверь, так похожая на него самого.

Он миновал перекресток на Дороге Процессий. Скоро вновь покажутся сады знати, а за ними — царский дворец. Все чаще до слуха доносятся возбужденные голоса, громким шепотом обсуждающие произошедшее. Страшная весть разлетается по городу быстрее песчаной бури. И это хорошо. В суматохе и объятиях скорби никому не станет дела до убиенных воинов в ночи.

Он украдкой поглядывал на прохожих. Мужчин в богатых одеждах. Прекрасных женщин в фиолетовых одеяниях и с золотыми серьгами в ушах. Все они из уст в уста передавали случившееся, а на лицах их застыли маски печали и сочувствия. Но он видел. Видел, что это лицемерие. Пройдет немного времени, и все забудут поступок слабой духом. Ведь для каждого из них нет ничего важнее собственной шкуры.

Пристальный взгляд окинул идущую навстречу девушку в облегающем одеянии цвета глазури. Ее нарумяненные щеки, подведенные глаза и золотой браслет в виде змеи на нежном запястье. Металл призывно искрился в лучах восходящего солнца.

«Для них нет ничего важнее собственной шкуры... красивой шкуры...».

В голове промелькнули нехорошие воспоминания. Как одна «красивая шкура» посмела бросить ему вызов.

«На этот раз все будет иначе. Я получу любую, какую захочу. И меня не остановят ни шкуры... ни змеи».

Цокот копыт по мостовой вывел его из задумчивости. Люди спешно расступались и прижимались к обочинам, давая всадникам дорогу. Девушка с золотым браслетом испуганно охнула и отшатнулась, когда конники проскакали мимо нее и резко затормозили перед ним. Их было четверо. Встревоженные и взмыленные, как и скакуны.

Он окинул воинов холодным, равнодушным взглядом и услышал сбивчивый тон одного из прибывших.

— Твое Высочество... царевич Бардия. Его Высочество, наследный царевич Камбиз, приказал разыскать тебя и немедленно доставить во дворец. Случилось... случилось страшное несчастье.

Он чуть было не сказал *«я знаю»*, но вовремя одернул себя и напустил удивленное выражение.

— Несчастье? Какое?

— До тебя... до тебя еще не дошли слухи, господин?

— Я не верю слухам и не питаю к ним любви, — сухо отрезал он, — говори, что произошло, и не трать мое время.

Всадник выждал паузу, собираясь духом, и выдал:

— Царевич... господин... твоя мать... ушла к богам сегодня ночью.

Он резко побледнел, но ответил также четко и беспристрастно:

— Я немедленно возвращаюсь во дворец.

— Мы дадим тебе коня, царевич!

Он пристально взглянул в глаза животного и увидел в них нарастающий ужас. К сожалению, сил его еще было недостаточно...

«Осторожность. Мне нужна осторожность».

— Я пойду сам. Здесь недалеко, а вы — не тратьте время и скажите брату, что я буду уже скоро.

Конники переглянулись, но возражать не рискнули. Через секунду они уже развернули лошадей и под громкий стук копыт устремились обратно.

Не успели они отдалиться на десяток шагов, как он спешно двинулся следом, чувствуя возбуждение, что стремительно растекается по телу.

Ступая по сумрачным коридорам дворца, он всем существом ощущал тягучее безмолвие. Громкие шаги гулко отдавались от глиняных стен, свет от пламени треножников играл тусклыми бликами. Все вокруг будто исчезло, а стражники проглотили языки. Лишь изредка из глубин дома Ахеменид доносился приглушенный плач.

И ему стоило усилий, дабы не расплыться в улыбке наслаждения, когда аура печали и страданий впитывалась в кровь.

Двери в тронный зал были распахнуты. Догадка, что, скорее всего, Камбиз там, оказалась верной. Наследник сидел с закрытыми глазами, вцепившись в подлокотники, и как будто дремал. Однако заслышав шаги, поднял веки, и он увидел, что разум Камбиза совершенно ясен.

— Где тебя отродья хаоса носили? — сухо и с презрением вместо приветствия бросил он.

— Вышел в город, чтобы проветрить голову, — сдержанно ответил Бардия, остановившись на полпути, — не знал что... что такое случится...

— Ну, как? — наследник подался вперед и, сощурившись, вперился в брата. — Проветрил?!

Тот не ответил. Только помрачнел и уставился на красный ковер.

— Нашел время среди пьяниц разгуливать!

— Я не знал, что такое случится, — лишь повторил Бардия.

Камбиз откинулся назад и взмахнул рукой, словно отгоняя муху:

— Впредь сообщай, куда идешь и зачем, понял?

— Как скажешь, брат, — услышал он тихий, но четкий ответ, и гнев немного отпустил.

— Хорошо. Несмотря на то, что нам всем сейчас тяжело, мы должны вести себя, как подобает. Позаботиться о делах империи. Ее будущем.

Бардия поднял на наследника взгляд и осторожно спросил:

— Ты о погребении матушки?

— Я сказал, позаботиться о будущем империи, — холодно повторил Камбиз, — мать — уже прошлое.

Царевичу пришлось сделать над собой усилие, дабы не оскалиться.

«Как же хорошо... он уже подпадает под мое влияние. Прекрасное... прекрасное орудие, так похожее на меня!».

— И что ты намерен делать, брат?

Пальцы Камбиза начали выбивать нетерпеливую дробь по позолоте подлокотника:

— Я собираюсь составить письмо отцу и изложить все, как есть. Пусть знает, до чего довела его любовь к Египту!

— Мудрое решение.

Наследник окинул царевича высокомерным взглядом:

— Других я не принимаю. И давно принял бы и это, если бы проклятый писец не задерживался! Посажу его на кол!

Рука, выбивавшая дробь, сжалась в кулак и саданула по трону.

— Напиши его сам, — предложил Бардия.

Камбиз перевел взгляд, полный гнева и презрения, на него:

— Ты что, издеваться надо мной удумал?! Не протрезвел еще после ночной пьянки?!

— Прости, брат, — вновь поклонился царевич, — я не хотел оскорбить.

— Тогда как понимать твои мерзкие намеки? — прошипел тот в ответ. — Ты прекрасно знаешь, что я не владею письмом. Да и не моя задача выводить крючки на табличке! Для этого есть писец! Решил сравнить меня с ничтожеством?!

Мимолетная вспышка промелькнула в глазах Бардии. Стремительная, и Камбиз ее не заметил. Слишком занят был собственной персоной. Но вот царевич многое для себя уяснил. Что не стоит принимать на веру слова каждого из людей, и не каждому известны слухи обо всех. Даже если человек — хозяин питейной лавки.

Извиняющая улыбка тронула губы Бардии, она заставила наследника чуть растеряться, но гнева его не поубавила.

— Тебе еще смешно?! Совсем забываешься, перед кем стоишь?! Не заставляй меня жалеть о том, что Гаумата не прирезал тебя!

— Ты не так меня понял, брат, — вежливо и спешно начал царевич, — когда я сказал, чтобы ты сам написал письмо, я имел в виду, чтобы в нем были только твои слова. Только правда. Ведь ее знаешь только ты.

Несколько секунд Камбиз сверлил Бардию взглядом, а затем внезапно разразился хохотом. Хриплый смех эхом отдавался от колонн тронного зала. Царевич же и бровью не повел. Лишь продолжал вяло улыбаться и следить за братом.

«Совершенное... совершенное орудие».

— Ты не первый, кто мне это предлагает, — унявшись, ответил Камбиз, — Отана посоветовал сделать то же самое. Поведать отцу истину, а не слвдку сказку, которую он возжелает услышать.

— Думаю, надо пойти дальше, — Бардия сделал шаг к трону.

— Дальше? — хмыкнул наследник, его глаза возбужденно заблестели. — О чем ты говоришь?

— Надо намекнуть отцу, что в смерти матушки виновата не только его любовь к Египту, — царевич выждал паузу, и Камбиз нетерпеливо заерзал, — но и он сам.

Наследник резко подался вперед, так вцепившись в трон, что костяшки пальцев побелели. Сейчас он напоминал коршуна, готового стремительно спикировать на свою добычу.

— Повтори!

Улыбка Бардии померкла. Вновь в глазах вспыхнул огонь, и на этот раз царевич не пытался его скрыть.

— Пусть поймет, что во всех бедах, свалившихся на нас, виноват только он один. Его нерешительность и слабость. Пусть знает, что смерть матушки на его совести. Из-за его поступков. И что мы *все*, — на последнем слове он сделал ударение, — считаем так.

— А-а-а, — громко прошептал Камбиз, поднимаясь, — ты прав. Так и нужно поступить. Быть может, эти слова откроют отцу глаза на истину! — он перевел возбужденный взор на Бардию. — Ты полон хороших мыслей, брат. Когда я стану царем хочу, чтобы ты служил моим близким советником. Не всегда повезет встретить подле верного и умного человека. Надо было раньше на тебя покушение устроить, чтобы просветлился!

— Мне уже можно не ехать в Согдиану? — улыбнулся в ответ тот.

Наследник отмахнулся:

— Не до мелких поручений сейчас. Надо разобраться с тем, что свалилось на наши плечи. А потом пошлем за лазуритом кого-нибудь еще. Нечего тебе в глуши делать, должен быть всюду подле меня, понял?

— Как скажешь, брат.

Камбиз вновь посмотрел на него. Взгляд наследника стал колючим и холодным.

— И впредь предупреждай, когда снова решишь проветрить голову. Быть может, в тот миг она нужна будет мне.

Бардия ничего не ответил. Лишь склонился, скрывая торжествующий огонь в глазах. Вскоре рев Камбиза потряс тронный зал.

— Где этот проклятый писец?!

Глава 12

Когда солнце достигло зенита, и тени почти исчезли, Вавилон погрузился в мертвую тишину. Не было ни шепота, ни плача, ни стога. Только ветер хлопал плащами и полами одежд. Горячий воздух летел с юго-запада, принося песок и дыхание пустыни. Оно иссушало слезы на щеках Роксаны, но те через минуту выступали вновь. Юная царевна не сводила заплаканных глаз с тела, что лежало на алтаре из гладкого камня. Бледное, как мрамор. Но до боли знакомое. И эта боль грызла изнутри, подобно голодной гиене. Девушка дрожала, несмотря на обжигающие порывы и яркое солнце. Ее черная коса колебалась в такт движениям воздуха. Ветер сносил запахи в сторону, однако до носа все равно долетали остатки приятных ароматов бальзамирующих масел. Но их сладость лишь усиливала горечь на душе.

Жрецы закончили последние приготовления и вознесли молитвы богам. Не только Ахура-Мазде, но и тем, что испокон веков чтили в столице меж двух рек. Кир всегда терпимо относился к вере покоренных народов. Да и можно ли считать их покоренными? После прихода персов Вавилон сбросил наконец ненавистное правление Набонида.

Мысли Роксаны напоминали море первозданного хаоса. Разум стремился отвлечься хоть на что-то, но реальность с телом на алтаре безжалостно возвращала обратно.

Скоро ее уже не будет здесь. Кассандану положат в специально подготовленный саркофаг, украшенный узорами нарциссов. Узорами ее любимых цветов. И мама отправится в последний путь, в Пасаргады. Отец не увидит этого. Никто не увидит маму больше никогда...

Слезы вновь хлынули по щекам, но Роксана не позволила себе разрыдаться вслух. Весь город погрузился в безмолвие, и она не хотела его нарушать.

Камбиз стоял по левую руку от сестры, с невозмутимым лицом. Внешне спокойный, наследник вынашивал будущие планы мести и расправы. Рано или поздно, но трон империи перейдет к нему. И тогда ничто не остановит персидскую длань отмщения. Египет падет. Он сравнивает его с землей и надругается над тамошним царьком, возомнившим себя богом. Бог здесь только один! И он не страдает той жалкой слабостью, так свойственной его отцу, Киру Великому, покорителю земель.

«Киру Милосердному... тьфу! Меня тошнит от одного только слова! Вот куда привело твое милосердие!».

Однако ничего. Письмо отцу уже составлено и передано самому скорому посланнику, а ему — вручены самые быстрые лошади, какие только есть, и приказ менять скакунов так часто, как того потребует. Гонец достигнет границ уже через несколько дней, и останется лишь отыскать войско в пригирканских[1] степях.

«Печально, что я не увижу твоего лица, когда ты получишь скорбную весть, отец. Не увижу, как на тебя нисходит озарение. Что ты был не прав и слеп с самого начала! С того мига, как протянул руку египетской змее! С мига, как усомнился во мне...».

Ярость, нетерпение и торжество. Все это вперемешку клокотало внутри Камбиза, затмевая горечь утраты. Наследник будто совсем позабыл о погибшей матери, полностью погрузившись в мечтания о будущем. Однако сдерживал проявление чувств. Его лик оставался каменным. Сейчас не время и не место, чтобы показывать их.

И только Бардия, стоявший у края первого яруса зиккурата, прекрасно видел, что происходит за невозмутимой маской Камбиза. Видел и получал от этого неопишное удовольствие. Даже сильнее того, что могли вызвать слезы Роксаны. Но взгляд царевича не останавливался на лицах Ахеменид. Он цепко скользил по всему городу и многочисленной толпе, собравшейся у подножия вавилонской башни и дальше, за воротами храма. Как люди в пестрых и разнообразных одеждах запрудили всю улицу и дорогу Процессий. Они молчали, покорно присоединяясь к общей церемонии скорби.

«Прелестно... просто прелестно... если смерть способна вызывать у них такое преклонение, разве я смею не дать ее им? Я дам... много. Так много, сколько потребуется. И тогда они уже будут преклонять колени не перед ней. А передо мной!».

Пристальный взор обвел великий город и вернулся к созерцанию собравшихся на первом ярусе башни.

Камбиз и не подозревал, что его внутренние желания подпитываются *его*аурой. *Его*близостью.

«Властолюбивый наследник... мы так с тобой похожи, так близки. Тебя лишь нужно немного подтолкнуть. И ты все сделаешь сам».

Помочь составить правильное письмо не стоило труда. Камбиз сам желал подобного. Только не догадывался об истинных намерениях Бардии. Того, кто скрывается под ликом брата.

«Но ему и не надо этого знать. Такое совершенное орудие... само идет мне в руки».

И оно нанесло свой первый удар. Оставалось только ждать. Ждать, когда гонец доставит послание царю Ахеменид. И тогда будет ясно — достиг ли удар цели?

Взгляд карих глаз сместился на Роксану. Теперь он видел царевну насквозь. Видел ее чувственную, презренную натуру. Ее слабость. Все они слабы, но Роксана — в особенности. *Он*видит все, что творится у нее внутри. Ее время придет. Не сейчас. Скоро.

Взор переместился дальше и остановился на Атоссе. Старшая дочь Кира была бледна, как камень, на котором покоилась ее мать, но сохраняла ясность ума и присутствие духа. Сейчас она, а не Камбиз, выглядела человеком, решающим все важные дела.

«Ее аура слишком сильна. Немногим слабее Кира. Я не могу пока посмотреть в ее душу».

Их взгляды встретились. Бардия успел нацепить на себя маску печали и скорби, но странный огонь, вспыхнувший в очах царевны, ему не понравился. Он медленно отвернулся и устался на тело Кассанданы.

«Она умна. Очень умна. И девственно чиста. Тем интереснее будет игра. Тем слаще будет обладание».

Бардия прекратил созерцание окружи, полностью погрузившись в хмурые думы и горе. Однако еще несколько мгновений ощущал на себе подозрительный взгляд старшей дочери Кира.

Каким бы тяжелым ни оказалось бремя, Атосса стойко переносила его. В точности, как учил отец. Она больше не падала в обморок. Ни когда тело мамы передали в храм на бальзамирование, ни когда пришла весть о том, что все готово к церемонии, и саркофаг скоро станет последним пристанищем родной души перед уходом в Пасаргады. Ни сейчас... Хотя лекарь явно опасался, что потрясения сделали Атоссу склонной к падучей. Нет. Она чувствовала силы. Несмотря на горе и пустоту внутри, царевна смогла собраться и сделать все, как полагается, пока Камбиз и Бардия занимались «более важными делами».

Она вновь посмотрела на братьев. Первый скрывал чувства за непроницаемой маской. Второй отвел глаза. Что-то кольнуло у Атоссы под сердцем. Осторожно, дабы не шуметь и не нарушать скорбного молчания, она отошла от алтаря и приблизилась к одному из стражников. Тот почтительно склонился, и Атосса прошептала ему на ухо.

— Я бы желала побеседовать с тем конником снова.

— Артавадрией, госпожа? — уточнил тот, также шепотом.

— Правильно, с ним. Наша прошлая встреча прервалась... — ее голос дрогнул, девушка запнулась на мгновение, — и я не успела узнать все, что необходимо. Прошу, отправь за ним кого-нибудь, когда мы достойно проводим Великую царицу.

— Прости, госпожа, — поклонился воин, — но Артавадрия не сможет ничего рассказать тебе. Он мертв.

Царевна резко выпрямилась и расширенными глазами воззрилась на стража. Тот не поднял головы, но почувствовал ее напряжение.

— Когда и как это произошло?

— В ту же ночь, после страшного несчастья, Твое Высочество. Артавадрия возвращался из питейной лавки. Видимо, сильно перепил, не видел, куда шел, споткнулся и разбил себе голову об угол дома.

Полностью ошеломленная, царевна быстро проговорила:

— Почему вы решили, что он был неумен в питье той ночью?

— От него пахло дешевым шумерским, отвратное пиво, — страж еще ниже поклонился, — прости, госпожа.

Атосса прикрыла веки, сжала ладони в кулаки так, что ногти впились в нежную кожу. Порыв жаркого ветра растрепал черные волосы.

— Тогда я прошу привести ко мне тех, кто приехал из Согдианы вместе с ним.

Воин замялся, не зная, как продолжить неприятный разговор. Царевна, устав ждать, открыла глаза и посмотрела на стражника.

— Не молчи! — громко прошептала она. — Скажи правду, какой бы та ни была!

Он вздохнул:

— Они умерли, Твое Высочество. Той же ночью. Боги забрали их во сне.

— Их убили?

— Нет, госпожа. Да никто бы и не посмел поднять оружие на почетных гостей. Они просто перестали дышать во сне. Хотя казались крепкими мужами. Но такое бывает иногда. Я сам видел, как крепкие бойцы внезапно падают замертво под жарким солнцем. На все воля богов, — он помолчал немного, но потом добавил тише, — или происков злых духов. Может, навлекли на себя их гнев?

Атосса уже почти не слушала. Она произвольно обернулась и покосилась на Бардию. Брат стоял по левую руку от Камбиза и с хмурым видом взирал на алтарь. Со стороны царевич выглядел как обычно. Но минувший разговор Атоссы с конником не прошел для первой бесследно. Девушка чувствовала, что что-то происходит. Происходит буквально рядом с ней. Но не могла объяснить что и добраться до истины. Артавадрия был ключом, который откроет потаенный замок. Теперь же он сломан, как и все «отмычки». Сломан в самый неподходящий момент.

«Происки злых духов... происки злых духов... неужели тот конник, Артавадрия, мог оказаться прав? Что-то произошло в той пещере на востоке... но как такое возможно? И могли брат...».

Она даже додумать мысль не посмела. Царевна продолжала буравить Бардию взглядом, пока тот, словно ощутив чье-то присутствие, не повернул голову, и Атосса спешно отвернулась к стражнику.

— Вы уверены... что это не убийство?

Брови воина едва не взмыли вверх, однако он вовремя сдержался и отвесил поклон:

— Уверены, госпожа. В дом воинов никто не входил, иначе караульный заметил. Внутри же не было ни следов борьбы, ни ран на телах. Их нашли в тех же позах, в которых они уснули.

— А..., а конник Артавадрия?

— Он напился, Твое Высочество, — терпеливо повторил, словно глупому ребенку, стражник, — споткнулся и налетел на острый угол. Будь это убийство, Артавадрия не позволил бы нанести себе увечья без борьбы. А ее следов мы не нашли.

— Если только он не ожидал нападения... — почти беззвучно прошептала Атосса.

— Госпожа?

— Благодарю. Это все, что я хотела узнать.

— Не за что, госпожа, — чуть оторопело молвил страж, но царевна уже не слушала.

Она тихо вернулась к алтарю и встала недалеко от Роксаны. Мысли плавно возвращались в настоящее, к заботам о похоронах и тому, как следует поступить дальше. Но червь сомнений стал сильнее глотать ее изнутри. Разум царевны отказывался верить в случайности. То, что Артавадрия и его спутники умерли в тот же вечер после беседы с ней — не совпадение. На последнее можно было бы списать одну смерть. Но не три.

Атосса поймала себя на том, что снова хочет посмотреть на Бардию, но не стала этого делать. Брат изменился. Он как будто стал...

«Чужим».

И если вспомнить то, о чем поведал конник...

Нет, нельзя смотреть на него. Нельзя показывать свое недоверие!

Царевна ощущала угрозу, но не могла понять ее сути. И от того становилось лишь страшнее. Слабая дрожь пробежала по телу.

«Что с ним произошло? Это он убил их всех? И если да, то... как?! Зачем? Что ему нужно? Или мне все это только кажется?!».

Девушка закрыла глаза. Со стороны могло почудиться, что ей плохо от горя. Отчасти так и было. Но царевна думала. Она искала ответы. Но не находила.

Конная армия приближалась к ним по степи, словно огромная волна. Стремительно и неумолимо. А стрелы, пущенные на полном скаку, неслись еще быстрее, с жутким свистом прорезая воздух и впиваясь в броню. Многие попадали в цель, ибо во владении луком кочевникам мало равных в мире. Но Кир предугадал ход врага и выставил в первых рядах пеших стрелков, обеспечив себе численное превосходство. Рустам наблюдал, как обе стороны обильно поливают друг друга вестниками смерти. Как падают вражеские всадники и лошади, выбиваются из строя собственные бойцы. Но противник нес большие потери.

Воин крепко сжимал меч и сгорал от нетерпения, когда же царь прикажет вступить в схватку основным силам, дабы покончить с ненавистным врагом, посмевающим топтать земли империи!

«Столько дней гонялись за ними, как за ветром в поле, и вот, наконец, прижали полевке хвост!».

Внутри все клокотало от гнева. Так хотелось немедленно обрушить клинок на головы массагетов!

Стрелы продолжали свистеть, смешиваясь с топотом копыт. Одна из них пролетела дальше и впилась в щит всадника неподалеку, тот вовремя успел поднять его. Выбило мелкие щепки. Лошадь под Рустамом фыркнула и переступила с ноги на ногу.

«Не время. Еще не время. Надо подождать, пока они окончательно приблизятся, и вот тогда — окружить! Все просто».

Рустаму все действительно казалось просто. С того момента, как Великий Кир дал согласие, с души словно свалился огромный валун, а прочие трудности уже не выглядели тяжелыми и непреодолимыми. Воин чувствовал, что готов в одиночку остановить надвигающуюся волну врага, дай только боги такую возможность.

«Еще... еще... давайте ближе! И большие вы не сможете трусливо бежать от нас. Либо умрете от наших стрел и мечей, либо утонете в Вахи[2]!».

Он не думал о тех, кто может сдаться в плен. О благородстве и милосердии, что пытался насаждать повелитель. В том, чтобы щадить ненавистных врагов, нет никакого благородства. Лишь прямой приказ не давал Рустаму сорваться в бой прямо сейчас.

«Ждем... ждем...».

Внезапно приближавшиеся всадники массагетов стали расступаться.

«Что, бегут уже, трусливые мыши? Иного и не ждешь от кочевников, столкнувшихся с мощью...».

Воин осекся, когда осознал — враг не обратился в бегство. Он дал дорогу... тяжелой кавалерии, что все это время скрывалась позади. Всадники в плотных доспехах и с длинными копьями. Лошади покрыты чешуйчатой броней, ослепительно сверкавшей на жарком солнце. И среди них, прямо в центре, выделялся конник в бронзовом шлеме. А металлические пластинки его скакуна были из золота... Вся эта армада неслась прямо на них, готовая втоптать персидских стрелков в пыль.

— Быстро назад! — взревел Рустам, взмахнув мечом.

Лучники незамедлительно начали отступать, пытаясь пробиться через ряды собственной пехоты. Линии смешались, не давая времени бойцам подготовиться к обороне. С оглушительным грохотом тяжелая конница протаранила персидских бойцов, но Рустам этого уже не видел. Немедленно приказав конным лучникам обогнуть позиции и вступить в бой с вражескими стрелками, он возглавил атаку собственных всадников, зайдя сражающимся с обоих флангов. Для полного окружения времени не хватало, массагеты могли в любой миг прорвать линию войска. В бок и спины персам летели стрелы, обильно пускаемые вражескими лучниками. Десятки конников пали еще до того, как вступили в схватку с тяжелой конницей. Одна стрела угодила прямо в шею бойцу, находившемуся рядом с Рустамом. Брызнула кровь, но он ее не заметил. Не почувствовал. Взгляд был прикован к противнику в бронзовом шлеме. Тот отбросил, ставшее ненужным, копье и ловко орудовал небольшим мечом. Конь в золотой броне гарцевал под ним, умело перешагивая через тела и разя копытами тех, кто осмеливался подойти.

«Он мой, мой!».

Ливень стрел прекратился. Кажется, персидским лучникам удалось отвлечь внимание на себя. Рустам слегка выдохнул.

Взмахнул клинком. Сверкнуло лезвие, лязгнул металл. Несколько ударов не достигли цели, ответный он отбил, потом сумел достать одного из массагетов, проткнув того под сердцем. Со стоном враг вывалился из седла, тщетно зажимая рану в груди. По светлой рубахе потекли алые ручьи. Рустам же рвался вперед. Снискать еще большую славу. Заслужить еще большую любовь своего царя в этот миг жизни — что могло быть лучше?

Будто читая его мысли, всадники противника кидались наперерез, преграждая путь к бойцу в богатых доспехах. Еще двое выпали из седел, пронзенные клинком. После короткого боя рухнул третий с перерезанным горлом. Дорога к врагу оказалась открыта и, словно почувствовав, тот обернулся. Взор, полный угара битвы, встретился со взглядом Рустама. Массагет взмахнул клинком, разрезая голову ближайшего перса. Лошадь в золотой броне встала на дыбы, а затем обрушила копыта на еще одного. Хруст костей потонул в хаосе схватки.

Он пошел на него.

[1] Гирканское море — Каспийское море.

[2] Вахш — Амударья.

Глава 13

Рустам одной рукой увел коня в сторону, второй поднял меч, и это спасло ему жизнь. Лязг вдарил по ушам сильнее грохота опрокинутых колесниц. Массaget что-то крикнул, но перс не разобрал. Лишь уловил яростный тон. Да, он сам желал изрубить врага на куски. Гнев клокотал в нем, подобно кипящей воде на углях.

Несмотря на тесноту и давку, лошадь в броне ловко развернулась, сбив с ног пару бойцов и втоптал их в землю. Конь же под Рустамом споткнулся, наступив на чьи-то тела. Это увидел массaget и вновь ринулся вперед. Снова скрестились клинки. Теперь несколько раз. Отбив два удара, Рустам попытался достать соперника, но тот ловко уклонился. Миг — и уже персу снова пришлось отбивать яростные атаки.

Массaget предпочитал рубить, будто вознамерился быстро снести сопернику голову. В какой-то момент он оказался по правую руку от Рустама. Кочевнику стало труднее наносить удары, а персу — легче их отражать. Но это будто не мешало всаднику в броне. Его атаки оставались не менее яростными и сыпались одна за другой. Рустаму с трудом хватало времени, чтобы их отбивать. Увернуться он уже не успевал. Меч вибрировал в ладони после каждого удара, а звон сотрясал голову. На секунду даже почудилось, что оружие сейчас не выдержит и сломается пополам. Но металл оказался крепким. В конце концов, Рустаму удалось заставить лошадь отступить, и атаки противника перестали его доставать.

Пот каскадом стекал по лицу кочевника, смешиваясь с каплями крови. Он зарычал, тронул лошадь и вновь проатаковал, но на сей раз перс выбрал позицию поудобнее и теперь мог не только отражать удары, но и наносить свои.

Несколько взаимных выпадов. Ни один не достиг цели. Тогда массaget чуть развернулся в седле и кольнул Рустама в живот. Тот собрался отразить выпад, но в последний момент клинок врага резко сменил направление и попытался достать шею. Лишь чудом перс успел увернуться. Подставил лезвие для блока новой атаки. Лязг. А следующая, мощнейшая из всех, со звоном выбила меч из руки. Клинок сверкнул в лучах солнца и скрылся в месиве из крови и тел. Глаза соперников встретились. Рустам увидел в зрачках массagета ликование вперемешку с торжеством, когда он начал замахиваться для решающего удара.

Что-то со свистом разрезало воздух прямо между ними. Затем еще и еще. Лишь секунду спустя Рустам сообразил — это стрелы. Кто-то пускает их сражающимся в спины! Массaget удивленно обернулся, и в этот миг перс привстал в седле и кинулся на него. Со всей силы толкнул в грудь и выбил с лошади, кубарем полетев следом. Тела убитых смягчили падение. Тряхнув головой, Рустам сдул волосы, упавшие на глаза и катнулся вбок, чудом увернувшись от копыт скакуна в золотой броне. Вскочил, едва сохранив равновесие, и увидел врага. Массaget был рядом и атаковал кулаком в висок. Рустам перехватил руку и ударил в ответ — прямо в незащищенный шлемом нос. Брызнула кровь, противник застонал, но не растерялся и нанес несколько сильных ударов свободным кулаком в живот. Вот теперь из Рустама выбило весь дух. Он жадно хватанул воздух ртом и отпустил противника. Тот даже не обратил внимания на разбитое лицо и текущую кровь. Ринулся в бой без промедления. Рустам отбил мощный удар ладонями и смог наконец перевести дыхание. Следующую атаку парировал уверенней. Спустя минуту понял, что враг бьет примерно так же, как орудовал мечом, полагаясь больше на силу. Потому не стал отбивать очередной предсказуемый удар, а поднырнул под кулаком и со всего размаха заехал по шлему массagета. Кожа с костяшек слезла, боль пронзила кости. Но звон, который не заглушил и хаос битвы, стал усладой для ушей. Однако мощный толчок в грудь отбросил Рустама в сторону. Массaget же, явно дезориентированный, снял шлем, оголяя короткую и волнистую шевелюру, тряхнул головой.

Звуки боя продолжали литься отовсюду, хоть свиста стрел больше не было. Рустам искал глазами меч. Не нашел. Повсюду валялись трупы. Из некоторых торчали копья и стрелы. Чуть пошатываясь, перс вытащил из тела мертвеца осколок копья.

«Лучше, чем совсем ничего».

Повернулся к массагету, который уже пришел в себя, и в этот миг услышал злобное ржание позади.

«Проклятие!».

Он совсем забыл об этом!

Рустам отскочил, пытаясь удержать в поле зрения обоих, и замер.

Почти все массагеты оказались перебиты и лежали ничком с пронзенными спинами. У некоторых меж лопаток торчало по несколько стрел. Конь в золотой броне истошно ржал и пытался достать персов копытами, но тем уже почти удалось пленить строптивое животное. Только теперь Рустам осознал, что произошло. Конным лучникам Кира удалось одолеть стрелков врага, а затем они ударили в тыл тяжелой кавалерии массагетов. Бой окончен.

«Победа! Еще одна победа!».

Счастливая улыбка тронула губы, однако через миг она испарилась. Рустам крепче сжал осколок копья и обернулся к противнику, готовый отразить любую атаку. Но тот, похоже, сам осознал бессмысленность дальнейшей схватки. Лишь стоял среди тел, злобно сверкая глазами, и наблюдал торжество персидского войска.

— Ты сдаешься? — хрипло и коротко бросил Рустам, демонстративно сжимая копьё сильнее.

Губы массагета вытянулись в тонкую, волевою линию. Спустя секундное промедление, он сдержанно кивнул и бросил клинок под ноги персу.

— Тогда станешь моим... почетным пленником.

Последние слова Рустам выдавил с трудом. Так хотелось покончить с ненавистным врагом. Врагом, посмевающим нападать на земли империи. Скрытно и подло. Такие, как он, не заслуживали милосердия. Но Рустам помнил заветы Кира. Потому подошел к массагету, чтобы связать ему руки, а не вонзить в шею копьё. Пленник не сопротивлялся, лишь злобно поглядывал на перса прищуренными глазами. И этот взгляд, полный бессильной ярости, был единственной наградой для Рустама в этот миг.

Они расположились лагерем неподалеку, однако он стоял полупустым в оранжевых лучах заката, что освещали степь и поле битвы. Вечерний жар смешался с угаром сражения, и даже свежий ветер с просторов Вахш не мог их остудить.

Многие занимались сбором тел, дабы потом с почестями предать погибших земле. Пленных захватили меньше, чем когда-либо. Почти всех массагетов перебили в окружении, лишь часть из них сдалась добровольно, а еще меньшей части удалось уйти вниз по течению. Персы радовались победе, и только один момент слегка портил пьянящий вкус — основные силы врага не были разбиты. Так, по крайней мере, думал Кир, ибо ни среди убитых, ни среди пленных не нашли правительницы кочевников — царицы Томирис. Потому первым решением Ахеменида, принятым тем же вечером, было допросить знатного воина, которого Рустам захватил в ходе схватки.

Пробираясь сквозь ряды шатров и палаток, перс то и дело замечал усталые, но довольные лица. Бойцы были счастливы. Они остались в живых и возносили благодарственные молитвы Ахура-Мазде да готовились к вечерней трапезе, чтобы потом с наслаждением предаться отдыху и сну. Бряцание оружия и сбруи, топот сапог по земле и ржание лошадей смешались в привычный шум армии в походе.

Массагет, которого Рустам придерживал за плечо, со связанными за спиной руками шел рядом. Казалось, он даже не помышлял о побеге. С чувством собственного достоинства, пленник гордо поднимал голову и смотрел перед собой. Но перс все равно был настороже. Временами он замечал, как взгляд массагета косится то вправо, то влево, будто стремясь подметить каждую тонкость, каждую мелочь окружения. И это давало Рустаму основание полагать, что спокойствие да покорность пленника видимые. Наверняка тот использует первую возможность для побега, а там уже и расскажет своим все, чего коснулся взор в персидском лагере.

«От меня не сбежишь, мерзавец. Я буду держать тебя крепче, чем поводья колесницы на полном скаку».

Словно в подтверждение своих мыслей, перс сильнее сжал плечо массагета. Последний явно испытывал боль, но ничем не выдал сего. Даже не поморщился.

Они приближались к шатру Кира. Немногие из враждебных народов видели тот во время походов. Царь Лидии Крез в свое время искренне восхитился простотой убранства станища Ахеменида. Как внутренней, так и внешней. Правитель персов не кичился роскошью и старался быть близок к простым бойцам. Этим он снискал уважение не только среди своих, но и среди врагов. Однако на лице массагета не отразилось никаких чувств. Ни восхищения, ни удивления. Оно оставалось каменным, с запекшейся кровью на щеках и под носом. Лишь слабые порывы свежего ветра трепали волнистые локоны пленника.

«Что взять с кочевника?» — с презрением подумал Рустам. — Они как горцы. Дикие и глупые овцы!».

Стража у входа наградила пленного мимолетными взглядами. Массагет же не удостоил их даже оным.

— Повелитель ждет, господин Рустам, — поклонился один из бойцов.

Перс кивнул и легонько подтолкнул связанного внутрь. Тот вошел в шатер, не склонив головы. Это заставило вскипеть кровь в жилах Рустама, но он не посмел давать волю чувствам в присутствии Кира.

Здесь все было, как обычно. Простая кровать с козыми шкурами. Небольшой стол из дерева с глиняными табличками. Сам повелитель в привычном бронзовом шлеме и кожаном нагруднике, на котором прибавилось отметин. Да, царь старался быть близок к простым воинам даже в пылу сражения. Но вот новых шрамов после этой битвы, кажется, не получил.

Лишь один предмет выбивался из простой картины убранства шатра Ахеменида — серебряный кубок в виде льва, тускло мерцавший на столе. Рядом стоял глиняный кувшин. Рустам с удивлением воззрился на дорогой сосуд, но промолчал. Массагета же словно ничего не волновало. Даже то, что он находился лицом к лицу с завоевателем половины мира... и до сих пор не склонил пред ним колени. Рустам уже хотел исправить это недоразумение да сбить спесь с зарвавшегося кочевника, но, столкнувшись со взглядом царя, остановился. Кир глазами попросил ничего не делать. Внутри раздосадованный, перс перечить не посмел.

Царь же с любопытством изучал пленника, будто диковинного зверя. Массагет отвечал ему холодным и вызывающим взглядом. Кажется, повелителя это не особо трогало. Словно он ожидал нечто подобного.

Спустя минуту Кир подошел к столу и бросил через плечо:

— Развяжи нашему почетному гостю руки.

Рустам чуть не поперхнулся. Он, конечно, знал и высоко ценил великодушие повелителя, но сейчас был полностью уверен — царь совершает ошибку. Но кто он такой, чтобы перечить ему?

Скрывая недовольство, воин обнажил меч и одним грубым движением взрезал путы. Клинок же убирать не стал, в любой миг готовый вонзить металл в спину врага. Тот же принял освобождение как должное и небрежными движениями стал растирать затекшие кисти.

Кир снял крышку с кувшина. В серебряный кубок полилась алая жидкость, в сумраке похожая на кровь. Заполнив сосуд до краев, царь взял его и развернулся к массагету.

«Неужели владыка поить его решил?» — про себя изумился Рустам. — *Если только для того, чтобы развязать язык...»*.

Ахеменид приблизился к кочевнику и молча протянул кубок. Какое-то время массагет презрительно взирал на сосуд. Затем губы пленника сжались в волевую линию. Он всем видом показывал, что не намерен принимать угощение.

Вот теперь Рустам пришел в едва контролируемую ярость. Он сам не заметил, как рука с мечом начала невольно подниматься, и только ровный голос повелителя помог отрезвиться.

— Спрячь клинок, Рустам, он не понадобится.

Перс открыл было рот, дабы возразить, но вовремя прикусил язык. Оружие с лязгом вернулось в ножны.

— Не слышал, что люди говорят обо мне? — продолжал тем временем Кир, обращаясь к пленнику. — Я не убиваю равных себе. И в кубке яда нет.

— Я тебе не ровня, — глухо процедил массагет, впервые подав голос.

Лицо Рустама приняло пурпурный оттенок. Ахеменида же будто вовсе не трогал сей презрительный тон.

— Разве я не беседую с царем массагетов прямо сейчас? — лукаво усмехнулся он.

— Ты прекрасно знаешь, кто правит нашим народом, — проскрежетал кочевник, — великая царица Томирис.

— Странные и чудные дела, — улыбка Кира стала обезоруживающей, — ты не похож на женщину, хоть и красив. Я вижу перед собой сильного и храброго мужа, бесстрашного в схватке. Но не прекрасную дочь степей.

Глаза массагета налились кровью, лицо исказилось от гнева, и он выпалил:

— Потому, что я — не она, а Сагарпис! Ее сын!

— Вот мы и узнали, кто наш почетный гость, — вновь хитро улыбнулся Ахеменид и сам отпил из кубка.

Рустам опешил, как и его пленник. Только теперь до перса дошло, что все это было спланированным представлением, дабы узнать происхождение кочевника. И повелитель сыграл свою роль безукоризненно, тронув струны вспылчивой и высокомерной души массагета. Последний же, судя по сжавшимся в кулаки ладоням, осознал проявленную оплошность, но было поздно. Сорвавшиеся с губ слова подобны ветру. Их не вернешь.

— Как видишь, — царь отпил еще немного, — это всего лишь вино. Кир Ахеменид не опускается до позорных злодеяний, — тут взор его посуровел, — и не нападает под покровом ночи на чужие земли.

Сагарпис готов был колко ответить, но, памятуя о предыдущем просчете, предпочел промолчать.

Кир решил надавить:

— Не ожидал такого подлого шага от своих северных соседей. Я всегда считал массагетов честным и открытым народом и... — он выждал многозначительную паузу, — собирался предложить царице Томирис союз. Не только между нашими народами. Но и брачный.

Лицо кочевника исказилось гневом:

— Никогда! Никогда моя мать не выйдет замуж за поработителя других! Она скорее бросится на меч! Все знают, что рано или поздно, настал бы наш черед, и ты явился б в наши степи! Чтобы присоединить к персидскому трону и обложить данью!

— Поэтому вы решили атаковать первыми?

— Лучше защищаться, нападая! — гордо вскинул голову Сагарпис.

— И вы были так уверены в том, что я вознамерюсь завоевать ваши владения? Настолько уверены, что сами начали войну? — усмехнулся Кир и покачал головой. — Кто поведал вам о

моих планах? Кто сей предсказатель? Великий провидец звездный. Я бы не отказался видеть его в собственной свите.

— Она и без того полна, — бросил массагет, — взять хоть того лидийского лизоблюда!

Рустам с трудом сдерживался, дабы не наброситься на Сагарписа. Сейчас в персе причудливым образом переплетались гнев на массагета, восхищение выдержкой повелителя и искреннее непонимание, почему царь терпит эту выскочку?!

Кир тяжело вздохнул и встал в пол-оборота к пленнику:

— Так мы ничего хорошего не добьемся. Ты хороший воин, Сагарпис, но никудышный переговорщик. Боюсь, мне придется и дальше шествовать по твоей земле, пока прекрасная Томирис не соизволит встретиться со мной.

— Твоя встреча с ней будет последней! — процедил массагет.

Ахеменид уже собирался что-то ответить, но тут полог шатра одернулся, и в проеме показалась голова стражника:

— Прости меня господин, там... — он в ожидании умолк.

— Ты бы не стал прерывать важную беседу без веской причины, — скорее утверждая, нежели вопрошая, молвил Кир, взглянув на стража.

Тот поспешно кивнул:

— Прибыл гонец из Вавилона со срочной вестью.

Царь нахмурился и протянул руку. Воин тут же вошел внутрь, склонился еще ниже и передал глиняную табличку с письменами.

— Подожди моего ответа снаружи, — велел Кир и отвернулся, подходя к столу.

Рустам напрягся.

«Срочная новость? Что-то случилось дома?».

Кир склонился над посланием. С минуту он вглядывался в табличку.

Снаружи доносились приглушенные голоса и победоносные крики. Ветер тихо хлопал стенками шатра.

Внезапно царь отставил кубок. Тот слегка покачнулся, и часть вина пролилась на стол.

— Рустам, — Кир не обернулся, но что-то в голосе царя воину не понравилось, — мне необходимо подготовить ответ гонцу из Вавилона. Встреча с почтенным Сагарписом завершена. Я узнал все, что хотел. Теперь — он твой пленник. Ты волен поступать с ним так, как сочтешь нужным.

— Мой царь, — рискнул-таки перс, — что-то случилось? Пришли плохие вести?

— С Роксаной все хорошо, — словно прочитав его мысли, ответил Ахеменид. Он так и не обернулся. — Но возникли вопросы, требующие моего решения. Я должен их обдумать наедине и передать свою волю послу.

Слова о Роксане чуть успокоили, но Рустам все равно испытывал нарастающую тревогу. Не смея перечить повелителю, он вновь связал руки массагету и, придерживая его за плечо, вывел в сумерки персидского лагеря.

Посланник из Вавилона стоял рядом вместе с почтовой лошадей. Та была вся взмылена. Тело лоснилось от пота, запах которого не могли перебить ароматы армейского ужина.

Не смея допрашивать гонца, Рустам повел Сагарписа к своему шатру, чувствуя, как под сердцем сжимается неприятный комок.

Глава 14

Кир оперся руками о стол, ибо впервые в жизни почувствовал такую слабость, что колени чуть не подогнулись. Предательская дрожь. Сердце ухнуло в груди и на миг остановилось. Затем медленно, словно пробуждаясь от спячки, забилося снова. Царь закрыл глаза. Бесшумно выдохнул, стараясь унять озноб. Но если тело подверглось немоги, а душу будто клевали коршуны, то разум остался ясен. Не поднимая век, царь нащупал чистую глиняную табличку и подвинул ее к себе вместе со стилем, тонким и острым стержнем для письма. Прошла минута, во время которой Ахеменид не слышал ничего вокруг себя. Его словно накрыло снежной лавиной, сошедшей с гор. Погребло под толщей страданий. И так трудно было заставить себя выбираться на свет... Но он должен был. Потому через минуту глаза были вновь открыты и следили, как чуть дрожащая рука выводит на табличке ответное послание.

Через несколько мгновений пальцы обрели былую твердость, и стиль перестал подрагивать в ладони. Слабость тела удалось преодолеть... однако в душе Кира царил хаос. Ее будто кинули на растерзание голодным псам. Царь редко получал раны в бою. И боль от раны, нанесенной этим вечером жизнью, не шла ни в какое сравнение от предыдущих. Хуже всего, он ощущал свою прямую вину за то, что случилось в Вавилоне, за много дневных переходов отсюда.

Рука выводила ответное послание, а голова уже обдумывала дальнейшие ходы. Вот только... Кир сам не понимал, что разум его пусть ясен, но искажен глубоким горем. И действия его сейчас далеки от взвешенных. Но он царь, великий Ахеменид. Он должен уметь принимать решения в любых условиях. Какими бы тяжелыми они ни были.

«Какими бы тяжелыми они ни были...».

Он не думал ни об одержанной победе, ни о знатном пленнике, захваченном Рустамом, ни о выгодах, которые все это может сулить. Рука выводила ответ на глиняной табличке, а разум уже знал, что делать.

Как только послание было готово, Кир аккуратно отодвинул его в сторону, и взял еще одну чистую табличку. Набросал на ней короткий указ.

— Стража! — голос прозвучал уверенно и громко, не дрогнув.

В шатер тут же юркнул один из караульных и немедленно поклонился.

Кир подошел к нему, протянул послание в Вавилон:

— Отдашь это гонцу сейчас же. Снабдишь его свежими лошадьми и провизией в дорогу. Он должен отправиться в обратный путь немедленно.

— Я в точности исполню приказ своего повелителя!

— Это еще не все, — царь передал вторую табличку, — здесь мое распоряжение для Рустама, моего верного бойца, товарища... и суженного моей дочери. Ты должен передать ему эти указания... но только после того, как часть войска снимется с лагеря.

Стражника так ошеломили последние слова повелителя, что он на мгновение забыл о правилах приличия и во все глаза вытаращился на царя. И только спустя секунду спохватился, вновь опустил голову.

Кир не придал тому значения. Он в обычные дни не считал подобные преклонения обязательными. Сегодня же ум был занят вовсе другими вещами.

— Я очень надеюсь, что ты запомнил все хорошо и исполнишь в точности, — твердо потребовал ответа царь.

— Да, господин, — воин кивнул и бережно принял из рук повелителя таблички, — все будет сделано, как ты желаешь.

— Тогда ступай и исполни мои повеления. Не мешкай. Послание в Вавилон не может ждать.

Стражник поклонился да спешно вышел из шатра, с трудом скрывая возбуждение.

Какое-то время Кир молча смотрел ему вслед, однако взор царя оставался отрешенным, в уголках глаз пролегли глубокие морщины. Затем, спустя минуту, с Ахеменида будто спало оцепенение. Он подошел к кровати, подхватил шлем. Выверенным движением накрыл им голову. Окинул мимолетным взглядом шатер и решительно вышел в сумрак вечера.

Рустам небрежно и с долей презрения толкнул пленника в свой шатер. Сагарпис слегка покачнулся, но устоял и замер посреди палатки. Перс стремился следовать заветам любимого царя, потому убранство внутри отличалось скромностью. Небольшое ложе с козьими шкурами да маленький стол с кубком вина и парой глиняных табличек. На этом все.

— Где же хваленое гостеприимство и милосердие, о которых поют покоренные народы? — ехидно молвил массагет.

— Первого ты не заслуживаешь, — хмуро бросил Рустам, входя следом, — а насчет второго... я ведь не прирезал тебя, хотя могу.

На губах пленника заиграла усмешка, Она лишь сильнее раздражала и подпитывала внутреннюю ярость перса.

— С чего это я не заслужил твоего гостеприимства? Недостаточно хорошо сражался? — его глаза сузились. — Так ведь и не я подло пускал стрелы в спину.

Кровь прилила к лицу Рустама. Он шагнул вперед и ткнул массагета в грудь:

— Ты со своим народом напал на наши земли! Под покровом ночи, словно трусы! Не тебе попрекать кого-то в подлости!

— Только лишь поэтому? — насмешливо вскинул брови Сагарпис. — Так развяжи меня, и закончим то, что начали. Посмотрим, кто из нас больший трус.

— Я уже сказал, — с трудом сдерживаясь, процедил перс, — ты недостойн моего внимания, как и возможности на славную смерть в поединке.

— Только лишь из-за того, что я, как трус, под покровом ночи напал на земли, которые вы сделали своими, отняв у других?

Кажется, несмотря на свое положение, Сагарписа искренне забавляло происходящее. Рустаму понадобилось привлечь на помощь все самообладание, дабы не сорваться и не наделять глупостей. На секунду он закрыл глаза, потом бесшумно выдохнул и начал мерить шатер шагами. Рука демонстративно опустилась на меч. Массагет видел это, но ухмылка от того стала еще шире. Еще насмешливее.

— Не только, — презрительно бросил через плечо Рустам, — ты проявил непочтение к великому Ахемениду. И ты жив до сих пор лишь потому, что он учит проявлять милосердие.

— А ты и не против им поскупиться? — хмыкнул Сагарпис.

— Я живу по заветам Кира Великого!

— Ты его цепной пес, не более. Что хозяин прикажет, то ты и сделаешь.

Рустам резко подскочил к пленнику. Клокотавшая внутри ярость требовала немедленного выхода. Так хотелось стереть эту проклятую ухмылку с лица массагета! Но перс лишь сжал ладони в кулаки. Так крепко, что ногти впились в кожу.

— Не смей так говорить ни о нем, ни обо мне, — прошипел Рустам, — царь мне как отец.

— Это еще почему? — вновь насмешливо вскинул брови кочевник. — Дочку что ли его имеешь?

— Не твое дело! — рявкнул Рустам и отвернулся, дабы успокоиться, но Сагарпис уловил легкую смену настроения врага.

— Если он обещал выдать дочь за тебя, я бы ему не верил.

— Я сказал, это не твое дело! — огрызнулся перс. — И слову Кира Ахеменида я буду верить всегда! Ибо оно — крепче любого металла!

— Даже золота? — вкрадчиво поинтересовался Сагарпис. — Золото правит миром. Тебе ли этого не знать. И царь отдаст свою дочь тому, кто побогаче. Не станет разменивать свое сокровище на какое-то жалкое...

Рустам развернулся и с размаху ударил массагета кулаком по лицу. Тот пошатнулся, однако не упал. Когда пленник гордо выпрямился, перс увидел, что презрительная улыбка все так же венчает его губы, в уголках которых выступила кровь.

— Ни слова, — пропыхтел Рустам, — ни слова больше. Иначе пожалеешь, что попал в плен именно ко мне.

Похоже, угрозы никак не подействовали на Сагарписа, ибо он намеревался вновь открыть рот, но в сей миг его прервали.

— Господин! — донесся голос стражника снаружи.

Пронзив пленника испепеляющим взглядом, Рустам обернулся к выходу:

— В чем дело?

Полог одернулся, и перед воином предстал стражник. Перс сразу узнал в нем человека Кира.

Нахмурившись, Рустам произнес:

— Я понадобился своему повелителю?

— Нет, господин, — поклонился прибывший, — то есть, да, но не совсем.

— Говори яснее, посланник!

Неприятный разговор с массагетом сделал Рустама раздражительным. Не желая гневать почтенного всадника еще больше, стражник поспешил передать ему глиняную табличку.

— Наш великий царь Ахеменид просил передать тебе это, когда часть войска покинет лагерь.

Рустам вздрогнул:

— Что ты сказал?

Позади раздался ехидный голос Сагарписа:

— Все еще веришь слову своего ненаглядного хозяина, перс?

Однако перс его даже не услышал. Не услышал и попыток гонца повторить то, что велел ему Кир. Рустам выхватил из рук стражника табличку и, несмотря на сумрак, жадно вперился глазами в письмена.

«Рустам. Враг должен быть где-то рядом. Сейчас, когда его внушительные силы разбиты, самый подходящий момент, дабы завершить начатое, потому медлить нельзя. Нельзя дать противнику время перестроиться. Подготовиться. Поэтому я выдвигаюсь немедленно преследовать его. С самой быстрой конницей, что в моем распоряжении есть. Твои тяжелые всадники не годятся для молниеносного удара по степи. Я вверяю заботу о персидском воинстве тебе. Отныне ты — байварапати, предводитель десяти тысяч. Если я сложу свою голову на севере, ты вернешь наших воинов домой. Не смей идти за мной, Рустам. Это мое прямое веление тебе, как твоего царя. Помни. Я оставил на тебя своих детей. Не только тех, кто служит мне с оружием в руках. Но и тех, о которых мне не хватило духу как следует заботиться. Ты знаешь, о ком я. Я верен своему слову и отправляюсь на встречу врагу со спокойным сердцем. Зная, что Роксана найдет в тебе крепкую опору и защиту.

Кир Ахеменид».

Табличка чуть не треснула в руках перса. Столь сильно он сжал ее.

— Господин... — осторожно прошептал стражник, но Рустам его не слушал.

Стрелой он выбежал наружу, едва не опрокинув шатер. Глаза лихорадочно обводили лагерь и многочисленные палатки. Шатра Кира среди них не было. В отчаянии взор Рустама метнулся на север. Туда, где вдоль берега реки раскинулась степь, утопавшая в последних лучах заката. Ближе к горизонту он заметил облако пыли, стремительно уменьшавшееся в размерах.

Стон, перешедший в рык, сорвался с уст. Первой мыслью было немедленно седлать коней и отправиться следом за Киром. Кровь вскипела в жилах. Как?! Как он мог так обойтись с ним?! Пренебречь помощью, когда она так нужна?! Неужели великий Кир проявил неблагодарность? Впервые за собственную жизнь?!

Но прохладный ветер с реки быстро остудил голову. Взор, все еще полный разочарования, вернулся к глиняной табличке, что по-прежнему сжимала правая рука. Письмо чуть треснуло от нажима в порыве чувств. Когда же Рустам вновь поднял глаза к горизонту, облако пыли уже рассеялось. Медленно, будто во сне, перс опустил веки и убрал послание за пояс. Глубоко вдохнул и выдохнул. Прислушался к лагерной суете. К бряцанью доспехов, стуку походных котелков и приглушенному гомону бойцов. Сумерки сгущались над станом, и люди, отпраздновав победу, готовились отойти ко сну. Заслуженному отдыху. И только избранные прямо сейчас рассекали степь, подобно стрелам, к северу отсюда. Избранные, места среди которых не нашлось для него.

«Это мое прямое веление тебе, как твоего царя. Помни. Я оставил на тебя своих детей. Не только тех, кто служит мне с оружием в руках. Но и тех, о которых мне не хватило духу как следует заботиться. Ты знаешь, о ком я».

— Помню, — беззвучно шевельнулись губы.

Рустам открыл глаза. Горечь была еще слишком велика, но он принял свою судьбу. Принял волю повелителя. Ведь он был ему как отец. А разве можно желать лучшего отца, чем Кир Ахеменид?

Все еще чувствуя опустошение, перс вернулся в шатер и кивком отпустил стражника. Тот почтительно поклонился, затем поспешил незаметно удалиться.

Почему?

Сей вопрос продолжал терзать разгоряченную голову перса. Неужели Кир уверен в том, что сможет справиться с врагом малыми силами, уповая на внезапность? Вдруг войск не хватит, и царь попадет в беду? А рядом уже не будет того, кто прикроет спину или защитит от смертоносного клинка?

Вновь в жилах забурилась кровь. Снова Рустам едва сдержался, дабы не отправиться на север немедленно. Нагнать повелителя и присоединиться к нему. И пусть он разгневается, пусть прикажет позорно выпороть его. Но Рустам будет рядом, и так спокойнее за жизнь правителя.

Но табличка за поясом, будто мгновенно превратилась в огромную стелу, удержала на месте.

«Он отдал мне приказ. И я не в праве его нарушить. И не в праве сомневаться в мудрости Ахеменида. Он столько доказывал ее на деле. Раз мой царь считает, что сил хватит, значит... так и есть».

Но сомнения никуда не улетучились. Они глодали изнутри. И то странное послание, что получил Кир из Вавилона, лишь подпитывало их.

«Что же в нем?».

Рустам так погрузился в тяжкие думы, что не сразу вспомнил о пленнике. В реальность его вернул ехидный и злорадный смех. Подняв голову, перс увидел, как Сагарпис откровенно потешается над ним.

— Что тебя веселит, гнусный кочевник?!

— Пес получил пинка под хвост от своего хозяина и теперь скулит в одиночестве, — сорвались в ответ слова, полные яда.

— Замолчи! Немедленно замолчи! — рука Рустама схватилась за меч.

— А не то что? — хмыкнул пленник. — Зарежешь меня? А как же милосердие и гостеприимство? — последние слова были брошены с особой издевкой. — Так и знал, это лишь сотрясание воздуха, подобно лаю дворовой шавки! Вы все такие.

— Не смей! Не смей говорить такое!

Лязгнул металл, клинок выскочил из ножен. Вид оружия не вызвал страха на лице массагета. Лишь заставил его презрительно скривиться:

— А может все проще, а? Царь побегал к моей матери за миром? Понял, что не одолеть его псам благородный народ степи. А как скрепить мир между государствами? Конечно же выдать свою дочь за знатного сына свободных просторов. Храброго и мужественного. Не чета собаке.

Рустам шагнул вперед. Слепая ярость застилала ему взор. Пальцы сжали рукоять меча так, что костяшки побелели. Сагарписа же это ничуть не трогало. С искренним наслаждением и откровенным презрением он бросил:

— А что, прекрасный ход. И со мной ей всяко будет лучше, нежели с послушным псом, которого пинают даже свои!

С диким ревом Рустам набросился на пленника и вогнал ему клинок прямо в сердце. Удар оказался такой силы, что с легкостью прошил доспех, лезвие наполовину вошло в тело. Гримаса боли исказила массагета, но в его глазах по-прежнему плясали огоньки презрения.

Перс дернул меч, тот со скрежетом вышел из раны, задевая пластины. Кровь обагрила лезвие и доспех кочевника. Он упал на колени и, не глядя на Рустама, прохрипел:

— Даже сейчас ты поступаешь, как пес... послушный пес... — с трудом пленник поднял взор на Рустама, — но уже моей воли.

Пелена ярости стала сходить с перса, но он по-прежнему крепко сжимал оружие:

— О чем ты?!

Сагарпис тихо и хрипло рассмеялся:

— Теперь моя мать ни за что не пойдет на мир... и будет сражаться... до последнего.

Вздых сорвался с губ массагета, он завалился на бок и замер, глаза закрылись.

Тяжело дыша, Рустам стоял над телом убитого, а кровь медленно стекала с клинка и капала рядом на землю.

Последние лучи света поглотила ночная тьма, когда Рустам внезапно вышел из шатра, чем застал караульного врасплох. Тот был уверен, что командир давно почевает и предается заслуженному отдыху. Однако стражник быстро опомнился, выпрямился и поклонился.

— Господин?

Несколько секунд воин внимательно рассматривал стражника. Тишина выдалась какой-то напряженной. Была слышна далекая трель кузнечиков и крики ночных птиц. Наконец Рустам нарушил молчание. И его слова заставили караульного оцепенеть.

— Заберите пленного из моего шатра и подготовьте к погребению. Воздайте павшему все достойные почести.

— А... — непрошенные вопросы так и норовили сорваться с уст, но воин сдержался, — как прикажешь, господин.

Будто намереваясь удовлетворить любопытство своего человека, перс добавил:

— Это была последняя просьба благородного массагета. Он сам изъявил желание броситься на меч.

— Да, господин.

Больше Рустам ничего не сказал, лишь отступил, давая своим бойцам исполнить приказ. А те и не собирались спрашивать. Кто они такие? Но перс знал, что если не спросят они, то это сделает другой. Он сам. С самого себя.

Одобрил бы Кир сей поступок? Даже если б узнал об истинных его причинах? Рустам сомневался. А в том, что повелитель не приемлет ложь — не сомневался ни на миг. И от этого было только хуже.

Глава 15

Несколько дней минуло с тех пор, как маленькая точка, в которую превратилась процессия, что сопровождала богато украшенный саркофаг, полностью исчезла за горизонтом. Атосса не видела этого, ибо окна ее покоев выходили на север, а путь в Пасаргады, место последнего упокоения мамы, вел на восток, в сторону восхода солнца. Навстречу лику Ахура-Мазды. Но царевна могла представить. Стоило лишь опустить веки... как перед внутренним взором вновь вставала скорбная картина. В торжественном молчании люди идут по каменным плитам, окружая гроб с телом Великой царицы. А пальмы вдоль царской дороги плавно шуршат листьями над головой. И вот одна картина сменяется другой. Более радужной и привычной. Кассандана сидит в тени груш царского сада и прислушивается к кряканью уток в пруду. Он блестит в свете дня. Шелест деревьев убаюкивает, навеивает сонливость, а она, Атосса, неспешно приближается к знакомой скамье...

Девушка вздрогнула и открыла глаза. Слабый ветерок колыхал кронами и цветами жасмина. Но сад внизу оставался пуст. Непривычно пуст. Тих.

Слезы проступили в уголках очей, однако царевна не дала им скатиться. Нет. Не сейчас. Она не может вновь позволить чувствам овладеть собой. Пусть и хочет дать волю горю. Броситься вслед удалявшейся процессии. Но для дочери Ахеменид существует не только «я хочу». Есть еще «я должна». Так учил папа.

«Отцова любимица» — вспомнила она речь Роксаны, и пальцы невольно стиснули каменный поручень.

Эти слова причиняли боль, словно хлыст, и были пропитаны ядом. Атосса никогда не замечала раньше за сестрой подобной ярости. Она всегда была чересчур пылкая, более дерзкая. Но чтобы так в открытую изливать ненависть... Ненависть, казавшуюся столь искренней... И от сего становилось лишь большее.

«Неужели она действительно так думает? Винит в смерти мамы меня и папу? Или это просто горе застилает ее неокрепший разум?! О, боги, надеюсь... надеюсь, что это так...».

Ибо обжигающий гнев Роксаны, столь непривычный, тревожил и даже страшил Атоссу, ведь был таким внезапным. Неожиданным. Будто рядом открылся источник темных сил, и сестра подпитывала ими свою боль...

Перед взором словно вспыхнул огонь. Всепожирающее пламя, в котором сгорали они все, а навстречу рвался лик голодного чудовища.

Царевна зажмурилась и покачала головой, отгоняя жуткое наваждение.

Она пыталась переговорить с Роксаной, но та после церемонии прощания предпочитала не замечать Атоссу. Лишь бросала в ее сторону испепеляющие взгляды с мертвенно-бледного лица. Сейчас она закрылась в собственных покоях, не желая никого пускать к себе.

Царевна тихо выдохнула, подняла голову, открыла веки. Отрешенным взором окинула сад, тонувший в приятном покрывале вечерних сумерек.

«Я попробую с ней побеседовать позже. Еще раз. И все ей объясню. Очень надеюсь, что она поймет. А сейчас... а сейчас я должна прояснить все, что необходимо».

Каким бы тяжелым ни было горе, разум Атоссы не оставлял разговор со стражником и то, что тот поведал ей. Непонятное чувство опасности зрело под сердцем, и она никак не могла понять ее сути. Это пугало сильнее всего. Неизвестность. Непонимание. Оно глодало, словно зверь, истосковавшийся по добыче. Но глодало медленно, обрекая на мучительную смерть.

«Я должна все разузнать. Ради нашего же общего блага».

Бардия. Он изменился. Его слова... его поведение... Вернувшись с охоты на львов, он стал...

«Другим».

И как бы Атосса ни хотела, это не получалось списать на последствия неудачного покушения. Не тем был человеком ее брат, чтобы так сильно измениться. Никогда неумолкающий весельчак, самый сильный воин всей империи превратился...

«В кого? Я не знаю... но обязана все выяснить. Ради нашего же общего блага».

Царевна не представляла, что могло случиться с Бардией. Это вгоняло в дрожь. Сеяло панику, которую с трудом удавалось подавить. Но девушка пообещала себе разобраться во всем. Пока голодный зверь не загрыз ее изнутри.

Она отпустила поручни. Окинула на прощание сад, что погружался в сумрак. Затем решительно пересекла покои и вышла в коридоры дворца. Тот стоял в тишине, словно соблюдая почтительное безмолвие в память о Великой царице. Лишь местами потрескивал огонь в треножниках да пламя факелов на стенах. Свет и тени сплелись в причудливом танце. Глядя на эту игру и ощущая тревогу в душе, Атосса вспомнила слова папы. Одно из его многих наставлений.

«Нет ничего постыдного в страхе. Позволь себе смотреть ему прямо в глаза. И тогда обрешь ты мужество».

— Спасибо, папа, — беззвучно прошептала она, — что бы я делала без тебя?..

Не обронив более ни слова, Атосса начала спускаться на первый этаж. Она намеревалась сделать именно это. Посмотреть страху в глаза.

— Ты считаешь меня достойным царем?

Бардия перевел взгляд на наследника. Тот в величественной позе сидел на троне, вцепившись в подлокотники. Лицо каменное, взгляд пристальный. Словно позабыл о смерти матери, останки которой недавно покинули Вавилон.

«Прекрасное орудие. Ты уже мой».

— Но... — осторожно ответил царевич, — пока ты не царь.

— Когда-нибудь стану же.

— Безусловно.

— Так что же?

— Считаю я иначе, не был бы подле тебя.

Секунду Камбиз продолжал пристально взирать на брата, затем расплылся в сальной улыбке:

— Это хорошо. Очень хорошо, — внезапно улыбка потускнела, наследник отвернулся и вперил взор в сторону выхода, — а вот Атосса так не думает.

— Почему?

Разум и мысли старшей дочери Ахеменид по-прежнему ему оставались неподвластны. Но он искренне надеялся, что это ненадолго.

— Как будто ты не знаешь, — с раздражением бросил Камбиз.

Бардия счел лучшим промолчать, давая возможность брату самому поведать тайны их дома. Закипающий котел гнева внутри наследника не заставил долго ждать пар. Пальцы Камбиза заскребли по подлокотникам, как когти птицы.

— Годы идут, а она по-прежнему считает меня избалованной мальчишкой, — проскрежетал он, — что я думаю только о себе и не забочусь о будущем империи.

— Она так сказала?

— По ее лицу все видно и без слов! — наследник треснул кулаком по трону и вскочил. — Но разве я не заслуживаю всего?! По праву рождения?! По праву первого?! Разве стремление к справедливости — это избалованность?! Каприз?!

— Ни в коем случае, брат.

«Прелестное, прелестное орудие. Мне даже не придется ждать. Достаточно лишь качнуть в сторону, в которую нужно мне».

Распаленный собственной речью, Камбиз обернулся к Бардии и указал на него пальцем:

— Хорошо, что ты понимаешь это. И как хорошо, что я разглядел в тебе столь преданного и умного человека. Признаюсь честно, раньше ты казался последним болваном.

Бардия склонил голову, пряча ироничную усмешку. Он выпрямился только тогда, когда услышал, как брат вновь опустился на трон.

— Жаль, Атосса не хочет этого понять, — губы Камбиза задрожали, искажаясь в гримасе, — но будь она ближе ко мне, я бы нашел способы... заставил поверить...

— Хочешь жениться на собственной сестре? — внезапно спросил Бардия.

Наследник вздрогнул и пронзил его взглядом:

— С чего ты взял?

Царевич загадочно улыбнулся:

— Я помню, как ты просил меня привезти из Согдианы лазурит. Самый большой.

— Я же говорил, что просил для себя!

— О, брось, брат. Разве мужчина стал бы просить о таком?

— Это ничего не значит!

— Конечно, — продолжая улыбаться, Бардия шагнул к трону, — но на твоём месте, я бы не сдерживал желаний. Только ты способен сделать Персию великой. Это тяжкое бремя. И ты вправе получать за это все блага, какие захочешь, — он остановился и посмотрел прямо в пылающие огнем глаза брата, вкрадчиво зашептал, полным уверенности голосом, — хватит сдерживать себя. Ты сам недавно сказал, что достоин всего по праву первого. Так бери!

— Отец и закон никогда не встанут на мою сторону, — процедил Камбиз.

Сохранив ухмылку, царевич начал мерить шагами зал, периодически бросая на наследника взгляд с прищуром:

— Отец не вечен, как бы печально это ни звучало. А закон... — Бардия выждал многозначительную паузу, — всегда можно повернуть в нужное русло. Если знать, что и кому предложить... кого и куда... надавить, — последнее слово он выделил, остановился и посмотрел на брата.

Примерно с полминуты Камбиз непрерывно сверлил глазами Бардию, потом с подозрением спросил:

— У тебя есть мысли, как это можно сделать?

— Иначе бы не затеял подобный разговор.

Вновь пауза. Было слышно, как тихо потрескивает пламя в треножниках, и как из груди наследника вырывается слегка свистящее дыхание. Старший сын Кира взирает на брата так, будто намеревался добраться до самых потаенных уголков его души. Последнего же словно вовсе не заботило подобное внимание. С непринужденной улыбкой, Бардия стойко выдерживал сей взгляд.

Наконец, Камбиз проговорил:

— А тебе то зачем это? С чего вдруг помогать мне в таком... вопросе? Ведь она и твоя сестра тоже.

— Очень просто, брат, — с легкостью ответил царевич, — ты — будущее империи. Наше будущее. Только ты можешь обеспечить всем нам мир и процветание. Я вижу это в тебе. А лучшая женщина империи должна находиться подле лучшего мужчины, — при этих словах глаза Камбиза так и полыхнули, — к тому же, — улыбка Бардии стала слащавой, — разве можем мы себе позволить, чтобы какой-нибудь из жалких мидийцев притязал на нее да порочил кровь Ахеменид? Или того хуже... — улыбка медленно сползла с губ, — претендовал на трон?

— Клянусь, Ахура-Маздой, ты прав! — Камбиз вскочил, как ужаленный. — Ты совершенно прав! — его охватило такое возбуждение, что аж затрясло. — Мы должны обеспоко-

иться о чистоте крови Ахеменид и будущем империи! — он посмотрел на Бардию, лицо наследника внезапно исказилось от гнева. — Но отец может всему помешать и найти «достойного», — это слово он выплюнул с желчью, — мужа для Атоссы.

— Сейчас отец занят войной с массагетами, — осторожно напомнил царевич, — потом наверняка захочет попроситься с нашей... — брат замялся, будто подбирая слово, — матушкой. Время на то, чтобы все обдумать, у нас есть.

— Ты снова прав! — внезапно весело расхохотался Камбиз. Его смех отразился от стен и вознесся к высокому своду зала, усиливая эхо. Во дворце, погруженном в траур, оно прозвучало особо зловеще. — У нас еще есть время! Много времени! Боги, как же хорошо, что они послали мне тебя! Ни один великий царь не обходится без советников! Даже у моего отца есть Крез, но куда ему до тебя? — наследник чуть подуспокоился, подошел к Бардии и, все еще возбужденный, взглянул на него снизу вверх. — Но это не значит, что надо сидеть сложа руки. Мы должны все продумать уже сейчас и выбрать верное решение!

Бардия улыбался и не сводил взора с Камбиза.

«Он уже забыл о Нитетис и своей мести Египту. Как же им легко управлять. Потому что он так похож... на меня. Я напомню ему обо всем. Но позже. Сейчас... Нитетис нужна мне живой».

— О чем вы? — третий голос ворвался в разговор.

Камбиз вздрогнул, переменился в лице и обернулся к выходу. Бардия медленно последовал его примеру, глянув через плечо.

В проеме тронного зала стояла Атосса и внимательно рассматривала братьев. В зрачках на бледном лице пылал решительный огонь.

— Атосса, — едва ли не пропел Камбиз, сделал шаг навстречу и слегка раскинул руки, словно хотел ее обнять, — удивлен, что ты решила нас проведать. Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, неплохо.

Девушка скрестила руки на груди, будто желала оградиться от излишнего внимания. Лицо царевны оставалось бледным, но в остальном она не выглядела нездоровой.

— Может, все-таки не стоило выходить из покоев? — учтиво поинтересовался наследник. — Мы все пережили страшное потрясение. Особенно ты. Покажись лекарю, отдохни.

— Никто не снимал с меня забот о семье и государстве, — тихо ответила Атосса, — особенно в столь тяжкие дни. Мы должны быть едины и не показывать нашу слабость.

Камбиз медленно опустил руки, пристально взглянул на сестру и, спустя мгновение, одобрительно кивнул:

— Слова, достойные Ахеменид. И чем же ты собираешься заняться?

— О чем вы беседовали? — внезапно ответила царевна вопросом на вопрос. — Какое верное решение обсуждали?

— О, — отмахнулся Камбиз и прошелся по ковру, — именно о том, о чем ты говоришь прямо сейчас. В минуты горя мы должны сохранять ясный ум и принимать верные решения. Особенно я. Ведь отец оставил на меня империю. Верно, брат? — он обернулся к Бардии.

Тот кивнул и, в свою очередь, внимательно, исподлобья, покосился на Атоссу. Царевна заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. Уверенно и решительно. Увидеть в лице брата что-то, что приоткроет завесу тайны и развеет тьму. Но ничего. Сейчас Бардия выглядел таким же, как обычно. Только излишне спокойным и серьезным.

— А ты? — прервал их молчаливую битву взглядов наследник. — Ты так и не сказала, что сподвигло тебя встать с постели?

Девушка перевела взор на Камбиза, несколько секунд задумчиво смотрела на него, затем выдала:

— Один из приближенных стражников поведал мне о загадочных смертях почтенных особ. Я намереваюсь проверить все ли так, как он рассказывал.

— Пф, — презрительно отмахнулся Камбиз, — твоего ли ума дело заниматься подобными вещами?

Атосса проигнорировала колкий выпад брата:

— Пусть это и не знатные господа, но все же важные гости из далекой Согдианы, которым мы предоставили кров. Я думаю, наш долг, как благородного дома Ахеменид, дать понять остальным людям, что сможем обеспечить их безопасность и не останемся чужды чужому горю даже во время своего.

Судя по выражению лица наследника, он никак не мог понять, о ком говорит Атосса и вообще какое ей дело до каких-то пришлых из Согдианы. Но царевне было все равно, как это видит старший брат. Во время своей речи она не сводила взгляда с Бардии, стремясь подметить любые изменения. Однако царевич оставался молчаливо учтив и беспристрастен.

— Так чего ты хочешь? — спросил Камбиз.

— Проверить донесение стражи, убедиться, что все именно так, как они поведали. И отправить гонцов к родным с соболезнованиями.

Наследник презрительно скривился и пожал плечами:

— Ну, раз тебе нечем больше заняться... у меня же есть куда более срочные дела, государственной важности.

— Я и не собиралась тебя отвлекать от тяжелого бремени правления, брат, — холодно, но вежливо парировала Атосса, — однако хотела бы просить Бардию сопровождать меня.

Лицо наследника вытянулось от изумления. Царевич же продолжал наблюдать за всем со стороны.

— И куда это ты собралась, если не тайна?

— К царскому дому воинов и постоянному двору, который находится неподалеку.

Глаза Камбиза вылезли из орбит:

— Сама?! А послать никого не можешь? Что это за глупости?

— Это вовсе не глупости, — сердце Атоссы ускорило ритм, однако она постаралась не выдать волнения и говорить убедительно, — а возможность показать простому народу, что мы к нему по-прежнему близки.

— Как будто мы этого не делаем! — внезапно наследника исказила гримаса ярости. — А не влечет ли тебя похоть, сестра?!

Та вздрогнула и уставилась на брата широко раскрытыми глазами:

— О чем ты говоришь?

— Да брось! — Камбиз ткнул пальцем в девушку. — Все знают, что никто так и не нашел тебе достойной пары. И можешь не отрицать, *я слышал*, — это он сказал не без доли гордости, — как ты рыдала в шкуры в собственных покоях по ночам. Ведь некому было тебя утешить, а попросить, — глаза наследника сверкнули злобой, — тебе ведь честь не позволяет.

— Как ты смее...

— А теперь, видимо, совсем в одном месте припекло, и решила отправиться на поиски счастья по питейным лавкам и воинским домам?! Как обычная вавилонская шлюха?!

Кровь прилила к щекам царевны, полностью скрыв бледность. Она шагнула вперед, сжав кулаки и метая молнии из глаз. Даже наследник невольно отступил, не ожидая такого от всегда тихой и спокойной Атоссы.

— Если мы одна семья, а ты старший брат, то это еще не значит, что я позволю говорить со мной в подобном духе и обвинять в нечестивых помыслах!

Голос царевны непривычно громко пронесся по простору зала. Сейчас ее речь была не менее твердой, чем у самого Кира.

— Я взвалила на свои плечи все заботы о погребении мамы. Я проводила ее в последний путь из Вавилона! Я намерена внести ясность в то, что случилось едва ли не под крышей нашего дворца! В то время как ты... — ее глаза сузились, — можешь и дальше заниматься *куда более важными делами*. Более важными, чем похороны собственной матери! Только не смей обвинять меня в том, о чем у меня и помыслов не возникало! Настолько кощунственно и мерзко звучат твои слова!

Краска медленно сошла со щек царевны, она громко вдохнула и выдохнула, взяла себя в руки, тише и ровнее добавила:

— Я просто пришла за помощью. Но если мне откажут здесь, где, я была уверена, смогу ее найти, ничего страшного, — с чувством собственного достоинства она сделала вид, что собирается развернуться и уйти, — я поищу ее в другом, более достойном месте.

— Да забирай его, — бросил пришедший в себя Камбиз, — мы все равно уже все обсудили, — и кивнул Бардии, — позаботься о безопасности нашей прекрасной Атоссы и проследи, чтобы она... не попала в беду.

Последнее слово прозвучало чересчур двусмысленно. Однако царевна наградила наследника лишь мимолетным, презрительным взглядом. Все ее внимание в этот момент было приковано к Бардии. Но царевич сподобился только на сдержанный кивок.

Осознав, что большего сейчас не добиться, девушка тихо произнесла:

— Благодарю вас, — и, уже обращаясь к младшему брату, — я буду ждать тебя на дворцовой площади завтра, когда солнце приблизится к зениту.

Тот снова молча кивнул.

Девушка же развернулась и, с достоинством выпрямив спину, гордой походкой покинула зал.

Как только ее шаги стихли в отдалении, Бардия обернулся к Камбизу, лицо которого напоминало раскаленные угли, а глаза вращались, словно у безумца.

— Даже не смей мне говорить о любви и учтивости, — процедил сквозь зубы он, — Атосса должна знать, что не стоит и пытаться понукать мной!

— И не собирался, брат, — улыбнулся царевич, — ведь любовь — удел слабых.

Наследник резко вскинул на него взгляд:

— Думаешь?

— Уверен, — шире расплылся в улыбке Бардия, — любовь это слабость. А вот страх... он позволит трепетать перед тобой каждого. Слушаться и преклоняться.

— Верно мыслишь, верно, — закивал в одобрении наследник, — жаль, что отец этого не разделяет.

— Главное, это знаешь ты. Ведь будущее империи — именно в твоих руках.

Секунду Камбиз с прищуром внимательно изучал царевича, затем злобно рассмеялся и мановением руки отпустил его.

Глава 16

Пристальный взгляд серых глаз напряженно осматривал степной лагерь, что виднелся впереди. Порывы северного ветра рвали ткани шатров, заставляя их рябить подобно волнам. Воздух выл меж палаток, добавляя уныния, которое не мог скрасить блеск золотых штандартов над станом.

— Кажется, нашли, — прошептал один из конников, — это лежище Томирис.

Кир не ответил. Он продолжал внимательно осматривать местность. Лагерь, казавшийся пустым. Колосющаяся степь. Было тихо. Тихо и пусто, как у него на душе. Но разум оставался ясен подобно небу над головой.

— Не догнали, — с досадой бросил другой воин и намотал поводья на кулак, — сбежали, почуяв наше приближение. Правильно. Пусть страшатся персидского воинства!

Всем не терпелось ринуться вперед. Занять место врага, осмелившегося подло напасть на земли империи. Но не найдется того, кто решится сделать что-либо без приказа царя. Потому воины безропотно ждали его веления.

Потратив еще с минуту на созерцание окрестностей, Кир махнул рукой, отдавая команду:

— Входим. Но будьте настороже. Проверяйте палатки и шатры. Там могут прятаться массагеты.

Бойцы кивнули, и отряд начал приближаться к стану. Руки крепко сжимали клинки, все готовы были пустить их в ход в любой миг. Тела напряглись, и даже лошади занервничали, почуяв тревогу хозяев. Стук копыт громко разносился в вечерней тишине.

Понадобилась целая ночь и весь следующий день, чтобы добраться до лагеря Томирис. Кир почти не жалел сил. И вот они здесь. Но, похоже, все равно опоздали. Враг бежал, оставив утварь, драгоценности и собственные штандарты из чистого золота.

«Значит, война еще не окончена, — слегка рассеянно подумал царь, медленно проезжая меж рядов одиноких шатров, — может, удастся склонить массагетов к переговорам?».

Послышался треск разрываемой ткани. Затем еще. И еще. Персы проверяли палатки, но те оказались пусты, если не считать брошенного снаряжения и богатств.

— Мы опоздали, — тихо выругался один из бойцов.

Кир не ответил. Окруженный охраной, он проехал в центр лагеря и остановился перед огромным шатром, украшенным золотистыми узорами в виде степных трав. Кажется, он принадлежал Томирис.

Внимательно осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, царь спешил. Его телохранители последовали за ним. Держа пальцы на рукояти меча, Кир приблизился ко входу. На несколько мгновений задержался перед ним, словно о чем-то глубоко задумался, затем резко одернул полог и оказался внутри. Сделал несколько шагов, дабы дать возможность охране войти следом. Позволил глазам привыкнуть к сумраку.

Шатер был пуст. Как и все остальные в лагере. Прямо посредине возвышался позолоченный трон с рельефами скачущих лошадей. Большое ложе позади, покрытое множеством тонких шкур. Низкий стол, ломившийся от яств и кувшинов с вином. Один из телохранителей подошел и потрогал жареного осетра на тарелке.

— Еще не остыл, мой господин, — обернулся он через плечо, — лагерь оставлен недавно.

Кир, слишком молчаливый и задумчивый в последнее время, ничего не ответил. Лишь сильнее нахмурился. Неспешно вышел на центр шатра. Отрешенно провел пальцами по трону, еще раз огляделся.

— Они не могли уйти далеко, — наконец, вымолвил он.

— Будем преследовать их?

Несколько секунд царь о чем-то размышлял, потом покачал головой:

— Нет. Мы истратили слишком много сил за последние сутки. Еще один переход не выдержат ни люди, ни лошади. Мы и так вынудили противника бросить все и отступить на север. Нанесли ему серьезное поражение и пленили царского сына. Быть может, это заставит Томирис прекратить войну.

— Тогда что будем делать дальше, мой царь?

Кир обернулся вокруг своей оси. Задумчиво еще раз осмотрел пустой шатер, что нагонял дикую тоску. Он не хотел здесь оставаться. Словно это место лишь расширяло зияющую дыру на душе. Но трогаться в путь прямо сейчас будет бесчеловечно по отношению к бойцам. Бойцам, которые не отдохнули еще со вчерашней битвы и провели столько часов в седле.

— Останемся здесь. Отдохнем. Потом отправим двух гонцов. Одного — на север, к Томирис. С предложением перемирия на наших условиях. Уверен, после всего случившегося, она пойдет нам на уступки. Второго — на юг, к основным силам. Теперь можно будет не спеша дожидаться, когда они подтянутся сюда, чтобы вывезти богатства...

Громкий свист прервал речь Кира, заставив некоторых воинов вздрогнуть. Царь резко обернулся к выходу и прислушался. Несколько секунд ничего не происходило. Ахеменид слышал громкое дыхание телохранителей, и как ветер рвет ткани шатров. А затем свист повторился.

Кир больше не мешкал. Молнией выбежал наружу и осмотрелся. Если не считать воинов своего отряда, стан массагетов по-прежнему пустовал. Царь весь обратился в слух, и до его ушей донесся отдаленный гул. С каждым мигом он становился все громче и отчетливее. Сомнений не осталось — сюда приближались крупные силы. Всадники.

— К бою! — прокричал Кир и обнажил меч.

Не успели телохранители выбежать следом, как с неба обрушился дождь смертоносных стрел. Воины подняли щиты. Скоро они уже были усеяны древками, подобно ошетилившемуся ежам.

— В круг! Быстро в круг!

Персы спешно стремились исполнить приказ, но некоторых настигли стрелы. Люди так и остались лежать, с пронзенными спинами, меж палаток и шатров. Ветер все выл в проходах, словно погребальная мелодия из труб. Но она не могла перекрыть топот множества копыт. Пара мгновений, и конница массагетов ворвалась в лагерь со всех сторон. Лошади персов, брошенные в суматохе, с испугом и диким ржанием рванули прочь, снося шатры и запутываясь в тканях палаток.

Персы едва успели выстроиться в оборону, когда в центр стана вылетел на полном скаку первый всадник. Пущенная почти в упор стрела прошила доспех одного из персов, тот упал навзничь. Охрана подняла щиты, стараясь закрыть Кира от противника. Царь видел, что массагет не спешит атаковать в ближнем бою, а разумно прилаживает новую стрелу к тетиве. То же самое делали другие, показавшиеся из-за рядов шатров. На лицах врагов застыла хладнокровная решимость. В глазах не было и капли сострадания. Участь персов была предрешена. Кир видел это. И осознание случившегося явилось лишь сейчас.

Они в ловушке. И царь сам привел себя и воинов в эту западню. Неужели он разом потерял бдительность? Накопленный воинский опыт и мудрость? Ведь пустующий лагерь посреди степи, забитый драгоценностями — очевидный капкан...

«Нет, не потерял» — с внезапным спокойствием понял Кир, отрешенно наблюдая, как стрела пронзает очередного бойца. И еще одного...

Он осознанно вел себя в ловушку, тайно мечтая о подобном исходе. С того самого момента, как получил письмо из Вавилона. С той самой секунды, как отдал все распоряжения и покинул собственный лагерь, взяв лишь незначительные силы. Отправился на север. Искать встречи с врагом.

«Искать смерти».

Он не признавался в этом самому себе. До сего мига. Что жизнь без Кассанданы утратила былой смысл. А послание, что содержалось в том злосчастном письме... оно не оставляло сомнений в причинах, подтолкнувших супругу к свершению сего...

Кир, великий завоеватель и покоритель половины мира, не смог справиться с главным. Наделал ошибок там, где никогда не должен был их совершать. И сам определил расплату для себя.

Наблюдая, как новая вестница смерти забирает его воина, царь жалел только об одном — что послал с собой на верную гибель тех, кто ее не заслужил.

Массагеты продолжали расстреливать персов, представлявших отличную мишень. Застигнутые врасплох и окруженные, им нечего было противопоставить конному войску.

Царь сделал попытку выйти вперед. Быть может, убив его, враг пощадит остальных? Охрана тут же пресекла попытки Кира, лишь теснее сомкнув щиты над головами. Еще несколько стрел с громким свистом вонзились в преграды, высекая щепки. Пара наконечников пробила щиты насквозь и остановилась в пальце от лица.

— Что делать, мой царь?

В голосе телохранителя не чувствовалось страха. Будто окружающие повелителя бойцы подпитывались его поразительным внешним спокойствием. Не подозревая о том, что творится внутри.

Кир не хотел ничего делать. Не желал искать выход. И только ответственность за жизни своих людей побудили к действию.

Собравшись с духом, он уже хотел приказать идти на прорыв, пока их полностью не перестреляли, словно зайцев, как вдруг раздался очередной свист. Поначалу царь принял его за еще одну стрелу, пущенную массагетами. Однако через секунду осознал — это был тот же звук, что он слышал, когда стоял посреди покинутого шатра. Вот свист повторился вновь, и смертоносный дождь резко прекратился. Несколько мгновений персы ждали, не шевелясь, и только потом рискнули опустить щиты. Их глаза встретились с суровыми лицами воинов степей. Все такие же хладнокровные, они отвели луки, но держали их наготове.

Напряженная тишина, прерываемая лишь воем ветра, ржанием лошадей да стонами раненых, повисла над станом. Враги не сводили друг с друга взора. Бой мог разгореться в любую секунду. Быстро бившееся сердце Кира жаждало этого, но он не мог не думать о своих людях. Если есть возможность вывести их отсюда, он попытается ею воспользоваться. А за свое безрассудство потом ответит сполна...

Размышление прервало громкое ржание и цокот копыт. Все персы, как по команде, обернулись и уставились на всадника, показавшегося среди шатров. Конь, покрытый золотистой тканью, величаво приближался сюда, а из седла на Кира и его людей высокомерно взидала женщина. Ее манере держаться на лошади позавидовал бы и опытный наездник. Кажется, что она всю жизнь провела в седле. Стеганный доспех с золотыми чешуйками не мог скрыть стройного и подтянутого тела. Из-под бронзового шлема выбивалась копна темных с проседью волос. Массагеты почтительно расступались перед незнакомкой, которая уже почти не являлась таковой. Последние сомнения улетучивались, словно роса под жарким солнцем. Перед ними сама царица Томирис.

— Так-так-так, — вальяжно протянула она, — кто это пожаловал в мой дом? Неужели сам Кир, поработитель народов?

Последние слова неприятно резанули Ахеменида. Не хуже, чем заточенный клинок.

— Ты сама знаешь, что это не так, царица, — решил он придерживаться равного обращения, несмотря на открытое презрение соперницы.

— Я знаю, что ты явился без спроса на мою землю. Большого мне ведать без надобности.

— Лишь после того, как твои воины не раз нарушали границы моего государства...

— Довольно!

Персы вздрогнули и изумленно переглянулись. Никто на их памяти не смел так бесцеремонно закрывать их повелителю рот. Несмотря на тяжелое положение, внутри них разгорался праведный гнев. Бойцы с трудом сдерживались, чтобы не наброситься на Томирис, пусть и ценой собственной жизни. И только спокойствие Кира удерживало их от опрометчивого поступка.

Царица привстала в седле и подалась вперед. Сощурила глаза.

— Здесь твои красивые речи ничего не стоят, Ахеменид. Можешь не пытаться очаровать меня своим благородством.

Кир не изменился в лице и взгляда не отвел. Молча ждал, когда Томирис продолжит. И она не заставила терпеть долго. Острый, подобный металлу, голос прорезал вечернюю тишину степи.

— Все мы знаем, что лучше нанести упредительный удар, чем в страхе ждать собственной участи.

— Те же самые слова я слышал от твоего сына, — спокойно проговорил Кир, — вижу, он многому от тебя научился.

Царица вздрогнула, и владыка персов понял, что попал в цель. Видимо, воительница считала Сагарписа погибшим. Она опустила обратно в седло. Лицо слегка побледнело, однако через миг Томирис овладела собой.

— Он обучился всему лучшему, что знаю я. И если попал к врагу в плен, то умрет достойно! Как подобает воину массагету!

— Зачем ему умирать? — вкрадчиво поинтересовался Кир. — Ты можешь спасти жизнь сыну. Разве оно того не стоит?

На этот раз Томирис не колебалась. Поджав губы, она процедила:

— Бойца на царя я не меняю. У меня есть возможность отрубить голову персидскому чудовищу, что пожирает всех на своем пути! И я готова заплатить за это любую цену.

— Любую?

— Да, — твердо молвила царица, сжав поводья в кулаках, — любую.

— Моя смерть ничего не даст тебе. В империи и в роду найдутся те, кто захочет за меня отомстить и искупить поражение. Они вернутся с еще большим войском.

— Если нам удалось убить самого Кира Великого, то остальные нам и вовсе не страшны! — выплюнула Томирис.

Конь под ней грозно фыркнул.

Персы вновь переглянулись, чувствуя, что приближается неминуемый конец. Они думали лишь о том, как подороже отдать свои жизни и защищать любимого повелителя до последнего вздоха.

Кир же думал совсем о другом. О собственном безрассудстве, которое подтолкнуло его сюда. Загнало в ловушку тех, кто сегодня погибнуть не должен. Нет, Ахеменид не жалел себя и не боялся сегодня увидеть смерть. Ведь тогда он исполнит то, что в тайне желал, придя сюда. Увидит Кассандану. Но что он скажет ей, глядя в глаза? Скольких невинных жертв стоит будет эта встреча?

«Даже Ахеменид совершает глупости» — с горечью подумал царь и решительно вознамерился вывести людей из западни, в которую сам их привел.

— А если я предложу мир на твоих условиях? — невозмутимо спросил он.

Персы в очередной раз переглянулись.

Томирис же презрительно бросила:

— Трясешься за свою жизнь, великий?

— Нет, — он и бровью не повел, — за своих людей.

— И что же ты предлагаешь?

— Отправить гонца. Пусть привезет твоего сына из плена в обмен на жизни моих людей...

Злобный смех прервал Кира. Томирис расхохоталась на весь лагерь. Ее гогот подхватил ветер и разнес по округе зловещим эхом.

— Ты держишь меня за глупую мышь, Ахеменид?! Чтобы я позволила тебе привести сюда помощь?

— Они не успеют, — спокойно возразил царь, — твой самый быстрый гонец с посланием от меня. А пока мы заключим мир. На твоих условиях, — последние слова он выделил.

— И взамен ты просишь отпустить вас?

Кир кивнул.

«Я встречу с тобой, Кассандана. Обязательно встречу. Но сперва спасу тех, кого подвел».

На сей раз Томирис размышляла дольше. Около минуты. Она опустила голову на грудь. Лошадь под ней нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и цокала копытами, высокомерно поглядывая на людей перед собой. Массагеты, окружившие персов, держали луки наготове. Все были напряжены, как тетива перед спуском.

Наконец, царица подняла взгляд и посмотрела на Кира. Тот ожидал, что условия окажутся тяжелыми. И не ошибся.

— Пока я жду возвращения Сагарписа, ты, Ахеменид, мой пленный. И, как уже сказала раньше, бойца на царя я не меняю. Потому ты сможешь уйти только после заключения мира на моих условиях и клятвы перед богами, что никогда его не нарушишь.

— Каковы условия?

— Вы оставляете сако-массагетские степи, и с этого дня ни одна нога перса не должна переступить за правый берег реки Охом[1]. Выплатить дань общим весом в два человека, и никогда, — она сощурилась, — никогда не возводить укреплений на наших границах.

Кир почувствовал, как кровь начинает отливать от лица и постарался быстро овладеть собой.

Отступить за Охом... это значит, что Томирис требовала оставить ей не только степи, но и Маргиану, большую часть Согдианы и Бактрии. Огромная дань была куда меньшей проблемой. А отсутствие укреплений на границе позволит массагетам и дальше безнаказанно совершать набеги на земли империи.

Ахеменид это понимал. И Томирис, судя по самодовольной ухмылке, тоже. Оставался всего один вопрос — готов ли царь на столь унижительные условия ради спасения людей?

Кир еще сам не осознал того, но постыдное преклонение перед кочевниками пробудило в нем жажду отмщения. И оно смогло заглушить на время боль утраты. Разум полностью прояснился и заработал, как раньше.

«Главное сейчас — выбраться из западни. Остальное — дело поправимое».

— Так каков будет твой ответ, великий? — вопрос прозвучал не менее издевательски.

Сжав ладони в кулаки, Кир с трудом заставил себя ответить. Ровно и беспристрастно.

— Я принимаю эти условия, царица Томирис. Если ты позволишь нам уйти.

Персы вновь переглянулись. Они испытывали полное замешательство и изумление, не совсем понимая, как воспринимать происходящее. Гордость за любимого владыку, поступившего многим ради них, смешалась с горечью унижительного поражения. Бойцы хотели наброситься на врагов. Разорвать многих ценой своих жизней. Быть может, дотянуться и до самой воительницы, презрительно взирающей на них с коня. Но не смели. Не смели послушаться приказа.

— Я позволю, — ухмылка медленно сползла с ее лица, голос снова стал металлическим, — лишь когда увижу Сагарписа перед собой. Но если того не случится... — ее перекосила

злая гримаса, — то клянусь богом солнца, владыкой массагетов, я напою тебя кровью, Ахеменид!

[1]Охом (Атрек) — река на границе современных Ирана и Туркменистана.

Глава 17

Жаркое, вавилонское солнце. В самые горячие дни оно способно испепелить землю, нанести тепловой удар и заставить растения увядать. Когда дневное светило достигает зенита, тени исчезают с улиц, а вместе с ними — и все горожане. Жители предпочитают пережить пекло под крышами домов, в прохладе стен и с кувшином пива, вкушая холодные фрукты. Полдень — день тишины и безлюдья. И именно это время выбрала Атосса для поиска ответов на вопросы, несмотря на то, что зной заставлял выступать неприятную испарину на лбу. Зато никто не станет отвлекать и окружать лишним вниманием. Но это вовсе не значило, что царица собиралась отправиться в город одна.

Она боялась Бардию. До сих пор не осознав истинной причины. Боялась. И такая неизвестность пугала сильнее самой страшной правды.

Медленно вышагивая вдоль подножия лестницы дворца, девушка отрешенно осматривала висячие сады, но не поражалась красоте. Не слышала тихого журчания воды. Не чувствовала спасительной прохлады и легких дуновений с ароматом зелени, приятно освежавших в полдень. Не видела вялого колыхания листьев. Разум ее был сосредоточен на думах, а вызванный отряд персидской стражи, со щитами и копьями, неотрывно наблюдал уже за ней. Словно чувствуя на себе их взгляд, Атосса держала спину прямо и не позволяла страху проявиться ни на лице, ни в движениях. Лишь бледность выдавала волнение, но любой встречный принял бы ее за переживания из-за смерти матери. Тем более они не оставили ее в покое. Не могли оставить...

Раздались тяжелые шаги. Царица едва заметно вздрогнула и обернулась. По ступенькам спускался Бардия. Вальяжно и неторопливо, с чувством собственного достоинства. Левая ладонь покоилась на рукояти меча, и, похоже, ощущение оружия доставляло ему удовольствие. Завидев сестру, царевич улыбнулся. Улыбка вышла... странной. С виду это был ее брат. Но что-то оставалось не так.

Атосса нашла в себе силы сдержанно улыбнуться в ответ. Слабый порыв ветра чуть всколыхнул подол ее синего одеяния. Свободного, из льна, чтобы не было так жарко. Но предательская испарина все равно проступила на лбу сильнее.

Заметив отряд стражников, царевич на секунду остановился, потом продолжил спуск. Еще медленнее. Улыбка стала чуть шире.

— Зачем нам столько воинов? Думаешь, я не смогу один защитить тебя?

— Всякое может произойти на улицах города, — пожала плечами Атосса, сложив руки перед собой, — лучше подумать обо всем заранее.

— Ты чего-то боишься? — тяжелые сапоги преодолели последнюю ступень, пристальный взгляд Бардии впился в девушку, когда он остановился в нескольких шагах от нее. — Или кого-то?

Как ни старалась Атосса призвать на помощь всю выдержку, она не смогла не отвести взгляда. Слишком пронизывающим оказался взор Бардии. Настолько, что посреди зноя по коже пробежал неприятный холодок.

— После покушения на тебя, можно ожидать всяких подлостей со стороны, — тем не менее ровным тоном ответила она, делая вид, что наблюдает за работой садовников, — охрана лишней не станет. Да и убийца может прятаться где-то рядом. Кто знает, вдруг он безумен? Что происходит в голове с помутившимся разумом только боги ведают.

— Убийца? Разве стражники сказали, что кого-то убили?

Тон царевича оставался спокойным, с легким налетом интереса. Атосса испытывала растерянность, но старалась не подавать вида. Первый камень пролетел мимо цели.

— Нет, но я намерена проверить, так ли это на самом деле? Чтобы полностью во всем удостовериться. Люди могут ошибаться.

— Ты права, сестра, — на долю секунды в голосе царевича зазвучала насмешка, — люди могут ошибаться.

Атосса обернулась через плечо. Все с той же осторожной улыбкой, царевич выжидал неподалеку.

— Потому стража отправится с нами, — тихо повторила она.

Всем своим видом показывая полное равнодушие, Бардия пожал плечами:

— Как скажешь.

— Хорошо. Тогда не станем надолго задерживаться и отправимся в путь. Возьмем лошадей...

— Напомни еще раз, куда мы?

— Сначала главный дом воинов в Вавилоне. Хочу расспросить о судьбе тех двух несчастных, что отдали души богам во сне. Потом посетим место гибели конника Артавадрии.

— Это недалеко отсюда, — подметил царевич и с легким нажимом добавил, — лошади не нужны, пройдем пешком.

Девушка вскинула правую бровь:

— Откуда тебе известно, что недалеко?

— Я же не раз бывал в доме воинов, — хмыкнул брат, — или ты о чем другом подумала?

— Неужели ты заставишь меня идти по жаркому солнцу? — пропустила мимо ушей она встречный вопрос. — Последние дни... подточили мои силы.

— А ты когда-то жаловалась на их отсутствие?

Вновь эта осторожная улыбка, и ответное послание, которое звучало двояко. Атосса никак не могла понять, насмехается Бардия или спрашивает серьезно? И если последнее... почему не знает ответ?

— Ты... — начала было она, в мыслях уже придумывая способ подловить брата, как он ее опередил.

— Донесу на руках, так и быть. Если почувствуешь себя плохо. Или возьми... носилки.

— Паланкин? — оторопело уточнила царевна.

— Он, — кивнул Бардия.

— С каких пор ты стал сторониться конных прогулок?

— После неудачной охоты, — царевич спокойно выдержал ее взгляд.

Атосса же внезапно спросила:

— Ты что, стал бояться лошадей?

Бардия сощурился, в его зрачках вспыхнул нехороший огонь.

— Нет, — и зловеще добавил, — это они стали бояться меня.

Девушка вздрогнула и отступила на шаг:

— Что ты хочешь сказать?

— Наверное запах львов остался на мне, — как ни в чем не бывало ответил брат, — вот и пугаются теперь. Запах хищников проходит долго.

— Не стану спорить, — чуть помедлив с ответом и овладев собой, молвила Атосса, — тебе лучше знать о повадках и аромате этих диких животных, столько раз охотился на них.

— Да, сестра, — подтвердил Бардия и внезапно ухмыльнулся. Злобно. С прищуром. — Я и сам хищник.

Ухмылка была на лице брата всего мгновение, но она заставила царевну похолодеть. Видимо, кровь невольно отхлынула от ее лица, ибо царевич учтиво поинтересовался:

— Тебе плохо? Может, стоит отменить прогулку? Или могу понести тебя прямо сейчас.

— Нет! — чуть поспешно возразила она и, сжав кулаки, решительно направилась к выходу с площади. — Мы не станем терять время. Со мной все хорошо.

Атосса не обернулась, потому не видела, как Бардия вновь ухмылялся ей вслед. Когда же брат поравнялся с ней, а позади раздался дружный топот сапог охраны, вид царевича снова был равнодушным и скучающим. . . пока они не приблизились к воротам, и под ноги Атоссе не бросился один из местных садовников. Царевна резко остановилась и ахнула от неожиданности. Она услышала, как несколько стражников обнажили клинки, и вскинула руку, повелевая им остановиться. Павший перед ней ниц человек выглядел совсем безобидным. Простая рубаша, опоясанная кожаным ремнем, была покрыта пятнами то ли пота, то ли воды. В растрепанных волосах цвета угля виднелись частички трав и растений, что выдавало род занятий с головой.

— О, прекрасная! О, божественная! — пролепетал он, глотая пыль. — Позволь обратиться к тебе!

Царевна невольно покосилась на Бардию. Тот наблюдал за происходящим с полным равнодушием. Если не считать пляшущих огоньков в глазах. Словно брат молчаливо одобрял поведение садовника и даже получал от этого наслаждение.

— Я очень спешу, слуга вавилонских садов, — мягко ответила она, обращаясь к человеку, — но могу уделить тебе минуту, если твоя просьба очень важна.

Садовник выпрямился, оставаясь стоять на коленях. В жесте мольбы протянул к Атоссе мозолистые руки.

— О, прекрасная! О, божественная! — взор его светился надеждой. — Только к тебе смею обратиться я! Ибо о доброте твоей, достойной самого великого Ахеменид, слагают песни! А почтенный Камбиз не станет снисходить до такого жалкого раба, как я.

Царевна нахмурилась, и садовник, поняв, что сболтнул лишнего, чуть стушевался и уже вновь хотел пасть ниц, как девушка напомнила.

— Меня ждут важные дела. Посему излагай, пожалуйста, свою просьбу быстрее.

— Я, прекрасная, я, божественная, с прошением милостивым к тебе! — залепетал садовник, стараясь поскорее изложить суть. — Позволь мне и другим слугам садов возвести рядом с ними памятную надпись. Что великий Навуходоносор создал сие творение в дар супруги своей, дабы та не тосковала по своей родине.

Человек умолк и с еще большей мольбой да надеждой воззрился на Атоссу, словно перед ним предстала сама богиня во плоти.

Царевна же, несмотря на то, что разум ее занимали совсем иные думы, оказалась удивлена просьбой садовника. Даже испытала замешательство, чтобы отойти от которого понадобилось несколько секунд.

— Но... но зачем ты спрашиваешь моего разрешения на подобное дело?

— О, прекрасная! — завел старую песнь садовник. Атоссе очень хотелось оборвать и поторопить, но она всегда придерживалась правила быть вежливой со всеми. Даже с теми, кто по статусу считались недостойными. — О, божественная! Разве могу я или кто еще без веления Ахеменид возводить надпись, что восхваляет кого-то, помимо дома твоего?

— Наш дом тем и славится, что с уважением и почитанием относится к величию прошлого и тем, кто это прошлое создавал, — мягко заметила Атосса и ободряюще улыбнулась.

— Значит ли сие, что мы можем воздвигнуть памятную надпись? — глаза садовника засветились счастьем.

— Можете, — кивнула царевна, — никто не станет этому препятствовать. Благие дела должны не только вознаграждаться, но и поощряться. Только почему вы решили возвести именно эту надпись? Неужели ты думаешь, что Ахемениды настолько невежды и несведущи в том, кто построил эти чудесные сады?

Лицо садовника на миг окаменело. Он облизал губы и опасливо покосился на Бардию. Атосса проследила за взглядом слуги. Царевич стоял с тем же скучающим видом и, кажется, происходящее его ничуть не заботило. Даже огонь в глазах потух.

— О, прекрасная... — засипел садовник, — о, божественная... да чтоб отсох мой язык, я б никогда...

— Я удовлетворяю твою просьбу, — резко перебила царевна и демонстративно прошествовала мимо, — а сейчас меня ждут неотложные дела. Возвращайся и ты к своим.

— Безгранично милосердие твое!.. — понеслось ей вслед, но через секунду голос слуги утонул в топоте телохранителей.

Их небольшая процессия вступила под спасительную тень от арки ворот, когда девушка как бы невзначай обронила:

— Удивлена, что ты не знал, кто и для кого воздвиг сады Семирамиды.

— Никто не может знать все, — пожал плечами Бардия.

— Разве учитель прошлого, которого в детстве приставил к тебе папа, не рассказывал об этом?

— Может и рассказывал, да я забыл. Я воин, а не ученый. Это тебе в текстах жить за радость, мудрая сестра.

Царевна вновь посмотрела на брата, пытаясь понять, издевается тот над ней или нет? Бардия выглядел учтивым и приветливым. Ни намек на иронию или шутку. Потому Атосса поспешила отвернуться.

Они как раз миновали ворота и вышли на улицы Вавилона. Тихие и безлюдные в полуденный зной. Даже несмотря на тонкую одежду, царевна ощутила жар. Взор остановился на величественных стенах и воротах богини Иштар, украшенных синей глазурью да рельефами быков. Атосса не хотела, чтобы Бардия видел сейчас ее лицо. Ей нужно несколько мгновений, дабы овладеть собой.

Нет, царевну смутило не то, что брат не помнил рассказов учителя. Дело в том, что папа *никогда* не приставлял к Бардии такового! Кир видел в младшем сыне воина, а не писца.

Она чувствовала его пристальный взгляд на своем затылке. И он жег не менее сильно, чем беспощадные лучи с белесого небосвода. Сердце учащенно билось в груди.

«Что с ним? Что с ним? Что с ним?».

Атосса не могла ответить на этот вопрос. Страх подступил к горлу. С превеликим трудом она заставила себя его проглотить. Атосса не могла ответить...

...Как и он не мог залезть к ней в душу и увидеть все. Но так желал. О, как же он желал! Отдал бы многое за обладание лишь частичкой способности собрата заглядывать в разум другого. Разум сильного. А она сильна. Он чувствовал это. Как и то, что она его боится. Подозревает неладное. Но не мог решить вопросы сейчас. Нельзя. Слишком мало сил. И слишком далекая цель.

«Ждать. Ждать и быть осторожным».

Хищный оскал обнажил белые зубы, когда царевна снова обернулась к нему...

...Она вздрогнула, ибо на секунду показалось, что Бардия зловеще улыбается... а колебания зноя над его лбом сливаются в жуткие рога.

Девушка чуть тряхнула головой. Та слегка закружилась, выступил холодный пот.

— Говорил, надо было взять носилки, — донесся до слуха учтивый голос брата.

Атосса сжала руки в кулаки и заставила себя проговорить:

— Со мной все хорошо. Идем. Наш путь лежит к царскому дому воинов.

Уверенно, насколько могла, она направилась на юг. Бардия последовал за ней. Он уже знал дорогу. И в очередной раз пожалел, что не мог заглянуть внутрь этой головки.

«Пока. Как говорят люди? Красота и ум не могут быть вместе? Вот еще одио доказательство того, что они безнадежно тупы. Вот — красота и ум, идут передо мной. И она должна принадлежать тому, кто этой красоты достоин. А не жалким смертным».

Его не смущал топот ног телохранителей. Он сможет разделаться с каждым, если захочет. Но тогда потеряет дорогу к цели. А этого допустить нельзя. Никак нельзя. Его не смущала стража. Но он видел, как пугает *ее* его взгляд. И это не могло не вызывать усмешки.

Вышагивая по пустой улице и чувствуя даже сквозь сандалии, как раскалена мостовая, Атосса вдруг поймала себя на мысли, что хочет вернуться во дворец, в спасительную прохладу. А вся эта прогулка утратила смысл. Она уже знает, что с Бардией что-то не так. И нет никакой уверенности в том, что ее затея прольет свет истины на тайну, которую скрывает брат. Царевна подавила слабость. Вновь вспомнила слова отца — смело смотреть в глаза трудностям. Нет. Раз она решила, значит доведет задуманное до конца. И кто знает, быть может, сегодня Ахура-Мазда пошлет ей знак, как добраться до правды?

Пребывая во власти смятения и тяжких дум, Атосса не заметила, как солнце миновало зенит, а их процессия вступила на земли казарм. Местный командир был искренне изумлен, заведя в таком месте и в такое время старшую дочь Ахеменид, и не пытался этого скрыть. Однако не осмелился задавать вопросы. Даже когда царевна настойчиво попросила побеседовать с караульным, несшим службу в ночь таинственных смертей. Сама девушка испытывала сильную усталость. Ноги налились свинцом, но она стойко не показывала вида, несмотря на то, что палящие лучи пекли голову, а пристальный взор брата — затылок.

— Ты куда не отлучался с этого места? — спросила она стражника.

Тот, держась за копьё, поклонился чуть ли не в пояс:

— Никуда, моя госпожа. Всю ночь провел у входа. Это мой долг. Моя служба.

— Я не сомневаюсь в твоей порядочности, — улыбка на бледном лице царевны выглядела вымученной. Командир, стоявший чуть поодаль, был готов в любой миг прийти на помощь, если почетной гостье станет плохо. — Скажи, никто не проходил мимо тебя? Кто-нибудь незнакомый?

— Нет, — заверил воин, не поднимая головы, — иначе я бы не пустил его ценой своей жизни!

— И ты так и стоял здесь всю ночь?

— Да, госпожа.

— Не сомкнув глаз?

Стражник вздрогнул, и это не укрылось от Атоссы. Воин затравленно покосился на командира. Тот насупился. Весь вид его говорил о том, что подчиненному не поздоровится, если выяснится, что он спал на посту.

— Если скажешь правду, — мягко молвила царевна, — то избежишь наказания.

— Моя госпожа...

— Даю слово дома Ахеменид. Просто скажи. Ты не смыкал глаз той ночью?

Воин еще раз бросил взгляд на хмурого командира. Потом пробежался взором по царевичу Бардии. Тот стоял позади Атоссы и со скучающим видом осматривал плац.

Наконец стражник встретился глазами с девушкой и, увидев в них ободряющий огонек, решился.

— Смыкал... моя госпожа.

Глава 18

Рустам сидел на ложе, устремив отрешенный взор в полумрак. Сквозь щель полога шатра пробивались лучи рассвета. Лагерь медленно просыпался. Все больше голосов звучало вдали, заглушая шум падающей земли. Земли, что осыпалась на дно могилы, где высокомерный массагет нашел свое последнее упокоение... и последнее слово тоже осталось за ним. Но не это бередило душу персидскому воину в утренний час.

Почему он поддался чувствам? Гневу? Ведь видел, что Сагарпис пытается вывести его из себя ради собственной выгоды. Сын Томирис наступил на самое драгоценное. На беззаветную преданность к Киру. Веру в его благородство и величие. Позарился на святое. На любовь к Роксане. Но только ли в этом дело? И оправдывает ли это его, Рустама?

Конник сцепил пальцы.

Нет, он не должен был так поступать, каким перед глазами враг ни представлялся. Как бы его, Рустама, ни испытывал. И он не выдержал. Не справился с этим испытанием и посрамил заветы повелителя.

«Я несдержан, недостойн и глуп» — пронеслась мысль в голове.

Однако через миг конник отринул ее.

«Нет! Это не так! Я воздал врагу по заслугам! Он не должен был зариться на священное! Священное для меня! Сагарпис получил то, что заслуживал. И разве сейчас, по моему приказу, ему не оказывают достойные почести?! Почести, которых он не заслужил! Я великодушен и милосерден. И это вовсе не глупости».

Рустам прикрыл веки, медленно выдохнул. Впервые за прошедшую ночь к нему начали возвращаться ясность ума и душевный покой. Несмотря на то, что перс не сомкнул глаз, он ощутил бодрость и прилив сил. словно тяжкий груз свалился с плеч. Потому, заслышав голоса, он резко поднялся и уверенным шагом направился к выходу.

Откинув полог шатра и приняв на себя теплые лучи наступающего дня, конник с легким изумлением расслышал массагетскую речь. Скосив взгляд на север, он невольно ухватился за рукоять меча.

Среди палаточных рядов прямо к нему продвигался кочевник. В полном вооружении и доспехе. Правда, в сопровождении персидских воинов, но массагет, при оружии и не связанный, посреди лагеря Ахеменид вызывал искреннее удивление и настороженность.

— Сказал же тебе, — раздраженно молвил один из людей Рустама, — не понимаем мы твоего степного говора! Раз явился сюда и хочешь говорить с нашим байварапати, утрудись говорить на том языке, на котором тебя поймут!

Не убирая пальцев с рукояти клинка, Рустам развернулся корпусом к загадочному незнакомцу, всем видом демонстрируя холодное равнодушие и то, что массагету здесь не рады.

— Вы поймали вражеского соглядатая? — сурово спросил он у своих и нахмурился. — Почему он до сих пор не связан и при оружии?

— Это не соглядатай, господин.

Люди остановились в нескольких шагах от командира, давая тому как следует их рассмотреть. Пристальным взором Рустам прошелся по кочевнику. Внешне он ничем не отличался от соплеменников. Конусный шлем, покрытый грязью, тускло блестел в лучах рассвета. Чуть растрепанная борода покачивалась на вялом ветру. Завершали облик стеганая рубаха вместо доспеха, обоюдоострый клинок на поясе и плотные штаны. Только лицо заставляло насторожиться — слишком оно было самодовольным для человека, осмелившегося явиться во вражеский лагерь.

— Не соглядатай? А кто же это?

— Я посланник мира, — хрипло, на ломаном персидском, ответил массагет, не отводя взора от Рустама.

Бровь конника взмыла вверх. Он еще раз с интересом осмотрел прибывшего.

«Посланник мира? Неужели это значит... что великий Кир догнал-таки Томирис и сокрушил ее?».

Волна радости захлестнула воина, но он ничем себя не выдал.

— Персы всегда рады посланникам, что приходят с миром, — снисходительно ответил он, — жаль, что для этого пришлось начать войну.

Массагет никак не отреагировал на колкость и продолжал невозмутимо смотреть на Рустама. Это начинало раздражать.

Внешне спокойный, конник приглашающим жестом указал на шатер:

— Обсудим условия, по которым Империя согласится принять твой мир, посланник.

Однако массагет не шелохнулся. Более того, через миг он расплылся в усмешке, от которой Рустаму сначала стало не по себе, а затем волна раздражения накрыла с новой силой.

— Я здесь не для того, чтобы выслушивать твои условия, перс, — ответил он, — а для того, чтобы озвучить требования царицы Томирис.

Воины напряглись и ухватились за мечи. Кочевник этого даже не заметил. Он не сводил взгляда с конника, который в очередной раз за последние сутки ощутил острое желание зарубить противника клинком.

— И что же за условия шлет нам царица Томирис? — тем не менее, вежливо поинтересовался Рустам.

«Ничего не понимаю... где же тогда повелитель?».

— Она требует немедленного освобождения своего сына из плена.

Коннику почудилось, что он ослышался:

— Повтори, что ты только что сказал, массагет?

Сохраняя самодовольный вид, тот невозмутимо бросил:

— Царица Томирис требует освобождения своего сына. Это одно из условий мира.

— Одно из?!

Рустам едва не задохнулся, но вовремя взял себя в руки, вплотную подошел к гонцу, испепеляя его взглядом:

— Ты не в том положении, чтобы требовать подобное, степняк! Ни ты, ни твоя царица! Весь свет массагетского воинства покоится в двух шагах отсюда, а великий царь Ахеменид вот-вот придушит змею своим сапогом...

Конник умолк, ибо массагет разразился хриплым смехом. Его ничуть не смущал целый отряд бойцов, готовых наброситься на него в любой миг.

— Не Ахемениду душить гадов, — успокоившись, проговорил кочевник, — ибо сам он угодил в ловко расставленные сети.

— Что?!

Рустам метнулся было к нему, но замер на полушаге, когда увидел в руках врага глиняную табличку, которую тот протягивал ему. Рваным движением конник выхватил ее и поднес к глазам, силясь разглядеть письмена в рассветном сумраке. Он сразу узнал манеру письма повелителя, и от этого екнуло сердце. Когда же взор опустился вниз, в конец послания, оно и вовсе билось так, словно сейчас идти в кровавый бой. Перс почувствовал, как кровь стремительно покидает лицо и приливает к затылку. Подняв голову, он столкнулся со взглядом массагета. Тот заметил бледность конника, и теперь ухмылялся еще омерзительнее. Словно сытый кот, стащивший рыбу с прилавка. Прекрасно понимающий — ничего ему за это не будет.

— Если я не явлюсь с господином Сагарписом под очи царицы Томирис к мигу, когда бог Солнца достигнет половины пути, ты больше никогда не увидишь своего Ахеменида.

Руки Рустама опустились. Пальцы разжались, выронив табличку. Та беззвучно упала в степную траву. Никто не обратил на это внимания. Персы, полностью ошеломленные, переводили взгляд то на гонца, то на своего командира. Тот стоял бледнее самой смерти и не мог вымолвить и слова. Словно разум мгновенно покинул его тело. Хриплый голос кочевника вывел из оцепенения.

— И я знаю, что господина Сагарписа больше нет.

Рустам вздрогнул и воззрился на врага. Массaget не улыбался. Глаза налились злобой.

— Имеющий уши, да услышит, — медленно проговорил он, — никто из твоих людей, перс, не делал тайну из случившегося. Мы ответим за ваше хваленое милосердие тем же. Око за око. Зуб за зуб.

С этими словами, он выхватил меч, но не успел им воспользоваться. Сразу несколько клинков пронзили бок, спину и грудь. Кровь обагрила рубаху. Массaget со стоном завалился назад, но глаза продолжали источать лютую ненависть. Даже когда он рухнул недвижимым в низкую траву.

Наступило полное безмолвие. Словно весь лагерь разом вымер, и только тихие порывы ветра шелестели зелеными колосьями да стенками шатров. Воины не сводили глаз с мертвого кочевника, не в силах поверить в услышанное.

И лишь когда свет Ахура-Мазды полностью разогнал тьму, тишину взорвал оглушительный рев.

— На север! Немедленно!

Внешне спокойный, Кир сидел натянутым, как тетива. Взгляд подмечал все детали, что попадались в сумрачном шатре. И взор то и дело возвращался к Томирис, с вальяжным видом восседавшей напротив. Царица скрестила ноги и, изящно придерживая глиняную плошку, попивала молоко.

— Не пользуешься моим радушием, Ахеменид, — с легкой издевкой, подметила она, — тебе ли не знать, что сидеть голодным за столом — оскорбление хозяина?

Кусок в горло не лез. Особенно, когда ты знаешь, что позади стоят четверо крепких и вооруженных бойцов, твои же люди связаны и ночевали под открытым небом, а ваши жизни зависят от гонца, который должен прибыть в ближайший час.

Бесшумно выдохнув, царь заставил себя прикоснуться к жареному лещу и закинуть несколько кусочков в рот. Рыба была вкусной, даже сладковатой, но множество костей портили аппетит не менее сильно, чем стража за спиной.

— Тебе не нравится наша еда, — констатировала Томирис, делая еще глоток.

— Просто место и время неподходящие, дабы оценить истинный вкус, — невозмутимо ответил Кир.

Он вынул кости изо рта и аккуратной горкой сложил в тарелке. Пододвинул тупой, деревянный нож и попробовал отрезать кусочек побольше. Получилось.

— Не я их выбирала.

— Но тому способствовала.

Заглотив пищу, Кир вновь посмотрел на Томирис. Она отставила плошку и пронзительно вперилась в него. Лицо стало холодным. Каменным.

— Я не хочу больше это обсуждать, Ахеменид. И... — царица выждала паузу, — нам больше вообще нечего обсуждать.

— Гонец еще не прибыл, — спокойно возразил Кир.

— Прошло достаточно времени, — обрубил царица, — солнце пересекло зенит с час назад. А это значит, — ее глаза сузились, тон перешел в грозное шипение, — мой сын мертв.

— Дай еще немного времени, — Кир так и не отпустил нож, — их многое может задержать в дороге.

Несколько секунд Томирис молчала. Он слышал ее учащенное дыхание. Затем голос, полный смертельного яда, разорвал тишину.

— Больше твоя хитрость никого не обдурит, Кир Ахеменид. Ни твое благородство, ни прославленное милосердие. Я обещала напоить тебя кровью, и я это сделаю, ведь за ней ты сюда и пришел. Так получай же!

Затылком Кир уловил колебание воздуха. Царь вскочил до того, как лязгнул бронзовый меч, выходя из ножен. Миг — и нож проткнул горло ближайшему массагету. Кир не знал, смертельна ли рана, слишком тупое лезвие. Но неожиданность и боль, что испытал враг, позволили выхватить его клинок. Царь пихнул противника на двух других, и все трое повалились на пол шатра. Путь преграждал лишь один.

Звон скрещенного металла. Несколько взаимных ударов и выпадов. Кир спешил, дорога каждая секунда. Еще два выпада, заставил кочевника раскрыться и вонзил меч под сердце. Тут же вынул, не стал смотреть на павшего, стрелой вылетел наружу, сбив того, кто пытался ворваться в шатер на шум. Не давая опомниться, стукнул лбом прямо в нос. Брызнула кровь, массагет застонал. Кир вскочил на ноги и пронзил сердце врага. Развернулся, чтобы через миг отбить удар подоспевшего стража. Лязгнул металл. Несколько блоков. Звон сотряс тишину, но через секунду к нему примешались множественные крики. Краем глаза царь заметил, как выбежавший из соседнего шатра кочевник целится в него из лука. Царь ускорил натиск. Парой ловких приемов обезоружил противника и прикрылся им как щитом. Вовремя. Стрела вонзилась в плоть, массагет охнул, начал оседать.

Кир не стал ждать, толкнул тело под ноги выбежавшим врагам и юркнул в ближайший проход меж палаток. Несколько стрел со свистом рассекли воздух в локте позади. Прошили ткань шатров, но чудом не задели. Кир бежал дальше. Цепкий взгляд резво озирался по сторонам, ожидая нападения в любой миг. Ахеменид не знал, где держат его людей. Искать их сейчас среди лагеря, кишашего кочевниками, было безумием. Потому царь решил сначала выбраться, и только потом приступить к поискам.

Справа выскочил массагет и взмахнул клинком. Кир поднырнул под удар, резанул по руке противника. Тот вскрикнул и выронил меч. Конечность повисла вдоль тела. Враг не успел ничего предпринять — царь перерезал ему горло.

Стан переполошился и гудел, словно потревоженный осиный рой.

С пересохших уст Кира срывалось хриплое дыхание. Несмотря на опыт и дух, силы истощились. Годы, поражение и скорбь давили к земле, подобно яростному ветру. Но, стиснув зубы, он бежал дальше. Бежал в одном направлении, надеясь рано или поздно выбраться из лагеря... пока не увидел впереди двоих из своих людей. Персы стояли на коленях, их руки были связаны за спинами. Лица напряжены, но светятся надеждой. Завидев Кира, они дернулись в инстинктивной попытке освободиться. Рядом находились два кочевника. Они тут же повываивали мечи.

Неловкий выпад первого царь отбил мощным ударом и вспорол массагету живот. Противник взвыл от боли, пытаясь удержать вывалившиеся внутренности. Кир не стал за этим наблюдать, схлестнулся в схватке с другим. Тот оказался непрост. Перс спешил, ибо настигнуть его могли в любое мгновение. И массагет этим пользовался. Ловко блокировал удары и уходил от атак, слегка пританцовывая вокруг. Нарочно тянул время. Уклонился от двух рубящих выпадов и провел свой, для вида. Сквозь лязг оружия и крики пробился топот копыт. Драгоценные секунды утекали, как песок сквозь пальцы. Кочевник вдобавок злобно ухмылялся.

Поджав губы, Кир пошел в решительную атаку. Сделал вид, что вновь будет рубить. Массагет отпрыгнул, но недостаточно далеко. И тогда царь резко изменил движение и кольнул в шею. Лезвие пронзило кожу над кадыком, вошло неглубоко, однако этого хватило, чтобы на

секунду заставить врага оцепенеть. Ударом ноги таким, что хрустнули кости, Кир выбил клинок из руки кочевника и вогнал меч в грудь, с яростью повернув. Через миг клинок вышел из раны с неприятным скрежетом, словно касаясь ребер. Усмешка больше не играла на побледневшем лице массагета. С громким присвистом он оседал на землю, а царь в это время уже добивал второго вопящего врага.

Дыхание совсем сбилось. Ноги дрожали. Пот заливал лицо. Но Кир не мог позволить себе медлить. Он подбежал к персам, полоснул по путам одного.

— Где остальные? — сквозь свистящие вдохи и выдохи спросил он.

— Нас разбросали по всему лагерю! — стараясь перекричать гам, ответил боец.

— Что?! — царь принялся освобождать второго.

— У них приказ! Если возникнет опасность, убить всех, чтобы ты не успел никого спасти, мой царь!

Кир замер. Поднял взгляд на говорившего и только потом перерезал веревки на кистях второго. Почувствовал, как остатки сил медленно начинают покидать тело.

В этот миг ко всеобщему хаосу добавились вопли. Царь не мог знать наверняка, но почему-то ответил сам себе, что осознает их источник. Пальцы, сжимавшие рукоять, дрогнули.

С тихими стонами, растирая руки, персы поднялись и почти тут же подхватили оружие павших врагов.

— Уходим, господин!

Царь не ответил. Тяжело дыша, он смотрел в одну точку и не видел больше ничего.

— Господин, уходим! Нам не спасти их! — рискнул и едва ли не в ухо проорал перс.

Кир вздрогнул, осмотрел стоявших перед ним бойцов, взволнованных и напряженных.

«Мне еще есть кого спасать... еще есть кого спасать».

— Ты прав, храбрый юноша. Позже предадимся скорби...

Внезапно один из воинов рванул за спину царю. Тот обернулся и увидел, как конный лучник пронзает выстрелом грудь перса. Еще трое всадников показались с других сторон, завершая окружение.

Юноша, что еще несколько секунд назад осмелился поднять голос на повелителя, бросился с мечом наперевес к ближайшему врагу. С уст парнишки сорвался воинственный клич. Боец попытался дотянуться до кочевника, дабы стащить с седла, но тот поднял коня на дыбы, и животное опустило передние копыта на голову храбрецу. Крик прервался, юноша рухнул на землю и замер. По побледневшему лицу заструилась кровь. И точно такими же струями обливалось сердце Кира.

«Все... они все пали по моей вине».

Он обвел врагов отрешенным взглядом. Врагов, что целились в него из луков. Внезапно в лагере наступила тишина. Тишина, которую прервал истошный вопль.

— Я обещала! Я обещала, Ахеменид, что напою тебя кровью, за которой ты пришел!

Томирис пробиралась сюда, ее лик искажала звериная гримаса.

Крепко сжав меч, так, что костяшки побелели, царь шагнул ей навстречу. Разум и сердце внезапно очистились. Стрела, вонзившаяся меж лопаток, не сбила с ног. Не сделала это и та, что проткнула левое плечо. Томирис успела поднять клинок в блоке. Лязгнул металл. Еще две стрелы пронзили тело царя. Он почувствовал во рту вкус крови. Несколько блоков, выпадов. Меч в руке тяжелел, словно с каждой секундой прибавлял в весе. Очередная стрела. Взгляд помутился. Кир моргнул. На секунду ему показалось, что вместо перекошенного яростью лица Томирис он видит знакомые черты. Столь любимые когда-то.

«Кассандана».

Очередной удар был отбит им произвольно. Видение исчезло, и перед тем, как взор померк, Кир увидел лик Томирис, полный торжества. Клинок царицы и еще одна стрела пронзили грудь одновременно.

Глава 19

Повисла пауза, прерываемая лишь приглушенным гомоном воинов да лязгом оружия на тренировочном плацу.

Стражник отводил взгляд. Щеки налились пунцовой краской. Пусть он получил слово старшей дочери Ахеменид, стыд за собственный проступок пересиливал надежду, что все обойдется. К тому же недвусмысленный взор командира казарм намекал — нет, не обойдется. Именно он первым и нарушил тягостное молчание.

— Моя бы воля, заклеил бы тебе рожу, — процедил командир сквозь зубы, — причем всю. Чтоб каждый знал, какой ненадежный шакал перед ним.

— Ошибки допускают все, — мягко возразила Атосса, — даже управители. Не ошибаются только боги. К тому же я дала этому человеку слово. Будем считать, что он искупил свою вину честностью.

— Да, Твое Высочество, — кивнул командир, — потому он отделается розгами.

Атосса нахмурилась и покосилась на него, вынуждая замолчать:

— Я обещала, что он избежит наказания, и так оно и будет. Запомните это, пожалуйста. Стараясь скрыть недовольство, командир поклонился ниже.

Царевна же обернулась к стражу:

— Можешь вспомнить, надолго ли тебя сморил сон?

— Нет, моя госпожа, — сокрушенно покачал головой тот.

Атосса на минуту задумалась, покусывая нижнюю губу, потом решительно молвила:

— Я хочу побеседовать с теми, кто был в ту ночь внутри.

Глаза командира вылезли из орбит:

— Твое Высочество, ты действительно хочешь общаться с этими... этими...

— Тебя что-то смущает, почтенный муж? — развернулась Атосса в пол-оборота к нему.

— Они же дрыхли все, как сытые коты! Наверняка ничего не знают!

— То же самое ты думал об этом человеке, — указала царевна ладонью на стражника, готового, казалось, сгореть от стыда на месте.

— Твое Высочество, — откашлялся командир, — не в моей власти да и не позволено мне перечить тебе, но... подобающее ли действие общаться царевне с простыми воинами? Да и опасно может быть.

Атосса снисходительно улыбнулась:

— Насчет первого можешь не беспокоиться, командир. А насчет второго...

— Со мной ей ничего не грозит, — внезапно вклинился в разговор спокойный, ровный голос.

Царевна вздрогнула и воззрилась на Бардию. Командир тоже перевел взор на него. Все увидели, что младший сын Кира стоит чуть поодаль. А его губы расходятся в доброжелательной улыбке.

Он наблюдал за ней. Наблюдал со стороны. Видел, что она подозревает его в чем-то. Подозревает, но не может доказать. Что она может? Эта жалкая смертная... в прекрасном обли-
чии куклы. Но в отличие от куклы, у нее есть зачатки разума. А потому стоит быть осторож-
нее... и приветливее. О, да. Этот урок он усвоил. Люди настолько глупы, что готовы раскрыть
свои сердца первому, кто ослепительно улыбнется им в лицо. Главное, чтобы это не походило
на оскал хищника.

И он заметил. Заметил колебания Атоссы. Почувствовал ее сомнения в ауре, источавшейся от нее. Ведь сейчас она лицезрела перед собой привычного Бардию. Пусть и слегка задумчивого.

Ему нельзя сейчас раскрываться. Иначе все планы пойдут крахом. А этого допустить нельзя. Никак нельзя. Скоро станет намного проще. Да-а, намного проще. Он ощущает это всем телом, с которым приходится мириться. Но это тоже пока... И пока... нельзя раскрываться. А значит...

— Со мной ей ничего не грозит, — повторил он и улыбнулся шире, — кто, как не величайший воин империи, способен защитить честь царевны от посягательств мужланов?

Командир едва не поперхнулся и поклонился.

Атосса же пристально взгляделась в брата, и тот спокойно выдержал этот взгляд, источая искреннее радушие.

Заминка продлилась недолго. В казармах нашлись люди, ночевавшие здесь во время смерти гонцов из Согдианы. Девушка проследовала внутрь в сопровождении нескольких воинов, командира и Бардии. Под крышей царил сумрак, но для *него*то не было помехой. Он хорошо видел смущение и легкий испуг на лицах людей. Жаль, что они трепещут не перед ним.

«Но это пока».

Как и ожидалось, допрос бойцов ничего не дал. Никто не вспомнил что-либо подозрительного. Ибо попросту не мог.

Он действовал бесшумно. В этом вся его личина. Один из истинных даров, которым обладают те, откуда он пришел. Да, он еще не восполнил их и на малую часть. Но заставить спать тех, кто не должен проснуться, особенно если это слабые смертные — задача слишком простая.

Взор коснулся царевны. Аккуратно, чтобы она его не почувствовала.

«Ее аура сильнее. Намного сильнее. Но она станет моей. И я выпью ее без остатка. Рано или поздно».

Атосса переживала разочарование и замешательство. Пока она ни на шаг не придвинулась к разгадке тайны. А тайна была. Убеждение в том не поколебалось ничуть. Перемены в Бардии и эта сладкая улыбка могли обмануть кого-нибудь другого. Воинов, слуг. Даже Камбиза. Старший брат редко видел дальше своего носа, пусть и обладал хитростью да навыками соглядатая. Но все это было направлено исключительно на собственные нужды и выгоду. Нет. Резкое возвращение прежнего Бардии лишь укрепили подозрения и страх. Атосса чувствовала, как он изучает ее в сумраке казармы, хоть и старается не показывать вида. Это заставляло нервничать. Царевна прилагала усилия, дабы держать себя в руках. А бойцы, как назло, ничего толком вспомнить не могли.

Сейчас оставалась одна единственная зацепка. Место, где нашли тело того конника, Артавадрии. Быть может, удастся там что-нибудь найти, хотя Атосса на то не слишком надеялась. И не желала думать, как поступать дальше. Вновь накатила слабость, но царевна ничем не выдала себя, а когда вышла на дневной свет уже полностью овладела собой.

— Надеюсь, твой неожиданный визит к нам был полезен для тебя, госпожа, — пробормотал командир, все еще растерянный посещением Атоссы.

— Незнание тоже знание, — задумчиво ответила та, повергая воина в еще большее смятение.

«Хорошо, что я не царь и не придворный, — подумал он, — голова б расплавилась, как бронза в кузне, от такого».

— Прежде, чем вернуться во дворец, — добавила царевна, — я бы хотела посетить то место, где нашли несчастного гонца из Согдианы.

Командир почесал затылок, но ничего не ответил, предпочтя оставить почтенной особе разбираться в своих желаниях самой да не лезть с лишними расспросами.

Атосса взглянула на Бардию:

— Проводишь меня туда, где его убили?

Тот улыбнулся и кивнул:

— Конечно.

— Получается, ты знаешь, где убили Артавадрию, и что смерть его была насильной? — резко спросила она. — Откуда?

Улыбка померкла на губах брата:

— С чего ты решила?

Девушка полностью развернулась к нему, взгляд ее заледенел:

— Иначе бы не вызвался с готовностью сопроводить меня туда. Выходит, прекрасно понимаешь, о каком месте идет речь, и что там произошло.

Повисла пауза. Причем столь тяжелая и напряженная, словно через несколько минут на город должна обрушиться буря, что сметет каждый дом с лица земли. И любое живое существо забилося в самый дальний угол да затихло, ожидая неминуемого конца. Лишь Атосса не сводила холодного взгляда с брата, а тот свой пристальный — с нее. На секунду царевне вновь почудились зловеющие рога над ликом Бардии. Они исчезли так же быстро, как и в первый раз, походя на колебания воздуха.

Командир громко сглотнул.

Бардия сделал шаг к Атоссе. Он уже не улыбался.

— Сестра. Я все понимаю. Горечь от потери матушки затуманивает разум. Поверь. Мне тоже тяжело, пусть и пытаюсь это скрыть. Но иначе я не могу объяснить твоих глупых... и странных выводов обо мне. Оскорбительных в своей сути! Ты хочешь обвинить меня в убийстве какого-то там гонца? Это ты хочешь сделать? И самое главное — зачем мне это? Зачем тебе это?

Атосса не ожидала столь резкого, внезапного напора. На один ее удар Бардия ответил сразу несколькими. Каждый болезненней другого. Теперь ей пришлось защищаться. Тем не менее присутствие духа она не утратила. В отличие от командира, который резко скукожился, подобно изюму. Остальные и вовсе желали провалиться сквозь землю.

«О, будь моя воля, — подумал Бардия, ощущавший их ауру, — я б непременно исполнил ваши желания. Но сейчас меня волнует другая...».

— Я просто хочу добраться до истины, — ответила Атосса.

— Добраться до истины, обвинив меня не пойми в чем?

— Но ты знаешь, что его убили, — совершила новый выпад царевна.

— С твоих слов, сестра, — парировал Бардия, — а разве у меня есть повод не доверять сестре? — он прищурился и сделал еще шаг. — И есть ли повод у тебя не доверять мне?

Он был таким убедительным. Таким... вновь похожим на привычного Бардию... а в глазах читалась искренность... что на миг Атосса заколебалась. Разум посетила мимолетная мысль, что все это ей привиделось. Все это — лишь следствие страшных потрясений, постигших ее в последние дни. Царевна очень хотела верить в подобное. Но нет. Она прекрасно помнила, что подозрения закрались еще до смерти мамы. И из памяти не шло нечто, похожее на жуткие рога. Видение, столь же мимолетное, как и эта мысль.

Атосса не отступила. Не отвела взгляд, хотя внутри сжалась в тугой комок.

Все вокруг молча наблюдали за ними, испытывая тревогу и замешательство. Однако для царевны с Бардией остальные перестали существовать. Даже время замедлило ход. Были лишь он и она...

— Нет, — как можно спокойнее и увереннее ответила девушка, но ее голос все-таки чуть дрогнул, — прости.

Атосса не была уверена, заметил он это или нет. Бардия только улыбнулся. Знакомой, доброжелательной улыбкой. А в глазах засиял огонь поддержки.

— Тогда пошли?

— Идем.

— Но я не знаю дороги, — виновато пожал плечами Бардия, — говорил же.

Атосса сдержанно кивнула и с трудом, словно болела шея, обернулась к командиру, что стоял белый, как шапка горы.

— Почтенный муж, не соблаговолишь ли выделить нам в сопровождение того, кто укажет место гибели гонца?

— Да-да, госпожа! — тут же спохватился он.

Громкий крик, и спустя несколько секунд из казарм показалась пара бойцов. Выслушав короткое наставление от командира, они безропотно присоединились к отряду, готовые показывать дорогу.

— Благодарю тебя, — окрепшим голосом молвила царица, — я освобожу их, как только все осмотрю. Они не задержатся надолго.

— О, не стоит твоих переживаний, госпожа, — поклонился командир, — воля Ахеменид закон для меня.

Атосса вяло улыбнулась и покинула территорию казарм. Командир поднял голову и недоуменно смотрел ей вслед.

«Боги, да что здесь такое происходит?».

— Прости и ты меня, — тихо сказал он, когда они отделились от дома воинов.

Атосса чуть напряглась и покосилась на брата:

— За что мне тебя прощать?

— Последние дни выдались тяжелыми для нас. Для всех. Ты столько взвалила себе на плечи, а я все время проводил с братом. Не поддержал тебя.

Вновь в душу царицы закрались сомнения. Быть может, все ее страхи зря? Вот он, Бардия, перед ней. Такой же, как и раньше. Его слова лились, подобно мягкой музыке, ласкали слух. Были полны учтивости, сочувствия. Зачаровывали. Пьянили аки сладкое вино... и именно это не позволило Атоссе захмелеть. Ее брат *никогда* так не говорил.

— Все хорошо, — вновь заставила себя улыбнуться она, — вам с Камбизом и вправду пришлось многое решать в отсутствии папы и... — царица запнулась, не желая касаться в разговоре болезненной темы о смерти матери.

— Ты, главное, помни, что я всегда поддержу, когда надо.

Она кивнула, но промолчала. Больше они не говорили.

Проход меж домов. Длинный и узкий. Тесный. В нем царил полумрак, но он не спасал от духоты. Дышать было тяжело. Будто на грудь положили увесистый камень. Атосса медленно продвигалась вперед, подавляя в себе желание опереться о стену. Находиться здесь, вдали от садов знати и дворца, оказалось непривычно. Все выглядело чужим. Чуждым. И грузные шаги Бардии позади, выделявшиеся из общего гула отряда, не прибавляли уверенности. Но раз она решила, то пойдет до конца.

Атосса представила, как Артавадрия шел здесь во тьме ночи. Как стены давили на него, как на нее сейчас, с обеих сторон. И как среди мглы его ожидала смерть.

Ее передернуло. Она ускорила шаг. Злоклятый проулок словно нарочно не спешил заканчиваться. Где-то впереди взвизгнула кошка. Царевна вздрогнула и сжала руки в кулаки.

«Учись быть сильной, — вновь прозвучал в голове голос Кира, — умей собраться в трудный миг».

Речь папы, будто услышанная наяву, помогла очистить разум. Тревога отступила. Атосса почувствовала облегчение, постаралась сосредоточиться на том, ради чего она здесь. Словно по волшебству, проулок в этот момент закончился, и они вышли на другую улицу.

— Мы нашли его здесь, госпожа, — сказал один из воинов.

Царевна осмотрелась.

Улица была полупуста. Несколько вавилонянок, обнаженных по пояс и несших кувшины с пивом, вздрогнули, завидев отряд. Тихо ахнули, поклонились да поспешили удалиться. Атоссу они мало интересовали. Она осматривала землю и округу.

На углу дома по левую руку еще виднелись засохшие пятна бурого цвета.

— Он ударился об это? — спросила она.

— Да, госпожа, — подтвердил боец.

— Должно быть, запнулся обо что-то, — добавил второй.

Царевна нахмурилась, посмотрела под ноги, окинула взглядом землю.

— Вы ничего не трогали здесь?

— Нет, госпожа.

— А когда вы нашли почтенного Артавадрию, здесь все было точно так же, как сейчас?

— Да, госпожа.

Бардия вышел из проулка и со скучающим видом оперся о стену дома напротив. Остальной отряд остался в сумраке проема.

Атосса подняла взгляд на воинов, которых отправил с ними командир:

— Но здесь нет ничего, за что можно было бы запнуться и впотьмах налететь на угол дома. Да еще с такой силой!

Бойцы переглянулись, затем в недоумении осмотрелись.

— И правда, госпожа... — прошептал один из них.

— Он мог запутаться в собственных ногах, — раздался голос Бардии.

Девушка медленно обернулась через плечо и посмотрела на брата. Тот продолжал стоять со скучающим видом. Заметив ее взгляд, пожал плечами и добавил:

— Если был в усмерть пьян, то вполне мог, — он задумался на пару мгновений, словно вспоминал что-то, и выдал, — я сам, когда был неуемен в питье на одном празднестве в Экбатане, чуть не упал. Ноги заплетаются, и земля уходит из-под ног, будто ее трясет кто-то, — Бардия перевел взор на воинов, — он был пьян?

— Разило, как от подзаборного горшка, — презрительно бросил один из них и, тут же, спохватившись, поклонился, — прости, господин. И ты, госпожа.

— Ну, вот и объяснение, — пропустил грязные словечки мимо ушей царевич и улыбнулся Атоссе.

— Он не походил на человека, который много пьет, — возразила она.

Бардия сощурился:

— А ты была с ним так хорошо знакома, сестра? Когда успела? И, главное, зачем?

Атосса почувствовала, как кровь стремительно начинает покидать лицо. О, Ахура-Мазда, она забыла! Забыла, что Бардия совсем не знает о том, что она встречалась с Артавадрией! И вот теперь выдала себя! Выдала на пустом месте!

Разум лихорадочно искал выход. Чтобы не стоять молча, подобно древним сфинксам, царевна открыла рот:

— Я...

Внезапно тело Бардии сотрясло судорогой. Лик его исказила гримаса боли. Царевич громко застонал и рухнул на колени.

Атосса вздрогнула, невольно отступила назад. Ее глаза расширились. В любой другой миг она непременно бросилась бы на помощь. Но сейчас... сейчас будто что-то удерживало на месте.

Бардию скрутило сильнее. С уст его сорвался хриплый рык. Чтобы окончательно не поваляться, он уперся ладонями в землю. Его било, как в самой сильной лихорадке.

Пальцы заскребли по земле, оставляя в пыли следы, похожие на когти чудовища. Атоссу словно окатило ледяной водой. В этот миг Бардия взревел, его сильно тряхнуло... а затем... все кончилось. Он замер, так и оставшись стоять на коленях да опершись руками о почву. Царевич молчал, не поднимал головы, и только глубокое дыхание разрывало мертвую тишину. Отряд боялся пошевелиться. Все с трепетом взирали на царевича. То же делала и Атосса. Именно она первой сбросила оцепенение и шагнула к брату.

— Бардия, — тихо, неуверенно позвала она.

Тот не ответил. Лишь продолжал тяжело и глубоко дышать.

— Бардия, — прошептала Атосса.

Рядом упал глиняный сосуд. Девушка вздрогнула и невольно обернулась. На улицу выскочила пестрая кошка. Видимо, уронила что-то на кухне и спешно скрывалась с места преступления. Она как раз поравнялась с ними и заметила Бардию. Животное резко замерло. Зеленые глаза немигающе уставились на царевича. А затем шерсть встала дыбом, спина выгнулась, и кошка угрожающе зарычала. Через миг рык перешел в шипение, от которого Атоссе стало плохо. Голова закружилась, девушка покачнулась, но устояла на ногах. И в этот миг Бардия вскинул взгляд на кошку.

Продолжая шипеть, та утробно мяукнула и, напоследок ударив лапой воздух перед собой, сиганула прочь, скрываясь в соседнем проулке.

Громко сглотнув, Атосса проследила за ней взглядом, а потом обернулась к Бардии, который медленно поднимался с колен. На миг почудилось, что брат стал больше... хотя он и так был самым крупным воином империи... Он не поднимал головы, но дыхание стало тихим и ровным. Грудь едва заметно вздымалась под доспехом.

— Бардия... — беззвучно прошептали губы царевны, и тут она услышала.

Шепот. Едва различимый. Как вялое дуновение среди полуденного зноя.

— Заххак.

— Что?

Вновь тишина. Округа словно вымерла.

На негнущихся ногах царевна сделал еще шаг и прошептала:

— Что с тобо...

Он вскинул голову.

Глава 20

Солнце ослепи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.